

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinikh@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович – заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aur@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович**, доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович**, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: rva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде**, доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаш**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor% Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

Том 24 • № 1 • 2018 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социально-исторический процесс индивидуализации и социальные механизмы его реализации. Часть I. Дифференциация и рационализация 5
- Баценоква А.А.* Концепция индивида и индивидуализации в теориях З. Баумана и У. Бека 34
- Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни . . 52
- Пахалюк К.А.* Истоки дискурсивного подхода в политических исследованиях 71

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Кочетова М.Г.* Социокультурная основа языковых идеологий (на примере английского языка) 98
- Вершинина И.А., Курбанов А.Р.* Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере городов Восточной Европы) 107
- Елишев С.О.* Исследования манипулятивного воздействия на российскую молодежь в имперский период отечественной истории . . 127
- Леонидова Г.В., Головчин М.А.* Молодежь в дискурсе современных социологических исследований: региональный аспект 154

Социология религии

- Трофимов С.В.* Конфликт светского общества и религии: от одиннадцатого сентября Нью-Йорка к черной пятнице Парижа 175
- Фазилев Р.Е.* Верующий в интерактивном информационном пространстве: практики потребления информации и диалог с атеистами . . . 193

Социология управления

- Борщевский Г.А.* Политические факторы институциональной трансформации российской государственной службы 210

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 24 • 2018 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

- Kimelev J.A., Polyakova N.L.* The social-historic process of individualization and the mechanisms of its realization. Part I. Differentiation and rationalization. 5
- Batsenkova A.A.* The concept of individual and individualization in the theory of Z. Bauman and U. Beck. 34
- Dobrinskaya D.E.* Cyberspace: territory of contemporary life 52
- Pakhalyuk K.A.* Intellectual origins of discursive analysis in political studies . . . 71

Social structure, social institutions and processes

- Kochetova M.G.* Social and cultural bases for language ideologies (on the example of English language) 98
- Vershinina I.A., Kurbanov A.R.* Social and political changes and the transformation of urban space (the case of Eastern Europe). 107
- Elishev S.O.* Studying of manipulative impact on the Russian youth during the imperial period of national history 127
- Leonidova G.V., Golovchin M.A.* Youth in the discourse of contemporary sociological studies: regional aspect 154

Sociology of religion

- Trophimov S.V.* Conflict of light society and religion: from 11 September of New York to the Black Friday of Paris 175
- Fasilov R.E.* Believer in the interactive information space: practices of information consumption and dialogue with atheists. 193

Sociology of management

- Borshevskiy G.A.* Political factors of institutional transformation of Russian public service. 210

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-5-33

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Часть I. Дифференциация и рационализация*

Ю.А. Кимелев, докт. филос. наук, проф., главный научный сотрудник ИНИОН РАН, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, г. Москва, Россия, 117218**

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234***

Процесс индивидуализации является одним из компонентов общего процесса становления обществ модерна наряду с такими процессами, как становление капитализма, индустриализма, процесс демократизации, урбанизации, становление современного политического и государственно-административного порядка. Роль и значение процесса индивидуализации, результатом которого явились становление и развитие современного индивида, очевидно недооценивались в социологии на фоне таких процессов, как становление капитализма или индустриализма, и только предложенный современной социологией диагноз современного общества как “индивидуализированного общества” в полной мере выявил роль и значение процесса индивидуализации.

Статья посвящена исследованию социально-исторического процесса индивидуализации и выявлению базовых социальных механизмов, посредством которых этот процесс осуществляется.

В статье указываются три базовых социальных механизма процесса индивидуализации, результатом развития которого является становление современного индивида. Речь идет о механизмах социальной дифференциации, рационализации и цивилизации. Анализ этих механизмов осуществляется на примере фундаментальных социологических теорий общества и теорий социального развития и изменения, разработанных в рамках как социологической классики, так и современной социологической теории.

Вычленение и реконструкция механизма дифференциации как механизма индивидуализации осуществляется на основе анализа методологических позиций, теории общества и теории социального развития Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Фиксируются этапы и принципы функционирования этого механизма, которые можно выявить в процессе аналитической реконструкции механизма дифференциации.

* Начало. Продолжение статьи (Часть II) см. в № 2 за 2018 г.

** **Кимелев Юрий Анатольевич**, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

*** **Полякова Наталья Львовна**, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Реконструкция механизма рационализации как ведущего процесса индивидуализации осуществляется в статье на основе анализа социологической теории М. Вебера и концепций Франкфуртской школы, принадлежащих М. Хоркхаймеру и Ю. Хабермасу. Вскрываются исторические этапы процесса индивидуализации, осуществляющегося на основе этого механизма, выявляется его специфика. Анализ теории Хабермаса позволяет продемонстрировать возможность одновременного использования механизмов дифференциации и рационализации для демонстрации исторического осуществления процесса индивидуализации.

В статье демонстрируется связь соответствующих механизмов дифференциации и рационализации, ведущих процесс индивидуализации, с возможностью осуществления изначально заложенных в идеологии модерна принципов свободы и равенства.

Ключевые слова: *индивид, индивидуализация, дифференциация, рационализация, цивилизация, индивидуальная свобода, равенство, модерн.*

THE SOCIAL-HISTORIC PROCESS OF INDIVIDUALIZATION AND THE MECHANISMS OF ITS REALIZATION

Part I. Differentiation and rationalization

Kimelev Juriy A., Doct. philos. Sci., Professor, Chief Scientific Officer, INION RAS, Krzhizhanovskogo street, 15-2, 117218, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The process of individualization is a component of the general process of formation of modern societies. The other components are: the formation of capitalism, of industrialism, the process of democratization, urbanization, the formation of modern political and state order. The result of the process of individualization is formation of modern individual. The function and importance of the process is obviously underestimated in sociological theory as compared to the attention given to the processes of formation of capitalism or industrialism. This has become clear as the latest sociology has characterized the contemporary society as “individualized society”.

The article is dedicated to the analysis of the social-historic process of individualization. Its aim is to bring to light the basic mechanisms through which this process was realized. These basic mechanisms are social differentiation, rationalization and civilization. The analysis of the mechanisms of individualization is based on classical and some contemporary sociological theories. The analysis of social differentiation takes the starting point in the analysis of methodological principles of theory of society and theory of social development of E. Durkheim and G. Simmel. The authors strive to point to the fundamentals of the historic process of social differentiation and its main stages.

Rationalization is the main mechanism of the process of individualization. The sociological theories of M. Weber, M. Horkheimer and J. Habermas form the basis of its analysis in the article. This analysis also points to the fundamentals of the process of individualization and to its main stages.

The article shows the interconnections of the mechanisms of differentiation, rationalization and civilization in the social-historic process of individualization. The article also strives to show the significance of the principles of individual liberty and equality as fundamental to the modern ideology.

Key words: *individual, individualization, differentiation, rationalization, civilization, individual liberty, equality.*

Целью данной статьи является выявление и анализ базовых социальных механизмов, посредством которых осуществляется исторический процесс индивидуализации, становление и развитие индивида модерна.

Эта задача решается посредством экспликации тех идей, которые могут быть сведены воедино в качестве концепции индивидуализации, содержащейся в рассматриваемых социологических теориях. Авторы считают, что такие концепции выявляют те или иные механизмы исторической реализации общего процесса индивидуализации. Типологизация выявленных механизмов и представлена в данной статье.

Индивидуализация – это фундаментальный процесс в рамках общего становления и развития обществ модерна. Рассмотрение этого процесса невозможно без некоторых предварительных замечаний общего характера.

Исследование процесса индивидуализации в той или иной форме является фундаментальным устремлением социологического знания с самого начала его становления. Такое исследование не было, однако, представлено как изучение самостоятельного и фундаментального процесса. Индивидуализация исследовалась как компонент, хотя и стержневой, общего процесса социального развития обществ, а также в контексте субъектно-ориентированной социологической традиции, например, в различного рода концепциях понимающей и интерпретативной социологии, традиции социологии социального действия.

В рамках социологической классики XIX в. индивидуализация как процесс рассматривалась в качестве главного “спускового крючка” в начальном процессе развития и усложнения обществ, процесса их внутренней дифференциации. Индивидуализация выступала как базовый механизм трансформации обществ, антропологическая константа в общем “бытии человека обществом”.

Большинство социологических теорий социального развития, создаваемых в рамках эволюционистской перспективы, в качестве стартового и исторического, и логического момента процесса социальной трансформации полагают слитность индивида с его социальной группой, первоначально просто с семейной группой,

а также полагает тождественность индивидуального сознания содержаниям коллективного сознания или исчерпанность ими. Социальная интеграция в обществе осуществляется на основе мифических либо религиозных картин мира, непосредственно сочетаемых с конвенциональной системой действия.

Именно с постулирования такой изначальной слитности человека и его социальной группы, общества, интеграция которых базируется на мифо-религиозной картине мира и конвенциональных системах регуляции, начинается построение теории развития, главным механизмом которого является процесс индивидуализации.

Процесс индивидуализации имеет свои этапы и фактически выстраивается как процесс исторического развития обществ. В соответствии с теориями социологической классики процесс индивидуализации являет два исторических этапа: домодерновый традиционалистский этап в развитии обществ и этап модерна, этап развитых капиталистических, промышленных обществ.

В данной статье будет предпринята попытка вычленить те компоненты социологических теорий, которые имеют отношение к процессу индивидуализации. Реконструированные таким образом социологические теории позволяют нам типологизировать содержащееся в них видение, преимущественно имплицитное, процесса индивидуализации и становления индивида модерна. Предлагаемая нами типологизация основывается на выявлении социального механизма индивидуализации, который чаще всего является и механизмом оформления индивида модерна.

Мы вычленяем три основных механизма процесса индивидуализации, которые с той или иной степенью четкости и разработанности присутствуют в социологической теории. Речь идет о механизмах 1) дифференциации, 2) рационализации, 3) цивилизации. Следует при этом указать, что все три механизма могут одновременно присутствовать в описаниях процессов индивидуализации, однако, так или иначе один из них получает приоритетное значение, что и позволяет использовать ту или иную социологическую теорию для демонстрации соответствующего типического подхода к анализу механизма процесса индивидуализации и становления индивида модерна.

Индивидуализация и социальная дифференциация

От сходства к различию: Эмиль Дюркгейм

Основу и структурный принцип социального порядка составляет, по Эмилю Дюркгейму, определенный тип социального взаимодействия, или солидарности. Он выделяет два типа солидарно-

сти и, соответственно, два типа социальной жизни и указывает, что “социальная жизнь проистекает из двойного источника: из сходства сознаний, а также из разделения социального труда”¹. В первом случае индивид социализирован, поэтому он фактически механически объединен с другими в одном едином коллективном типе. Во втором случае мы имеем дело с индивидами, обладающими развитым индивидуальным сознанием, имеющими личностный облик и свою особую деятельность, отличающую их от других. Именно в той мере, в какой индивиды отличаются друг от друга, формируются современные общества.

Первый тип солидарности порождает общество механической солидарности. Оно возникает и существует на основе общности сознаний. В обществе механической солидарности все индивиды обладают фактически одинаковым унифицированным сознанием. Такое общество обладает очень объемным, интенсивным и четко определенным коллективным сознанием, не оставляющим пространства для индивидуального сознания, индивидуализированных интересов, индивидуализированного действия, что связано с детальной проработкой содержания коллективного сознания. Анализ содержания этого сознания, прежде всего моральных и правовых норм, приводит Дюркгейма к выводу о его репрессивном характере, нацеленном на подчинение индивида коллективу, коллективным целям и интересам, что в свою очередь выражается в преобладании среди моральных норм норм с репрессивными санкциями и уголовного права.

Социальная структура подобного общества характеризуется Дюркгеймом как сегментарная, т.е. состоящая из одинаковых по своей организации территориальных образований – орд, семей, кланов. Морфологически такая структура характеризуется слабыми, малочисленными и редкими социальными связями, низкой моральной и материальной плотностью, а также малым объемом населения.

Второй тип солидарности связан с обществом органической солидарности. Оно возникает эволюционным путем в результате процесса индивидуализации, постепенно вытесняя и замещая общество механической солидарности.

Однако условием появления нового индивидуализированного общества с развитой системой разделения труда является, прежде всего, исчезновение старого, которое как может сопротивляться появлению этого нового общества. Дюркгейм особо подчеркивает то обстоятельство, что разделение труда устойчиво развивается

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 214.

только по мере того, как исчезает высокообъемное коллективное сознание и сегментарная структура, ведь именно то и другое являются условием появления разделения труда как основы совершенно нового типа социальной структуры. Господство коллективного сознания и сегментарная социальная структура препятствуют появлению индивидуального сознания, индивидуальных особенностей, при условии наличия которых только и возможно появление разделения труда как основы органической солидарности. Дюркгейм специальным образом рассматривает процесс “ужимания” коллективного сознания, ослабления его интенсивности и степени определенности, который делает возможным появление и становление индивидуального сознания и оформление процесса индивидуализации.

Ужимание коллективного и становление индивидуального сознания осуществляются также не без влияния морфологических и экологических факторов. Расширение среды обитания, изменение и уплотнение социального пространства приводят к тому, что коллективное сознание все более “отдаляется” от конкретных вещей, от локальной привязанности и становится все более абстрактным. Это подтверждается, по мнению Дюркгейма, оформлением идеи трансцендентного Бога, общим процессом рационализации, развитием права и морали, более рациональным состоянием цивилизации в целом.

Исчезновение сегментарной социальной структуры отрывает индивида от родной среды, делокализирует сознание, а это освобождает индивида от влияния непосредственной территории проживания семьи в широком смысле слова, предков, традиций. В результате коллективное сознание, которое фактически репрезентирует общество, менее плотно охватывает индивида, оставляет простор для развития индивидуального сознания, его изменчивости и вариативности; получает развитие уже ничем не сдерживаемое расхождение индивидуальных стремлений, оформляются индивидуальные интересы, стартует процесс индивидуализации. Этот процесс развития индивидуального сознания принимает форму социального разделения труда, из которого необходимо рождается более высокая степень культуры, развиваются наука, искусство, экономическая деятельность — все то, что Дюркгейм вкладывает в понятие цивилизации.

Появляются отдельные личности, пишет Дюркгейм, которые начинают осознавать себя, и это приращение индивидуальной психической жизни, однако, не ослабляет социальную жизнь, а только преобразует ее. Социальная жизнь благодаря этому становится свободнее, обширнее, и так как в конце концов она не имеет другого

субстрата, кроме индивидуальных сознаний, то последние в силу этого укрепляются, становятся более сложными и гибкими.

Индивидуальные сознания, с одной стороны, являются единственным субстратом социальной жизни, и чем они богаче, тем богаче социальная жизнь, однако, с другой стороны, это богатство индивидуального сознания и сама его индивидуальность зависят от общества, от количества и частоты контактов индивидов, от взаимного обмена услугами между ними. Фактически индивидуальные сознания в качестве субстрата социальной жизни являются порождением коммуникативной среды, в которой приходится функционировать индивиду. Дюркгейм пишет: “Бесспорна та истина, что нет ничего в социальной жизни, чего не было бы в индивидуальных сознаниях; но почти все, что в них находится, взято ими из общества. Большая часть наших состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и проявилась бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психологической природы человека вообще, но из *способа*, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно их количеству и степени сближения. Так как они продукты групповой жизни, то только природа группы может объяснить их... Общество не находит в сознаниях вполне готовыми основания, на которых оно покоится; оно само создает их себе”². Таким образом тип общества и тип индивида оказываются жестко скоррелированными. В итоге общество органической солидарности, во-первых, с морфологической точки зрения характеризуется высоким объемом населения (высокая материальная плотность), частыми и сильными социальными связями (высокая моральная плотность). Во-вторых, это общество, которое состоит из развитых индивидов, чье сознание, ментальность, духовная жизнь не исчерпываются содержаниями коллективного сознания: сознание индивидов объемнее, богаче и вариативнее. Индивид уже более не растворен в коллективе, он имеет свои цели, интересы, позиции. В-третьих, само коллективное сознание резко сужается как в своем объеме, так и в своем содержании. Положительное нормативное регулирование сменяется на отрицательное в сфере морали, появляются новые правовые системы – гражданского, коммерческого, административного права. Снижается уровень религиозности. И, наконец, в-четвертых, социальная структура общества органической солидарности формируется на основе разделения труда. Именно система разделения труда предстает в качестве инстанции, задающей структурные ограничения социального действия, формирующей социальные отношения как обменные и договорные.

² Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 327.

Процесс индивидуализации, будучи реализованным в институционально-структурном плане как система разделения труда, фактически становится главным источником социально-исторического изменения и одним из фундаментальных процессов становления модерна. Дюркгейм увязывает этот процесс со становлением промышленного общества с его новой системой разделения труда и ценностно-нормативной системой, с новой системой индивидуально-договорных отношений.

Дюркгейм предлагает свою теорию индивидуального социального контракта, основу которого составляет теория справедливости и свободного волеизъявления. Свободный индивидуальный контракт должен соответствовать двум условиям.

Первое условие состоит в том, что каждый индивид должен находиться в гармонии со своей функцией, она не должна быть навязана ему принудительно. Свободное соединение индивида со своей функцией, ликвидация всякого неравенства “во внешних условиях борьбы” – таково первое условие.

Второе условие, которое выдвигает Дюркгейм, – это справедливый и эквивалентный обмен функциональными услугами и справедливое вознаграждение. Это фактически предполагает систему индивидуально-договорных отношений. Договорная солидарность является важным фактором социального согласия и порядка, но договор связывает только тогда, когда обмениваемые ценности эквивалентны, а обменивающиеся стороны поставлены в одинаковые условия.

При этом Дюркгейм подчеркивает, что такая свобода и справедливость не являются выражением “самопроизвольного характера общественной жизни”. Это результат регламентации со стороны морали и этических императивов общества, продукт отвоевывания общества у природы. “В конце концов свобода есть подчинение внешних сил социальным силам, ибо только при таком условии последние могут развиваться свободно... Она, значит, может осуществляться только поступательно, по мере того как человек поднимается над вещами, чтобы предписать им закон, чтобы отнять у них случайный, аморальный характер... Итак, можно сказать, что задача наиболее развитых обществ – дело справедливости”³. И далее Дюркгейм заключает, что точно так же, как древние народы для того, чтобы жить, нуждались прежде всего в общей вере, современное индивидуализированное общество нуждается в справедливости.

³ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 359.

Индивидуализация и индивидуальность: Георг Зиммель

Индивидуализация и принцип методологического индивидуализма

Концепция индивидуализации образует ядро социологической теории Георга Зиммеля. Базисным методологическим принципом, на основе которого осуществляется построение его социологии, является принцип “методологического индивидуализма”. Принцип методологического индивидуализма состоит в том, что основание социологического анализа, начало любого исследования, как и начало социальной действительности, составляет индивидуальное социальное действие отдельного человека, обусловленное его взаимодействием с другими. Ощутимо и действительно, согласно Зиммелю, только существование отдельных людей.

Социология должна поэтому отказаться от приоритета целого, — группы, общества, — представлявшегося первоначально непосредственным объектом социологического мышления, и начать с “исследования положения и судьбы отдельного человека, обусловленного его взаимодействием с другими, соединяющим его с ними в одно социальное целое”⁴.

Принцип методологического индивидуализма лежит в основе теории обобществления Зиммеля — “бытии человека обществом”. Индивидуальность — это нередуцируемая реальность, даже в своих крайних жизненных формах. Позиция Зиммеля состоит в том, что “жизнь не полностью социальна”⁵. Человек только некоторыми своими сторонами входит в общество как его элемент, другими своими сторонами — нет. Характер его обобществленности обусловлен характером его необобществленности.

Общественная жизнь как таковая основывается на принципиальной гармонии между индивидом и социальным целым. Каждому индивиду благодаря наличию у него определенных качеств указано определенное место в его социальной среде. Это идеально принадлежащее ему место действительно имеется в социальном целом. Этот тезис Зиммель называет “*предпосылкой всеобщей ценности индивидуальности*”.

Эмпирическое общество оказывается возможным только благодаря этому обстоятельству, наиболее полно воплощенному в понятии профессионального призвания. Общество производит в себе и предлагает некоторое “место”, которое отличается от всех других по содержанию и форме, и в принципе может быть заполнено

⁴ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 321.

⁵ Зиммель Г. Как возможно общество // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. С. 518, 519.

многими, а потому оно и анонимно. Однако несмотря на неиндивидуальный характер этого места индивид стремится занять это место на основании внутреннего призвания, личных качеств, возможностей и достоинств.

Любое “профессиональное призвание” нуждается в гармонии между строением, жизненным процессом общества, с одной стороны, и индивидуальными качествами и устремлениями личности — с другой. Именно на этой гармонии основывается представление, что для каждой личности найдется в обществе позиция и деятельность, к которым она призвана, а также этический императив: искать свою позицию и свою деятельность, пока не найдешь. Индивидуальность отдельного человека находит таким образом свое место в “структуре всеобщности”.

Индивидуализация и дифференциация

Индивидуализация является стержневым принципом теории социального изменения у Г. Зиммеля. Зиммель является сторонником теории социального прогресса как в методологическом, так и в ценностно-нормативном отношении. Он рассматривает развитие как прогрессивное движение ко все большей свободе личности, к богатству ее культурных содержаний и возможностей, к увеличению и богатству общества через умножение и усложнение социальных форм.

Зиммель рассматривает развитие общества по аналогии с процессом усложнения и дифференциации организма, при этом, однако, суть и специфика его подхода состоят в том, что источником и механизмом социального развития является индивид, а не структурные трансформации общества как надиндивидуального образования. Изменение возникает на индивидуальном уровне и осуществляется как процесс индивидуализации, порождающий процесс социальной дифференциации.

Отметим, что именно в связи с этим тезисом Зиммель осуществляет ревизию и критику функционалистских подходов в теориях социального развития, разработанных предшествующей социологией. Зиммель радикально не согласен с функционалистами органицистской социологической традиции в том, что прогрессивный процесс дифференциации, количественного роста и усложнения социальных образований тождественен их функциональному усложнению, а функции тождественны индивидам, их реализующим. Зиммель утверждает, что именно вера в то, что личности не только связаны с функциями, но фактически совпадают с ними, в корне

неверна. Такое совпадение только задерживает индивидуализацию. И об этом свидетельствует история.

В той мере, в какой отдельный человек, пишет Зиммель, отдается служению своей группе, т.е. выполняет определенную функцию, он получает от нее форму и содержание своего собственного существа. Добровольно или недобровольно, но член малой группы сплавляет свои интересы с интересами своего сообщества, и таким образом они делаются его интересами. “Его природа сплавляется до известной степени с природой целого”⁶, а это означает исчезновение индивидуальной специфики человека, сужение или исчерпание потенциала индивидуального действия. Функционализация и индивидуализация оказываются, таким образом, противоположными процессами. Любая функционализация, по мнению Зиммеля, задерживает индивидуализацию, процесс становления и развития индивидуальности.

Основу процесса развития, усложнения и дифференциации образует не функционализация, а индивидуализация, которая всегда принимает форму социальной дифференциации. Развитие, по Зиммелю, осуществляется в виде многочисленных тенденций, среди которых можно выделить следующие: индивидуализация, ведущая к разносторонности индивида, увеличению богатства содержаний его сознания; дифференциация деятельностей индивида, ведущая к появлению новых социальных форм.

Индивиды, схожие в своих взглядах, деятельности, интересах, принадлежащие к различным группам и кругам, сходятся воедино, создают новые круги соприкосновения, которые под самыми разными углами пересекают прежние круги. Те группы, к которым принадлежит индивид, образуют как бы систему координат. Каждая новая группа, присоединяющаяся к этой системе, определяет индивида со все большей точностью и однозначностью. Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, является одним из показателей высоты культуры как индивида, так и общества в целом. Таким образом, развитие предстает как двусторонний процесс: *индивидуализация* на уровне отдельного индивида и *дифференциация* на социальном уровне. В качестве движущего механизма выступает процесс индивидуализации, который предстает как процесс духовного, познавательного и эмоционального самоосуществления индивида, но всегда и сразу же в социальной форме, и чаще всего первоначально в форме конфликта и конкуренции.

⁶ Зиммель Г. Как возможно общество. С. 328.

Индивидуализация и дифференциация как ее социальная форма ослабляют связь — реальную и идеальную — с более дальними, создают новые группы и круги общения. Но одновременно с этим дифференциация выступает в качестве механизма, удерживающего общество в его целостности. Историческое развитие, ведомое процессом самоосуществления индивида, движется, по Зиммелю, в направлении распада мелких групп и расширения форм ассоциации. А там, где образуется большое целое, там встречается одновременно так много тенденций, влечений и интересов, что единство целого, его существование как такового давно было бы утрачено, если бы дифференциация не распределяла то, что по существу индивидуализировано и различно, между различными индивидами, институтами и группами.

Именно в этом своем качестве удержания целого механизм дифференциации порождает противоположный процесс — процесс группообразования как тенденцию к недифференцированности. В процессе группообразования дифференциация, основанная на процессе индивидуализации, выступает в форме разделения труда, а сам процесс индивидуализации — в форме функционализации и порождает группу как функциональное тождество или функциональное единство.

Социальное развитие выстраивается как становление все более и более сложных форм разделения труда, подчиненных закону экономии сил. Углубление процесса разделения труда служит возвышению культуры, поскольку приводит к формированию “сущностно различных” личностей и их деятельностей в форме профессий и формирования системы профессионального труда. В рамках системы разделения труда создаются основные социальные институты и сферы деятельности. Они формируются в результате передачи соответствующих функций и деятельностей личностей этим институтам и воплощаются в социальных формах.

Развитие осуществляется по спирали: высокодифференцированное целое сопряжено с высокоразвитым индивидом, способным выполнять различные функции. “Спираль развития достигает здесь той точки, которая расположена как раз над исходным пунктом: на этой высоте развития индивид относится к целому точно так же, как и в примитивном состоянии, с тем различием, что тогда обе стороны были не дифференцированы, а теперь они дифференцированы”⁷. Индивид, нашедший и сформировавший

⁷ Зиммель Г. Как возможно общество. С. 448.

в процессе индивидуализации свою функцию, занимает только ему принадлежащее место в обществе как целом и таким образом образует с ним нерасчлененное единство, реализуя тем самым в истории “всеобщую ценность индивидуальности”.

“Новый индивидуализм”; свобода и неравенство

Общераспространенным, как указывает Зиммель, является мнение, что то, что называется индивидуальностью, было создано в эпоху Возрождения. Речь идет о высвобождении индивида из средневековых общинных форм коллективной жизни, нивелирующих жизнь, деятельность и основные побуждения индивида, стирающих очертания личности, сдерживающих развитие ее свободы и личной ответственности.

Однако в данном случае речь идет о специфическом процессе индивидуализации – об индивидуализме отличительности, честолюбия, самоутверждения и подчеркивания исключительности своей особы. Этот “индивидуализм был еще настолько связан множеством ограничений, настолько определялся банальными низинами бытия, что у индивида не было возможности к развитию своих сил, своей жизненной свободы, чувства личностной самодостаточности. Накопление этого подавленного индивидуализма привело к взрыву только в XVIII веке. Но он двинулся по иному пути, ведомый другим идеалом индивидуальности, – его глубочайшим мотивом стало не отличие, им была свобода”⁸.

Свобода становится идеалом и главным требованием перед лицом утративших всякую легитимность и всякое право на существование институтов прежних обществ. Эти институты – сословные привилегии и деспотический контроль со стороны церкви, государства, цеховой организации, отсутствие политических свобод – сдерживали энергию и свободу индивидов и осознавались индивидами как жизненные оковы. “Рвущийся к самоосуществлению индивидуализм, – пишет Зиммель, – имел своим фундаментом представление о *природном равенстве* индивидов”⁹.

Специфика индивидуализма XVIII в. состояла в том, что центром интересов того времени был человек вообще, всеобщий человек, который как сущность живет в каждой отдельной личности. Право, свобода и равенство при такой перспективе сущностным образом связаны – в этом “стержень понятия индивидуальности,

⁸ Зиммель Г. Индивид и свобода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. С. 193–194.

⁹ Там же. С. 194.

который принадлежит к великим категориям истории духа”¹⁰. По мнению Зиммеля, именно всеобщее равенство стало “глубочайшей точкой индивидуальности, а индивидуальность абстрактного человека сделалась последней субстанцией личности”¹¹.

Однако свобода индивида и равенство не могут совпадать. Равенство недостижимо и невозможно: стоит индивидам обрести свободу, как начинает проявляться их естественное неравенство, появляется “новое угнетение: глупых — умными, слабых — сильными, робких — агрессивными”. XIX в. в полной мере выявил это противоречие между равенством и свободой. Социальная мысль XIX в. в полной мере осознала проблему, и “новый индивидуализм” на место равенства поставил проблему неравенства. При этом Зиммель подчеркивает, что “свобода остается общим знаменателем при всей полярности этих коррелятов”. Новый индивидуализм оказался связанным с тем, что стоило индивидам освободиться от ограничений церкви, сословия, цеха, как эти индивиды пожелали отличаться друг от друга, быть особенными и незаменимыми, обладать своей неповторимостью и индивидуальностью. Упор делается не на равенстве с другими, а на полном своеобразии.

Зиммель, подводя итог, заявляет, что можно сказать, что “индивидуализм свободной, мыслимой как принципиально равной другим, личности утверждается в рационалистическом либерализме Франции и Англии, тогда как качественная неповторимость в большей мере является делом германского духа”¹². Все Новое время, пишет Зиммель, происходит поиск индивидом самого себя, точки опоры и достоверности, нужда в которой становится все больше вместе с появлением множественных и практических перспектив, вместе с усложнением жизни. Именно поэтому такую точку не удастся найти в какой бы то ни было внешней для души инстанции. “Все отношения с другими людьми оказываются, в конечном счете, только остановками на пути, по которому Я движется к себе самому. Я может сравнивать себя с другими, поскольку в своем одиночестве еще нуждается в такой поддержке; оно может стать настолько сильным, чтобы претерпевать одиночество, и тогда множество других существует лишь для того, чтобы каждый видел в них просто меру своей неповторимости, меру индивидуальности своего мира”¹³.

¹⁰ Зиммель Г. Индивид и свобода. С. 195.

¹¹ Там же. С. 196.

¹² Там же. С. 199.

¹³ Там же.

Индивидуализация как процесс рационализации

Индивидуализация и рационализация: Макс Вебер

Концептуализация процесса индивидуализации у Макса Вебера носит значительно более сложный характер, чем у Э. Дюркгейма и у Г. Зиммеля. В работах и Дюркгейма, и Зиммеля процесс индивидуализации рассматривается в перспективе становления индивида модерна, т.е. как процесс высвобождения из различных форм и групп традиционных обществ в связи с общим процессом дифференциации, причем рассматривается с опорой на материалы социально-антропологических исследований. Вебер же опирается, прежде всего, на масштабные исторические исследования культуры и религии. У Вебера при исследовании процессов развития культуры и общества речь идет не о процессах высвобождения индивида из различного рода культурных, религиозных и социальных коллективностей, результатом чего становится индивидуальность человека. Процесс индивидуализации осуществляется на основе общего процесса рационализации, отличного от процесса дифференциации.

Главное состоит в том, что если у Дюркгейма и Зиммеля процесс индивидуализации и процесс нарастания свободы индивида в тенденции совпадают, то у Вебера становление индивида модерна, связанное с общим процессом рационализации, ведет к ограничению, а не к росту его свободы. И если индивид в перспективе теорий Дюркгейма и Зиммеля предстает как утрачивающий замысленное и проектируемое в контрактуализме *равенство*, то у Вебера он утрачивает *свободу*, попадая в тиски инструментального разума и формальной рациональности — тенденции, которая в полной мере проявилась в XX в.

Индивидуализация в социологической теории Вебера — это развертывающаяся на нескольких уровнях совокупность социально-исторических процессов, стержень которых образует процесс рационализации.

В социологии Вебера у процесса рационализации два главных источника. Во-первых, это теоретическое мышление, направленное на расколдовывание мира, и, во-вторых, созданные в рамках религиозного мировоззрения и практики различные модели религиозной этики, стремящиеся “практически рационализировать мир в этическом смысле”¹⁴. При этом в историческом плане этическая

¹⁴ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 36.

рационализация мира предшествует рационализации, осуществляемой теоретическим мышлением.

Соответственно, процессы индивидуализации можно разделить на два периода: домодерновый период и период, связанный с существованием современных обществ. Общая хронология процессов совпадает с соответствующей хронологией в теориях Дюркгейма и Зиммеля. Однако нет содержательного совпадения. Развитая индивидуальность в теории Вебера в равной мере присутствует и характеризует оба исторических периода, а не только период становления и существования обществ модерна. При этом процесс индивидуализации в домодерновый период осуществляется преимущественно как этическая рационализация, а в эпоху модерна центр тяжести смещается на научную рационализацию.

Рационализация всегда предстает как создание метода, т.е. средств и инструментов достижения целей, и как формирование соответствующих социальных практик у сословий, групп и профессий, использующих оформившийся метод. Таким образом, индивидуализация осуществляется как процесс рационализации жизненного поведения индивида, как *методическое ведение жизни*.

Такое видение задает смысл всему теоретическому построению Вебера. Любое социологическое исследование начинается с вопроса о том, какие мотивы заставляли и заставляют отдельных людей, членов данного сообщества вести себя тем или иным образом. Методологический подход Вебера предполагает, что объектом теоретического и эмпирического интереса может быть только индивидуальное человеческое действие, а целью исследования — понимание и объяснение человеческого действия. Задача же социологии состоит “в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий”¹⁵. Социология, пишет Вебер, «рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как “атом”»¹⁶, а любые формы коллективностей, например “общество” в качестве “категорий определенных видов совместной деятельности людей”¹⁷. Данная общеизвестная методологическая позиция Вебера приведена здесь для того, чтобы подчеркнуть роль и значение исследования процесса индивидуализации в социологии Вебера.

Индивидуализация — это исторический процесс, истоки которого следует искать в истории религиозной жизни. Начало процесса индивидуализации стартует с оформления этик спасения.

¹⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 607.

¹⁶ Там же. С. 507.

¹⁷ Там же.

Индивидуализация — это процесс высвобождения индивида из “культы сообщества”. Вебер следующим образом описывает этот процесс: «Исконный культ сообщества, прежде всего политических союзов, игнорировал все индивидуальные интересы. Бог племени, местности, города, империи заботился только о том, что касалось сообщества в целом... К нему взывало, следовательно, в своем культе сообщество как таковое. Для предотвращения или устранения зла — прежде всего болезни — отдельный человек обращался не к культу сообщества, а к колдуну, старейшему “пастырю” индивидов... Маг превращался в мистагога: возникали наследственные династии мистагогов или организация с обученным персоналом, главы которых определялись по известным правилам... Таким образом, появилось учреждение религиозного сообщества, связанное с собственно индивидуальным “страданием” и “избавлением” от него»¹⁸.

Процесс индивидуализации идет рука об руку с процессом рационализации и систематическим размышлением о “смысле” мира. Рационализация и процесс индивидуализации оказываются двумя сторонами единого процесса развития культуры и основных культурных форм, создателем и носителем которых является индивид. Рационализация сферы религиозной нравственности и появление соответствующих этик оформляют процесс индивидуализации.

Вебер увязывает процессы рационализации с двумя фундаментальными проблемами, которые необходимым образом должен решать человек в своем существовании: это проблема смысла и проблема страдания и справедливости. Они взаимосвязаны и предстают первоначально у Вебера в рамках исследований различных культов и религий спасения. “Сознательно культивируемая, — пишет Вебер, — в качестве содержания религиозности потребность в спасении всегда и повсюду возникала как следствие стремления к систематической практической рационализации реальной жизни... как следствие стремления... показать, что мировое устройство — во всяком случае постольку, поскольку оно затрагивает интересы людей, носит в той или иной мере *осмысленный* характер... Это происходило естественно, как следствие проблемы несправедливости страдания, как постулирование справедливого распределения индивидуального счастья в мире”¹⁹.

Вебер указывает на очевидное мироощущение человека, согласно которому “мир как средоточие несовершенства, страдания,

¹⁸ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. С. 48.

¹⁹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. С. 33.

греха, преходящести, обремененный виной”²⁰ с этической точки зрения всегда лишен смысла и ценности. На утрату ценности и смысла человек реагировал совершенно определенным образом — он искал путь “спасения”. И «чем систематичнее становилось размышление о “смысле” мира, чем рациональнее был этот мир в своей внешней организации, чем сублимированнее было осознанное переживание его иррационального содержания, тем более удалялось от мира, от упорядоченности жизни специфическое содержание религиозности. И к этому вело не только теоретическое мышление, направленное на расколдовывание мира, но именно попытка религиозной этики практически рационализировать мир в этическом смысле»²¹.

Но чем интенсивнее рациональное мышление занималось вопросами справедливого распределения, счастья, страдания, равенства, тем проблематичнее выглядело его внутримирское решение. Поэтому вопрос был перенесен в область внемирского его решения и предстал как теодицея страдания и религия спасения. Развитие этой тенденции предполагало создание религиозной веры в “Спасителя” и религиозных этик спасения, стремящихся к практической рационализации несправедливости и страдания.

Вебер выделяет различные типы религиозных этик, из которых, однако, не каждая представляла как рациональный метод ведения жизни и решения для индивида проблемы смысла и спасения в бессмысленном и несправедливом мире, наполненным страданием. Страдание всегда шло рука об руку с надеждой индивида на спасение, а “надежды на спасение почти всегда порождали теодицею страдания”, выходом из которого не всегда, однако, была рационализация картины мира и создание метода или рациональной этической модели жизни.

Из “трех видов теодицеи”, среди которых Вебер называет мистицизм, монашескую аскезу и мирской рациональный аскетизм, только последний оказался способным в полной мере стать рациональным основанием для мирской этики спасения, как рационального метода ведения индивидуальной жизни, ведущего к спасению, а также основанием исторического процесса индивидуализации.

Во все времена, считает Вебер, к уничтожению магии и суеверий и формированию рационального образа жизни приводило только одно средство — великое пророчество. Это явление отнюдь не свойственно исключительно христианству, оно часто встречается в истории религий, и наиболее яркой его формой является аске-

²⁰ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. С. 36.

²¹ Там же.

тизм. Аскетизм означает твердое проведение в жизнь определенного строгого уклада жизни. Монашество является первой рационально живущей группой людей, методически и сознательно стремящихся к одной цели — блаженной жизни за гробом. Однако сознательно последовательный образ жизни ограничивался только монашеством. Попытки внедрить его в мирскую жизнь разбивались в христианстве о церковный институт покаяния в грехах, исповеди и отпущения грехов. С этой системой дуализма в этике, разделения мирской и монашеской морали, различия между моралью для всех и моралью для немногих избранных решительно порвала Реформация. Только в эпоху модерна аскетизм стал внутримирским, для чего Реформация создала свои особые правила. Этими правилами было служение Богу в миру, соединение с Богом через труд, через профессию, через призвание. Вебер приводит в связи с этим известное высказывание: “...ты думаешь, что убежал от монастыря — нет, теперь каждый всю свою жизнь должен быть монахом”²². Порицая наслаждение, но, не разрешая отречься от мира, протестантизм задачей каждого человека считал подчинение себе внешних условий жизни. Протестантская аскеза, этика ведения жизни и спасения создают и оформляют индивида модерна.

Мирской рациональный аскетизм является радикальной противоположностью мистицизма с его религиозным содержанием, уходом от жизни и действия, предлагает в качестве своего основания “аскезу действия”, которая находит себя в миру, преобразует его рационально и подавляет “рукотворно-греховное с помощью какой-либо мирской профессии (мирская аскеза)”²³. “Beruf” — призвание, профессия — стало одним из центральных понятий веберовской социологии. «В понятии “Beruf”, — пишет Вебер, — находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских поисков... который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его “призванием”»²⁴.

Мирской рациональный аскетизм — аскетизм профессионального призвания — фундаментальным образом связал процесс индивидуализации и становления индивида модерна с процессом рационализации.

²² Вебер М. История хозяйства. Прага, 1923. С. 228.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика // Вебер М. Избранные произведения. С. 97.

В результате “современной теоретической и практической интеллектуальной и прагматической рационализации картины мира и жизненного поведения”²⁵ основой поведения индивида становятся рациональные структуры социального поведения, которые осуществляют историческое развитие социального действия от традиционного его типа к аффективному, ценностно-рациональному и целерациональному.

Отметим следующее. Указанный Вебером целерациональный тип социального действия стал господствующим в хозяйственной сфере, сфере права и государственного управления, приводя к всеобщему доминированию инструментальной рациональности. Это поставило индивида перед лицом новых исторических вызовов, связанных не только с социальным неравенством и социальной несправедливостью, но и с судьбами его социальной свободы.

Индивид и инструментальный разум: Макс Хоркхаймер

Вызов индивиду со стороны процесса рационализации и оформившегося в XX в. господства инструментального разума в полной мере в социологии был тематизирован и осмыслен прежде всего Критической теорией. Наиболее точно и полно диагноз был поставлен Максом Хоркхаймером: “Формализация разума ведет к парадоксальной культурной ситуации. Деструктивный антагонизм самости и природы – антагонизм, выражающий суть истории нашей цивилизации, достигает в нашу эпоху своего пика. Мы уже видели, как тоталитарные усилия покорить природу низвергли Я, человеческого субъекта, до состояния орудия подавления. Все остальные функции самости, ранее выражавшиеся общими понятиями и идеями, были дискредитированы”²⁶.

Как подчеркивает Хоркхаймер, современный “кризис разума” находит свое выражение в “кризисе индивида”, в качестве органа которого разум развивался и понимался при этом индивидом как “инструмент самости”. Кризис разума при этом состоит в том, что “достигнув своего логического завершения, разум стал иррациональным и перестал быть самим собой”²⁷. Эта ситуация иррациональности разума и требует постановки вопроса об индивиде. Хоркхаймер считает, что постановка вопроса об индивиде как об исторической данности – это постановка вопроса о человеке как о сознательном человеческом существе, т.е. как индивидуальности

²⁵ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. С. 55–56.

²⁶ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011. С. 186.

²⁷ Там же. С. 148.

и как о самотождественной личности. Называние себя “Я” — это самое “элементарное утверждение личности”.

Индивидуальность предполагает развитую потребность и стремление к безопасности, “материальной и духовной устойчивости своего существования”, которые связаны с властью над вещами и контролем над обществом. Однако “чем сильнее у индивида развито стремление к власти над вещами, тем сильнее вещи господствуют над ним... тем сильнее его сознание превращается в автомат, послушный формализованному разуму”²⁸. Слепое развитие технологии усиливает социальное угнетение и эксплуатацию и превращает и прогресс, и индивида в их полную противоположность — в варварство.

Хоркхаймер прослеживает исторические этапы процесса индивидуализации, выявляя специфику природы индивида на каждом из них. Процесс индивидуализации, или, как пишет Хоркхаймер, “история индивида” началась в Древней Греции. В лице Сократа “мы видим истинного поборника абстрактной идеи индивидуальности и первого, кто открыто утверждал автономию индивида”²⁹. Моделью становящейся индивидуальности стал греческий герой, уверенный в своих силах, побеждающий и освобождающийся от власти и традиции, и племени. Развитию индивида способствовал полис, судьба индивида была тесно связана с развитием урбанистического общества. Платон, как подчеркивает Хоркхаймер, первым предпринял попытку создать философию индивидуальности в соответствии с идеалами полиса, а Аристотель ни в коей мере не отклонялся от учения Платона. Вместе с тем, “системе Платона присуща идея объективного, а не субъективного или формализованного разума... Личность — это микрокосм, соответствующий социальной и природной иерархии”³⁰. И только у Сократа отношение между индивидом и Вселенной было поднято на иной уровень, только у него субъект мыслил себя через противопоставление внешней действительности.

Следующий эпизод в истории процесса индивидуализации связан с христианством. Индивидуальность христианина оформилась на руинах эллинистического общества и сама идея “о том, что жизнь на земле — всего лишь интерлюдия в вечной истории души, чрезвычайно, — по мнению Хоркхаймера, — усилило тенденцию к развитию индивидуальности”³¹. Во имя спасения вечной души, продолжает Хоркхаймер, христианство утвердило “бесконечную

²⁸ Хоркхаймер М. Указ. соч. С. 150.

²⁹ Там же. С. 155.

³⁰ Там же. С. 154.

³¹ Там же. С. 156

ценность каждого человека”, но релятивизировало конкретную смертную индивидуальность. За бессмертие души пришлось расплачиваться “подавлением витальных инстинктов, неискренностью, пропитывающей нашу культуру. Тем не менее, даже это способствовало развитию индивидуальности. Отрицая себя и пытаясь подражать самопожертвованию Христа, индивид одновременно обретает новое измерение и новый идеал, в соответствии с которым он может строить свою жизнь на земле”³².

Дальнейшая индивидуализация связана с гуманизмом Ренессанса, который, сохраняя бесконечную ценность индивидуальности в христианском смысле, абсолютизирует ее и тем самым “подготавливает ее крушение”. Реформация, философское Просвещение, либерализм создали новое содержание индивидуализации. “В эпоху свободного предпринимательства, в так называемую эпоху индивидуализма, индивидуальность оказалась почти полностью подчиненной разуму самосохранения... стала своего рода синтезом материальных интересов индивида”³³. Индивидуализм стал основанием и теории, и практики буржуазного либерализма, утвердившего роль и значение свободного рынка и свободной конкуренции, индивидуальных экономических интересов, которые стали выступать в качестве естественного социального механизма, обеспечивающего как единство общества в целом, так и единство индивида и общества.

Либерализм свободного рынка как ничто более способствовал развитию индивидуализма. Либеральный индивид XVIII–XIX вв. сохранил целый ряд индивидуальных качеств, унаследованных от аскетической дисциплины христианства, но при этом приобрел новые, укорененные в социально-экономических процессах рынка и промышленного производства. Этими качествами, укорененными в свободном экономическом предпринимательстве, были независимость, готовность к защите своих прав и собственности, готовность учиться у прошлого и строить планы на будущее, независимость мышления и действия, с одной стороны, и готовность служить интересам общества – с другой, чувство собственного достоинства и адекватности общественным требованиям и интересам.

В обществах XX в., в век большого бизнеса независимый предприниматель, как считает Хоркхаймер, превратился в анахронизм. Индивидуальный “субъект разума” превратился в “усохшее Я, заключенное в узкие границы мимолетного настоящего и забывшее

³² Хоркхаймер М. Указ. соч. С. 159.

³³ Там же. С. 159.

о тех интеллектуальных функциях, с помощью которых он некогда был способен перерасти свое актуальное положение в мире”³⁴.

Конформизм, преобладание послушного индивида стало подавляющим. Современный индивид живет, отказавшись от надежды на самореализацию, принося свой индивидуализм в жертву, приспособляясь и имитируя свое окружение, умело встраиваясь в крупные организации и добиваясь в них влияния. Под давлением прагматической действительности самовыражение человека, считает Хоркхаймер, “стало тождественным его функциям в господствующей системе, и он отчаянно пытается подавлять как в себе, так и в других все иные побуждения”³⁵.

Однако, по мнению Хоркхаймера, индивид не утратил способности сопротивляться, несмотря на постоянную атаку коллективных моделей мышления, идеологий, избитых культурных штампов современной массовой культуры и даже политики, проводимой организациями во имя улучшения положения трудящихся. “Массы еще не полностью капитулировали перед коллективизацией”, — считает Хоркхаймер. Несмотря на то, что современные общества представляют собой “тотальную целостность”, а “упадок индивидуальности” демонстрируют как высшие, так и низшие слои общества.

Хоркхаймер выносит следующий вердикт современности: не технология и не стремление к самосохранению привели к упадку индивидуальности, не производство как таковое, а те формы, в которых оно осуществляется, взаимоотношения людей в рамках индустриализма; превращение прогресса в идол, ведущее к противоположности прогресса; превращение труда в самоцель (а не средство достижения осмысленной цели), ведущее к неприятию всякого труда. В упадке индивида следует винить структуру и содержание “объективного духа” современного общества, который “поклоняется индустрии, технологии и национальности”, но не знает принципа, придающего смысл этим категориям, и только отражает “давление экономической системы”³⁶. “Век безграничной власти индустриализма... движется курсом на ликвидацию индивидуальности”³⁷, — заключает Хоркхаймер.

“Колонизация жизненного мира системой”: Юрген Хабермас

Теория Юргена Хабермаса также предлагает пессимистический диагноз современности и судьбы индивида в обществах модерна. Индивид становится жертвой общего процесса рационализации,

³⁴ Хоркхаймер М. Указ. соч. С. 162.

³⁵ Там же. С. 165.

³⁶ Там же. С. 176–177.

³⁷ Там же. С. 180.

составляющего главный нерв развития обществ модерна. В отношении перспектив существования индивида в обществах модерна Хабермас разделяет общую позицию Критической теории.

Обращаясь к теории модерна, Хабермас особо подчеркивает значимость двух тезисов³⁸. Во-первых, расчленение “системы” и “жизненного мира” является необходимым условием для перехода от статусно-стратифицированных обществ европейского феодализма к экономическим классовым обществам раннего модерна. При этом система представляет собой формально организованные сферы действия в области экономики и политики (хозяйство и государство), а жизненный мир структурируется коммуникативно как частная и публичная сфера. Во-вторых, капиталистический образец модернизации характеризуется тем, что символические структуры жизненного мира под воздействием императивов подсистем хозяйства и государства, становящихся через такие символические средства обмена, как деньги и власть, самостоятельными, искажаются или овеществляются. Капиталистическая модернизация следует образцу, в соответствии с которым формальная рационализация через сферы экономики и государства проникает и в другие, коммуникативно-структурированные сферы, приобретая здесь преимущество за счет морально-практической и эстетико-практической рациональности и вследствие этого вызывает нарушения в символическом воспроизводстве жизненного мира.

Прогрессирующе рационализируемый жизненный мир индивида одновременно и освобождается, и попадает в полную зависимость от экономики и государственного управления. Зависимость проявляется в “опосредовании” “жизненного мира” “системными императивами”. Зависимость может принимать социально-патологические формы “внутренней колонизации”. Но прежде чем аналитически обозначать тот порог, за которым “опосредование” жизненного мира превращается в колонизацию, целесообразно уточнить взаимоотношения между системой и жизненным миром.

1. Капитализм и современное государственное устройство предстают как подсистемы, которые с помощью таких средств, как деньги и власть, вычлняются из системы институтов, т.е. из общественного компонента жизненного мира. Жизненный мир реагирует на это своеобразным способом. В буржуазном обществе формируются социально интегрированные сферы действия, противостоящие системно интегрированным сферам хозяйства и государства. Речь идет о взаимодополняющих друг друга сферах

³⁸ Об общей теории общества Ю. Хабермаса, ключевых понятиях “жизненный мир”, “система” и др. см.: *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Концепция общества Юргена Хабермаса // *Современные социологические концепции общества.* М., 1996.

приватности и публичности. Институциональное ядро приватной сферы образует малая семья, освобожденная от хозяйственных функций и специализирующаяся на задачах социализации. Институциональное ядро публичности — это коммуникационные сети, которые поддерживаются культурой с ее учреждениями, прессой, а позднее и средствами массовой информации.

Если монетаризация и бюрократизация, присущие хозяйственной и государственной сферам, проникают и в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство, то неизбежно возникают патологические побочные следствия.

2. Хозяйственная подсистема подчиняет себе “жизненную форму приватного дома”, навязывает потребителям свои императивы. Это обуславливает консумизм, собственнический индивидуализм, установки на достижение и конкуренцию. Повседневная коммуникативная практика подвергается односторонней рационализации в пользу утилитаристского жизненного стиля, которому привержены специалисты.

Подобно тому, как приватная сфера подчиняется хозяйству, так и публичность попадает под господство административной системы. Бюрократическое овладение процессами складывания общественного мнения и волеизъявления расширяет возможности целенаправленного формирования массовой лояльности.

3. “Процессы понимания, на которые центрируется жизненный мир, обуславливают потребность в культурной традиции во всем ее объеме”³⁹. В повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, способы выражения и оценки должны образовывать рациональную связь. Коммуникативная инфраструктура такого рода подвергается угрозе с двух сторон: ей угрожают тенденции “системно индуцированного овеществления” и “культурного обеднения”.

4. Рационализация жизненного мира делает возможным вычленение самостоятельных подсистем и в то же время открывает “утопический горизонт” буржуазного общества, в котором формально организованные сферы действия (экономика и государственный аппарат) образуют основу для посттрадиционного жизненного мира человека (сфера приватности) и гражданина (сфера публичности).

Деформации, которыми занимались К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер, нельзя сводить ни к рационализации жизненного мира вообще, ни к возрастающей системной сложности как таковой.

³⁹ *Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt a/M., 1985. Bd. 1. S. 483.*

Ни секуляризация картин мира, ни структурная дифференциация *сами по себе* не ведут с неизбежностью к патологическим побочным эффектам. Вычленение и своеобычное развертывание сфер культуры не ведут и к культурному обеднению повседневной коммуникативной практики. Отпадение подсистем, управляемых деньгами и властью, с их организационными формами, от жизненного мира не ведет само по себе к односторонней рационализации или овестествлению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит проникновение форм экономической и административной рациональности в те сферы действия, которые противятся переориентации на деньги и власть, поскольку остаются специализированно связанными с культурной традицией, социальной интеграцией, воспитанием, а также остаются ориентированными на взаимопонимание как механизм координации индивидуального действия.

Если мы хотим объяснить патологии, проявляющиеся, по мнению Хабермаса, прежде всего в утрате индивидом смысла и свободы, то следует указать на неудержимую собственную динамику подсистем, управляемых деньгами и властью, которая означает одновременно колонизацию жизненного мира с присущим этому процессу ограничением возможностей науки, морали и искусства.

Хабермас отмечает, что теория капиталистической модернизации, пользующаяся средствами теории коммуникативного действия, относится критически как к современным социальным наукам, так и к общественной реальности, которую они призваны постигать. Предметом его критической теории общества являются возникающие через системы патологии жизненного мира или, выражаясь иначе, символическое воспроизводство в постлиберальных обществах. Тем самым реализуется критерий теории общества, ориентированной на Просвещение.

Критическое отношение к реальности развитых обществ обусловлено тем, что они не используют в полной мере применительно к индивиду тот потенциал научения, которым располагают в культурном отношении, а также тем, что эти общества демонстрируют “неуправляемое возрастание сложности”. Возрастающая сложность системы, выступая как некая природная сила, не только крушит традиционные формы жизни, но и вторгается в коммуникативную инфраструктуру жизненных миров, уже подвергшихся значительной рационализации. Таковы условия жизни индивидов в позднемодерновых обществах.

Рассмотрение процесса индивидуализации в эпоху модерна в рамках общей теории коммуникативного действия Хабермаса показывает, что этот процесс реализуется посредством сложного

сочетания двух вычлененных нами базовых механизмов становления и развития индивида модерна – дифференциации и рационализации. В концепции Хабермаса присутствует, пусть и в значительно менее выраженной форме, и третий механизм – механизм цивилизации. Этот механизм, как он представлен в социологической теории, станет объектом рассмотрения во второй части данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М.* История хозяйства. Прага, 1923.
- Добренков В.И., Осипова Н.Г.* История западной социологии (20–60-е гг. XX в.). М., 2012.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
- Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.
- Зиммель Г.* Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
- Кимелев Ю.А.* “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.
- Кимелев Ю.А.* Методология социальных наук. М., 2011.
- Кимелев Ю.А.* Философия социальных наук. М., 2013.
- Кимелев Ю.А.* Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2016.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Философия социальных наук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–46.
- Полякова Н.Л.* Теория общества Макса Вебера // История социологии XIX – середины XX века. М., 2004. С. 368–401.
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Полякова Н.Л.* Социологическая теория Георга Зиммеля // История социологии (XIX – середина XX века). М., 2004. С. 309–339.
- Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.
- Яцино М.* Культура индивидуализма. Харьков, 2012.

REFERENCES

- Bauman Z.* Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. М., 2002 (in Russian).

- Bedos-Rezak B., Logna-Prat D.* (dir). L'individu au Moyen Âge. P., 2005.
- Donaggio E.* Individuo e societ // Storia della filosofia occidentale. 2015. Vol. 6. P. 165–194.
- Dobren'kov V.I., Osipova N.G.* Istoriya zapadnoi sotsiologii (20–60-e gg. KhKh v.) [The history of Western sociology (20–60-s of XX century)]. M., 2012 (in Russian).
- Dyurkgeim E.* O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the division of social labor. Method of sociology]. M., 1990 (in Russian).
- Habermas J.* Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt a/M., 1985. Bd. 1. Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung.
- Habermas J.* Theorie des Kommunikative Handelns. Frankfurt a/M., 1985. Bd. 2. Zur Kritik der funktionalischen Vernunft.
- Khorkkhaimer M.* Zatmenie razuma: k kritike instrumental'nogo razuma [Eclipse of reason: to criticism of instrumental reason]. M., 2011 (in Russian).
- Khorkkhaimer M., Adorno T.* Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. M.; SPb., 1997 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* “Sub”ekt” i “sub”ektivnost” v sovremennoi zapadnoi sotsial'noi filosofii [“Subject” and “subjectivity” in modern Western social philosophy]. M., 2006 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* Metodologiya sotsial'nykh nauk [Methodology of social sciences]. M., 2011 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya sotsial'nykh nauk [Philosophy of Social Sciences]. M., 2013 (in Russian).
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya i sotsiologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodeistviya [Philosophy and sociological theory. Spheres of interaction]. M., 2016 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Sotsiologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna [Sociological theories of modernity, radical modernity and postmodernity]. M., 1996 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Filosofiya sotsial'nykh nauk [Philosophy of Social Sciences] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2014. N 1. S. 20–46 (in Russian).
- L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010.
- Polyakova N.L.* Teoriya obshchestva Maksa Vebera [Theory of Max Weber's Society] // Istoriya sotsiologii XIX – serediny XX veka. M., 2004. S. 368–401 (in Russian).
- Polyakova N.L.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva [XX century in the sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).
- Polyakova N.L.* Sotsiologicheskaya teoriya Georga Zimmelya [Sociological theory of Georg Simmel] // Istoriya sotsiologii (XIX – seredina XX veka). M., 2004. S. 309–339 (in Russian).
- Searle J.R.* Making the social world. N.Y., 2010.
- Simmel G.* Soziologie. Frankfurt a/M., 1992.

Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva [Selected. The image of society]. M., 1994 (in Russian).

Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., 1990 (in Russian).

Veber M. Istoriya khozyaistva [History of the economy]. Praga, 1923 (in Russian).

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen., 1972.

Yatsino M. Kul'tura individualizma [Culture of individualism]. Khar'kov, 2012 (in Russian).

Zimmel' G. Izbrannoe. T. 1. Filosofiya kul'tury [Selected. 1. Philosophy of Culture]. M., 1996 (in Russian).

Zimmel' G. Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni [Selected. T. 2. Contemplation of life]. M., 1996 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-34-51

КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДА И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ТЕОРИЯХ З. БАУМАНА И У. БЕКА

А.А. Баценкова, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

Одним из главных трендов современного мира является процесс индивидуализации. Несмотря на то что индивидуализация как явление существует с XVII в., сам термин часто путают, смешивая с другими понятиями, например, “индивидуализм”, “индивидуация”, “индивидуальность”. Но индивидуализация – это не политическое или моральное мировоззрение, это не процесс становления личности, а закономерный многоуровневый сложный социальный процесс, связанный с определенными условиями проектирования жизни индивида и условиями его существования.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на работы У. Бека и З. Баумана, дать определение процессу индивидуализации, рассмотреть процесс его возникновения и развития в обществе модерна. Выявить особенности этого процесса на современном этапе развития общества, на котором процесс индивидуализации приобретает новые черты.

По мнению социологов, процесс индивидуализации затрагивает все сферы жизни общества и обладает двумя уровнями своего проявления. Первый уровень автор называет структурным или объективным уровнем, так как он не зависит от действий отдельных индивидов и является инерционным явлением, связанным с расширением социального пространства, с социальной дифференциацией, с разделением общественного труда, а также действием процессов глобализации и модернизации.

Второй уровень находится в сфере индивидуальных действий индивида. На этом уровне смысл индивидуализации состоит в расширении индивидуальных прав и возможностей и в освобождении индивида от традиционных социальных форм и связей, определявших его модель поведения в обществе модерна. Благодаря изменению “жизненных ситуаций”, происходит увеличение возможностей индивида для независимого принятия решений, самостоятельного выбора и успешных действий. Изменение “жизненных ситуаций” (по У. Беку) обусловлено детрадиционализацией жизненных сфер и возникновением новых “пространств свободы”, которые порождают новые вызовы для общества и для индивида, в частности. Социальные классы и слои, малая семья, рынок гарантированной занятости не являются уже обязательными формами жизни и труда, обеспечивающими стабильность и развитие общества. Они перестают быть

* **Баценкова Антонина Александровна**, e-mail: batonal@mail.ru

фундаментальными ценностями и общественными ориентирами в современном обществе “второго или позднего модерна”.

Ключевые слова: индивидуализация, идентичность, индивид, модерн, постмодернизм, модернизация, глобализация, второй модерн, неопределенность.

THE CONCEPT OF INDIVIDUAL AND INDIVIDUALIZATION IN THE THEORY OF Z. BAUMAN AND U. BECK

Batsenkova Antonina A., Postgraduate Student of the Department of Contemporary Sociology, the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: batonal@mail.ru

One of the major trends of the modern world is a process of individualization. Despite the fact that the term “individualization” has existed since the XVII century, it is often confused, mixing with the concept of “individualism”, “individuation” and “individuality”. But individualization is not a political or moral worldview, it is not a process of identity formation, and it is the natural multi-level complex social process associated with defined design conditions of life of the individual and the conditions of its existence.

The purpose of this paper is to, based on the works of U. Beck and Z. Bauman, to define the process of individualization, to consider the process of occurrence and development of individualization in the modern society. To reveal features of this process at the present stage of development of society, where the process of individualization acquires new features.

According to sociologists, the process of individualization affects all aspects of society and has two levels of its manifestation. The first level the author calls structural or objective level, because it is independent on the actions of individuals and the inertia phenomenon associated with the spreading of social space, social differentiation, division of labor, with the processes of globalization and modernization.

The second level is the sphere of individual action. At this level the meaning of individualization is the expansion of individual rights and opportunities and the liberation of the individual from traditional social forms and relationships that defined his model of behavior in the modern society. Due to the change in “life situations”, there is an increase of opportunities of the individual for independent decision-making, self-selection and successful action. The change in “life situations” (under U. Beck) due to detraditionalization life spheres and emergence of new “spaces of freedom”, which create new challenges for society and for the individual in particular. Social classes and layers, small family, market, secures employment are not mandatory forms of life and labor, ensuring the stability and development of society. They cease to be fundamental values and public landmarks in modern society, the “second or late modernity”.

Key words: individualization, identity, individual, modern, modernism, modernization, globalization, second modern, uncertainty.

Одним из главных трендов современного мира является процесс индивидуализации. Хотя индивидуализированные стили жизни существовали уже в XVII в.¹, а сам термин “индивидуализация” появился в 20-х гг. XIX в., широкое распространение и особую популярность это понятие получает во второй половине XX в. До этого времени процесс индивидуализации подразумевал только субъективно-биографические аспекты процесса цивилизации (по Н. Элиасу), связанные с обособлением своего “внутреннего” от всего “внешнего”², противопоставлением человеком себя миру. Благодаря работам У. Бека и З. Баумана этот термин получает новую интерпретацию и становится предметом исследования научного сообщества.

Часто понятие индивидуализации путают и сводят к индивидуализму или индивидуации. Но индивидуализация — это не политическое или моральное мировоззрение, это не процесс становления личности, а закономерный многоуровневый сложный социальный процесс, связанный с определенными условиями проектирования жизни индивида и условиями его существования. Главные представители теории индивидуализации У. Бек и З. Бауман рассматривают индивидуализацию как историко-социологическую, *общественно-историческую* категорию, относящуюся к традиции исследований жизненных ситуаций и биографий³.

Этот процесс опосредован модернизацией и глобализацией. Свои истоки он берет в обществе модерна, постепенно трансформируется и приобретает новые черты в современную эпоху. Рассмотрим основные характеристики общества модерна, повлиявшие на становление и развитие процесса индивидуализации.

Истоки индивидуализации. Возникновение и развитие процесса индивидуализации начинается в эпоху Просвещения. Его появление было связано с изменением фундаментальных основ общества, порожденных процессами секуляризации, рационализации и становлением капитализма. Философия Нового времени и эпохи Просвещения проникнута идеями свободы, независимости и субъективности (А. Смит, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Р. Декарт и др.). А. Рено считает, что метафизика Нового времени ориентирована на субъек-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 188–189 (цитата по У. Беку: “...индивидуализированные стили жизни и жизненные ситуации можно найти в эпоху Возрождения, в придворной культуре Средневековья, в духовном аскетизме Протестантизма (Макс Вебер), в освобождении крестьянина от сословной покорности (Маркс), в XIX и в начале XX столетия — в ослаблении внутрисемейной связи между поколениями (Имхоф)”).

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 190.

тивность человека⁴. Такие мыслители, как Декарт и Лейбниц, заложили традицию представления реальности, ориентируясь на человека, понимаемого как основание познания бытия.

Новыми общественными идеалами становится вера в свободного человека, вера в человеческий разум и в безграничные возможности науки, которая даст человеку власть над миром⁵. Эти ценности привели к появлению нового типа индивида, осознающего себя как автономную индивидуальность. Человек все меньше стремился к интеграции в группе, к которой принадлежал, стандарты жизни, идеалы и ценности, навыки мышления, формы поведения которой он принимал. Происходит высвобождение человека из-под сословно-ограниченной власти социальной группы, и постепенно он обращается к самопознанию и самоопределению.

Но власть феодально-сословного порядка не позволяла человеку сразу выйти за пределы своей сословной группы и стать независимым. Процесс обособления занял несколько веков и прошел несколько этапов.

В работе “Индивидуализированное общество” З. Бауман понимает смысл “индивидуализации” как “освобождение человека от предписанной, унаследованной и врожденной *предопределенности* его социальной роли, что составляет перемену, справедливо рассматриваемую как наиболее заметную и основополагающую черту эпохи модернити”⁶. Первый этап процесса индивидуализации в обществе модерна начинает проявляться на групповом уровне. С момента развития промышленного капитализма происходит изменение социальной структуры. На смену династическим, аристократическим, военным властвующим элитам приходит промышленная буржуазия и класс индустриальных рабочих. “Буржуазная индивидуализация базировалась в основном на владении капиталом и развивала свою социальную и политическую идентичность в борьбе с господством феодального правопорядка”⁷. Индивидуализация рабочих наемного труда проявлялась в повышении уровня их жизни, образования, мобильности. Когда труд наравне с землей и деньгами стал рассматриваться как товар, индивид смог превратить свои физические и умственные способности в самостоятельный феномен (“в вещь”, “в средство существования независимого от места, в част-

⁴ Рено А. Эра индивида к истории субъективности / Под ред. Е.А. Самарской. СПб., 2002. С. 423.

⁵ *Перевезенцев С.В.* Философия эпохи Возрождения // Образовательный портал “Слово”. История философии. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41259.php> (дата обращения: 22.05.2017).

⁶ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.

⁷ *Бек У.* Указ. соч. С. 121.

ности от земли”). Индивид получил свободу в выборе мест применения своего труда, в управлении своими способностями ради собственных целей. Вступление на рынок труда позволило индивиду частично освободиться от тесных форм отношений в семье и с соседями, от привязанностей к религиозной культуре и к местности. Это был первый шаг на пути к индивидуализации, к освобождению от общины, от “традиционного образа жизни”.

Однако труд не стал полностью свободным, “самоопределяющимся”. Рассматривая труд как потенциальный источник богатства, общество модерна стремилось использовать его с максимальной эффективностью. Труд должен был стать результатом рациональных мыслей и действий, чтобы обеспечить построение нового порядка. «Лишенный корней и способности функционировать прежний самовоспроизводящийся “традиционный образ жизни”, частью которого был и труд до его освобождения, должен был замениться иным порядком, на этот раз predetermined, “построенным”; этот порядок был теперь не результатом слепых блужданий судьбы и ошибок истории, а продуктом рациональных мыслей и действий»⁸. З. Бауман приводит в пример модель научной организации труда и построения нового порядка Генри Форда. Работа на фабрике была подчинена четкой организации, чтобы обеспечить максимальную эффективность производства. Каждый шаг был просчитан, предельно ясен и подчинен определенным инструкциям. Модель рациональной организации Г. Форда на долгое время стала идеалом, достичь которой хотели многие предприниматели того времени. Такая организация представляла прочный союз между трудом и капиталом, связанными отношениями взаимозависимости. “Рабочие зависели от своего труда, который давал им средства к существованию, тогда как капитал зависел от найма работников, без которых он не мог воспроизводиться и возражать”⁹. Промышленное производство, расширение общественного разделения труда освободили человека от природы, от традиционного уклада жизни, но сделали зависимым от труда как средства существования. В эпоху развития индустриального общества человек хотя и освободился от сословных рамок, но он еще не был предоставлен сам себе. “Распад сословий не вызвал свободного дрейфа индивидов”¹⁰. Индивид был вынужден, используя имеющиеся возможности и права, соответствовать тем нормам и правилам, которые ему предписывал пол и класс: «...задачей большинства

⁸ Бауман З. Указ. соч. С. 24.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 182.

самоутверждающихся личностей становилось “вписаться” в отведенную нишу, демонстрируя такое же поведение, какое было свойственно ее законным обитателям»¹¹. Индивид не обладал полной властью над своей жизнью, он вынужден был ориентироваться на свою группу, чтобы добиться своих целей. «Если сословная принадлежность была заранее предписана, то классовая формировалась в значительной мере в результате собственных усилий; к классу в отличие от сословия нужно было “присоединиться”, и членство в нем приходилось постоянно возобновлять, подтверждать и доказывать своими повседневными делами»¹².

Общество модерна породило определенное мышление и тип индивида. Оно формировало менталитет, ориентированный на достижение долгосрочных целей. «Временные горизонты эры “тяжелой модернити” были долгосрочными»¹³. Ожидания индивида выстраивались на опыте долговечности той организации, в которой он работал, и его жизнь определялась перспективой пожизненной занятости в этой компании. “В индустриальную эпоху наемный труд и профессия стали осью образа жизни. Вместе с семьей они образуют биполярную систему координат, в которой закреплена жизнь эпохи”¹⁴. Передача ремесла от отца к сыну, семейное дело или бизнес, унаследование одной профессии несколькими поколениями — все свидетельствует о долгосрочной ориентации и менталитете людей.

Пожизненная занятость обеспечивала стабильность, безопасность и защиту от неопределенности. Р. Сеннет высказывает похожую идею: “Рутинность может унижать, но она способна и защищать; она может разделять труд на эпизоды, но в то же время из нее может складываться жизнь”¹⁵. Размеренность и рутинность жизни обеспечивали прочный фундамент и позволяли строить долгосрочные планы на жизнь, на продвижение по карьерной лестнице и на умножение семейного богатства, унаследованного от предыдущих поколений.

Девизом построения нового общества стал порядок и прогресс, обеспеченные силой закона и контролем государства. Он предполагал построение стабильного общества, опирающегося на власть государства и армии, мощь промышленности, сохранение и развитие идеалов эпохи Просвещения через образование и культуру.

¹¹ Бауман З. Указ. соч. С. 182.

¹² Там же. С. 182–183.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Бек У. Указ. соч. С. 202.

¹⁵ Sennett R. The corrosion of character: the personal consequences of work in the new capitalism. L., 1998. P. 25, 31, 43.

Установление и поддержание порядка требовали постоянного контроля. Структурирование условий жизни за счет создания законов, в которых не нужно сомневаться, позволило обеспечить “недвусмысленность человеческого опыта”, ясно давало понимание того, что есть добро и зло. «Иными словами, сознание эпохи модернизировать вынашивало проекты замены истории законодательством; замещения неконтролируемых и, возможно, неподконтрольных “законов истории” логически связанными правовыми нормами»¹⁶. Модернити стремилась к системности, к определенности, чтобы жизнь индивида была подчинена “набору правил, не знающих исключений, к инструкциям на все случаи жизни”¹⁷.

В соответствии с этим, свобода в обществе модерна определялась как понятая и осознанная необходимость. Быть свободным — значит подчинить свою жизнь социально установленным законам; “хотеть того, что ты можешь, желать того, что ты должен, и никогда не стремиться к тому, чего ты не можешь добиться”¹⁸. Индивид модерна не испытывает внутреннего разлада и конфликта между желаниями и возможностями. Его желания предопределены структурой общества, “классовым сознанием”, ценностями референтной для него группы и законом. “Он не стремится сделать того, чего не может сделать, но хочет сделать то, что должен”; Только такой индивид “не сочтет реальность сетью навязанных и обременительных ограничений”, и потому будет ощущать себя свободным и счастливым.

Сила закона опиралась на сильное социальное государство, которое обеспечивало индивида гарантией соблюдения прав и свобод, в частности, гарантией на занятость. Целью государства было обеспечение граждан социальной и правовой поддержкой. Государство регулировало отношения между трудом и капиталом, придавая их отношениями “товарную форму”. Оно держало труд и капитал в постоянной рыночной готовности. На примере Англии XIX в., а также других европейских стран можно проследить, как меняется законодательство в сфере труда в сторону улучшения условий и жизнедеятельности рабочих. Развитие правовой системы шло по пути повышения уровня правовой защищенности граждан. “К середине XIX века законность вошла в перечень важнейших политических ценностей большинства западных стран”¹⁹. Важным поворотом в европейской истории стало развитие про-

¹⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.

свещенческой теории права, завершившееся в первой половине — середине XIX в. Признавая за каждым индивидом наличие врожденных и неотъемлемых свобод, теория права способствовала “обособлению человеческой личности от надличного целого”²⁰.

Развитие правового мышления и использование правовых инструментов для достижения целей способствовали формированию автономности индивида, повышению уровня его ответственности за свою жизнь. Развитие правового сознания было вторым шагом на пути процесса индивидуализации.

Таким образом, процесс индивидуализации зарождается на групповом уровне в обществе модерна. Переход от сословной к классовой структуре общества привел к освобождению индивида от сословных ограничений, от унаследованных ролей, от локальных форм существования (общины, соседства, семьи). Но сделал его зависимым от профессиональной деятельности, от класса, к которому он принадлежал. Опорой индивида были профессия и семья, которые обеспечивали жизни стабильность и позволяли чувствовать себя в безопасности. Стандартизация всех аспектов системы занятости — трудового договора, места работы и рабочего времени — формировала менталитет, ориентированный на достижение долгосрочных целей. Развитие права и правового сознания способствовали развитию гражданского общества и стали вторым аспектом процесса индивидуализации.

Уровни индивидуализации. Анализируя базовые элементы общества модерна, У. Бек и З. Бауман сопоставляют и выстраивают модель современного общества, которое является продолжением или следствием общества модерна. Они считают, что общее содержание теории модерна вступает в противоречие с реальной современной действительностью. Функциональное устройство социальных институтов модерна не соответствует универсальному содержанию модерна. Идеалы модернового индустриального общества критикуются (критика науки, техники, прогресса, новые социальные движения) и превращаются в миф. Идея счастья и всеобщего благоденствия, вера в безграничный прогресс, в неограниченную свободу личности, идея о конце исторического общественного развития оказываются недостижимыми и несостоятельными идеалами эпохи модерна. Система координат, на которой строились жизнь и мышление индустриального модерна, — оси “семьи и профессии”, класса и суверенного государства, вера в науку и прогресс, — “рассшатывается” и теряет свое значение для общества и индивида, в частности.

²⁰ *Зарецкий Ю.П.* История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. М., 2005. С. 44.

Но модерн, с точки зрения У. Бека и З. Баумана, не исчезает и не уходит с арены исторического развития, а трансформируется и превращается в позднюю или вторую модернити. Его центральной тенденцией является процесс индивидуализации, связанный с изменением фундаментальных мировоззренческих основ общества модерна, размыванием социальных структур и групп, трансформацией роли традиционных институтов для отдельных индивидов и изменением их образа жизни и стиля поведения.

Для У. Бека обобщенная модель индивидуализации включает три аспекта. Первый аспект – это освобождение от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения (“аспект освобождения”). Он зародился в эпоху модерна и продолжается в современном мире. Это групповой уровень индивидуализации, о котором было сказано выше.

Второй аспект связан с утратой традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм (“аспект расколдовывания”). Социальный опыт, который был сформирован в обществе модерна, отличался постоянством, стандартизацией, безопасностью и предопределенностью жизненных ситуаций. Современная жизнь в терминах У. Бека и З. Баумана отличается “размытостью границ”, “гибкостью”, “текучестью”, “неопределенностью”. Экономика освобождается от традиционных связей с политическими, этическими и культурными условиями²¹. Отвергаются верность традициям, привычные для индивидов общества модерна правила и обязанности. Слабеет роль институтов, обеспечивающих и поддерживающих порядок, стираются рамки, ограничивавшие сферы возможных вариантов действий²².

Третий аспект индивидуализации основан на новом виде социальной интеграции (“аспект контроля и реинтеграции”). Вместо коллективных форм социальных действий, в которых люди объединены общими целями и интересами, появляется “институционально зависимая структура контроля индивидуальных ситуаций”²³. Сегодня семья или класс не выступают единицей воспроизводства социального элемента, на их место становится индивид-одиночка. Посредством профессионального образования, правовой фиксации, саморазвития и т.д. индивид освобождается от традиционных возможностей обеспечения на рынке труда и выступает самостоятельным субъектом существования, а также планирования и орга-

²¹ Бауман З. Текучая современность / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008. С. 12.

²² Там же. С. 13.

²³ Бек У. Указ. соч. С. 193.

низации своей биографии²⁴. Индивид не нуждается в традициях, нормах, ценностях и поддержке социальной группы, он сам определяет траекторию своего развития и своей жизни.

У. Бек и З. Бауман историю процесса индивидуализации начинают рассматривать с того момента, когда были разрушены сословные границы и индивиду пришлось самостоятельно определиться с “вызовами жизни”²⁵. Тогда, когда традиционные ценности, составлявшие основу мировоззрения модерна, — права и свободы гражданина, семья, равенство, сильное социальное государство, — перестали служить главными ориентирами для отдельного индивида. Когда коллективные формы действия больших социальных групп перестали быть важным элементом интеграции и достижения социальных целей.

По мнению социологов, процесс индивидуализации затрагивает все сферы жизни общества и обладает двумя уровнями своего проявления. Первый — мы его будем называть, структурный уровень — связан с расширением социального пространства, предназначенного для автономной деятельности индивидов за счет технического и экономического разделения труда. Его также можно назвать объективным уровнем, так как он не зависит от действий отдельных индивидов и является инерционным явлением, связанным с социальной дифференциацией, разделением общественного труда, а также с действием глобализации и модернизации общества.

Второй уровень находится в сфере индивидуальных действий индивида. На этом уровне смысл индивидуализации состоит в расширении индивидуальных прав и возможностей, в освобождении индивида от традиционных социальных форм и связей, определявших его модель поведения в обществе модерна. Благодаря изменению “жизненных ситуаций” происходит увеличение возможностей индивида для независимого принятия решений, самостоятельного выбора и успешных действий. Изменение “жизненных ситуаций” (по У. Беку) обусловлено детрадиционализацией жизненных сфер и возникновением новых “пространств свободы”, которые порождают новые вызовы для общества и для индивида, в частности. Социальные классы и слои, малая семья, рынок гарантированной занятости не являются уже обязательными формами жизни и труда, обеспечивающими стабильность и развитие общества. Они перестают быть фундаментальными ценностями и общественными ориентирами в современном обществе второго модерна.

²⁴ Бек У. Указ. соч. С. 194.

²⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 182.

Структурная или объективная индивидуализация связана со вторым уровнем и влияет на изменение условий развития субъективной или личной индивидуализации. Трансформация условий социальной реальности меняет модель поведения индивида. «Если в XIX веке утрачивали привлекательность сословные привилегии и религиозные представления о мире, то теперь теряют свое значение научно-техническое понимание классического индустриального общества, образ жизни и формы труда в семье и профессии, образцы поведения мужчин и женщин и т.д.»²⁶

Индивидуализированное общество. Чтобы рассмотреть объективный уровень процесса индивидуализации, обратимся к теории индивидуализированного общества З. Баумана и концепции второго модерна У. Бека.

З. Бауман отмечает центральную характеристику индивидуализированных обществ, кардинально отличающую их от других типов общества. Если идеалом эпохи Просвещения были достижение порядка и подчинение всех сфер жизни общества законам рациональности и системности, то современные общества предпочитают *хаос, гибкость, рискованность и неопределенность*. Эти признаки распространяются на два уровня индивидуализации. На структурном уровне это признак проявляется в изменении роли национальных государств, росте значения глобальной экономики, появлении глобальных элит и экстерриториальной власти. Публичная власть, суверенное государство больше не могут в полной мере гарантировать соблюдение мира и порядка в стране. «Все более явный отказ национальных государств от своих традиционных обязанностей, и утверждение рынка как достаточного условия для получения каждым шансов на самообогащение»²⁷. Жизнь отдельного государства не является его личным делом, его собственной заботой. Чтобы развиваться и поддерживать приемлемый уровень благосостояния, государства вынуждены открывать свои границы для финансового капитала или быть ареной борьбы великих держав.

Возрастание власти экономики нельзя ни подчинить, ни узаконить политически. Эта власть существует помимо контролирующих органов развитой демократии, таких как парламенты, суды и правительства. Власть перемещается из области политики в область экономики, сосредоточиваясь в руках владельцев и менеджеров транснациональных корпораций. Она приобретает экстерриториальный и глобальный характер²⁸.

²⁶ Бек У. Указ. соч. С. 11.

²⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество.

²⁸ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 88–89.

Политической системе грозит утрата власти по двум причинам. Во-первых, этот процесс является следствием развития политической системы, направленного на осуществление и соблюдение гражданских прав. А «с реализацией демократических прав нахождение политических “решений” приобретает случайный характер» и выходит из-под контроля. Во-вторых, “потенциал формирования общества сдвигается из политической системы в субполитическую систему научно-техничко-экономической модернизации. Происходит опасная инверсия политики и неполитики”²⁹.

З. Бауман называет новое политическое устройство “политической экономией неопределенности”. Она сводится к “отмене политически установленных и гарантированных правил и распоряжений, к разоружению оборонительных институтов и объединений, стремящихся помешать тому, чтобы капиталы и финансы оказались незнающими границ”³⁰. У. Бек в своей работе “Общество риска: на пути ко второму модерну” пишет о появлении субполитики, как новом явлении: “Политическое становится неполитическим, а неполитическое — политическим”³¹. Субполитика — это союз экономики, науки и технологии, которые выступают как новая властная структура, имеющая политическое значение.

Возрастающая роль транснациональных корпораций (почти треть частных состояний во всем мире находится под контролем ТНК³²), изменение соотношения между политикой и экономикой, изменение национально-государственных правил мировой политики — все это приводит к появлению новой формы власти и господства, основанного не на насилии и подчинении, а на богатстве и инвестициях. “Эта форма господства связана уже не с установлением приказов, а с возможностью выгодно инвестировать в других местах — в других странах и с открывающейся угрозой не вкладывать инвестиций в ту или иную конкретную страну. Новая власть концернов основана в этом смысле не на насилии как *ultima ratio* для навязывания своей воли другим. Вследствие этого она значительно подвижнее, поскольку не связана с определенным местом и применима в глобальном масштабе”³³.

З. Бауман делает вывод, что новым врагом современности становится неопределенность, непредсказуемость и нестабильность. Сегодня отсутствуют средства и способы, необходимые для приведения вещей в порядок и поддержание их в должном состоянии,

²⁹ Бек У. Общество риска... С. 340.

³⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 151.

³¹ Бек У. Общество риска... С. 340.

³² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма... С. 91.

³³ Там же. С. 89.

как это было в эпоху модерна³⁴. Такие “жизненные условия” (суверенное государство, поддерживающее порядок, ослабло) делают жизнь индивида неопределенной и небезопасной. То, что прежде индивид мог решить с помощью государства или коллектива, теперь он может решить, лишь полагаясь на собственные силы и возможности. “Под процессом индивидуализации люди медленно, но верно лишаются защитной оболочки гражданства и теряют свои гражданские привычки и интересы”³⁵.

Таким образом, на объективном уровне индивидуализация связана с демонтажем коллективных, институциональных и централизованных рамок поддержания порядка и контроля.

Важной проблемой на индивидуальном уровне становится поиск идентичности. Если в индустриальную эпоху он состоял в ответе на вопрос, как “обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее”, то сегодня поиск идентичности заключается в том, какую идентичность выбрать.

По мнению З. Баумана, сегодня поиск идентичности — это открытый, постоянно изменяющийся проект индивида. Индивид вынужден постоянно воссоздавать свое “Я”, чтобы приспособиться к реальности, причем это вынужденная мера, а постоянное трансформирование идентичности требует больших затрат сил, времени и денег³⁶.

На современном этапе обретение “идентичности” становится “частным делом” или “частной заботой”. З. Бауман считает, что индивид должен решить задачу самоопределения самостоятельно: «...форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, зависят от того, как ставится и решается задача “индивидуализации”... “индивидуализация” заключается в преобразовании человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью, как за решение этой задачи, так и за последствия... она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)... Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением»³⁷. Эти свойства модерна, процессов индивидуализации и формирования идентичности в конце XX — начале XXI в. серьезно интенсифицировались³⁸.

³⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 105.

³⁵ Там же. С. 136.

³⁶ Мамедов А.К., Якушина О.И. Поиск идентичности в современных реалиях: дискретность, посттрадиционализм и индивидуализм // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2015. Окт. Т. 15. № 4. С. 22–23.

³⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 181.

³⁸ Полякова Н.Л. Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Преобразование человеческой идентичности из “данности” в “задачу” осложняется тем, что сегодня изменяется не только положение индивида в обществе, но и сама позиция, на которую он претендует. Стремление построить определенную карьеру и занять желанную должность в современном мире не может быть надежной целью (это также связано с демонтажем институтов контроля и управления на объективном уровне). В наше время “растекающейся” модернити, сами места, к которым индивиды могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни³⁹. Гибкость экономики, высокая скорость распространения информации, расширение спектра профессий очень быстро меняют требования к навыкам и умениям специалистов. Раньше одна должность требовала одного набора умений, сегодня эта же должность требует наличия совсем другого набора умений, которые человек может обрести только через непрерывное самообразование и саморазвитие. Современная система образования не гарантирует человеку получение соответствующего социального статуса, так как не соответствует экономическим требованиям⁴⁰.

Трансформация позиций не единственная причина ненадежности шаткости положения отдельного индивида. Уменьшается количество людей, которое требуется на рынке труда. По мнению немецких ученых, сегодня необходимое количество товаров и услуг для удовлетворения рыночного спроса производят две трети населения, а “завтра для этого будет достаточно и одной трети, что оставит прочих мужчин и женщин без работы, сделав их экономически бесполезными и социально излишними”⁴¹.

Структурная безработица становится массовым явлением современности. Замещение ручного труда машинным делает капитал и финансовый рынок независимыми от наемного труда, как это было в индустриальную эпоху. Когда-то союз капитала и труда позволял выстраивать новый порядок, основой которого стало сильное социальное государство. Этот порядок обеспечил людей верой в лучшее будущее, давал гарантии занятости и востребованности на рынке труда. Сегодня экстерриториальный характер капитала и ослабление роли государства в обеспечении права на труд приводят к массовой безработице. Причем безработица становится личной проблемой индивида, теряя социальную форму. “Пораженная

³⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 183.

⁴⁰ Хагуров Т.А. Кризис модерна и образования // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2011. № 4. С. 16–26.

⁴¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 195.

безработицей и нищетой общественная единица уже не группа, не класс и не слой, а порожденный рынком и существующий в специфических условиях индивид”⁴².

Третий аспект индивидуализации на индивидуальном уровне связан с высвобождением индивида из устоявшихся отношений между мужчинами и женщинами. Первая особенность этого аспекта связана с изменением “жизненных ситуаций”. Высокий уровень материальной жизни и развитая система социальных гарантий позволяют индивиду стать независимым от форм жизнеобеспечения в семье. Индивид полагается только на себя, на индивидуальное предложение на рынке труда с его рисками, шансами и противоречиями⁴³. Семейный союз вступает в противоречие с индивидуальными ситуациями, когда цели индивида находятся выше семейных. Возникает тип договорной семьи на время, в которой индивидуальные ситуации, ориентированные на образование, рынок труда и профессию — если предпочтение изначально не отдано внесемейным формам жизни — вступают в своеобразно противоречивый целевой союз для урегулированного эмоционального обмена до отзыва⁴⁴.

Вторая особенность связана с эмансипацией, с изменением положения женщин. Женщины освобождаются от брачной опеки — материального столпа традиционной жизни домашней хозяйки⁴⁵. Для женщины открылись новые возможности в сфере права, образования и сексуальности, а также в профессиональной сфере⁴⁶. В обществе модерна брак для женщины приравнивался к ответственности за семью, отказу от профессии и от мобильности. На современном этапе развития общества выход женщины на рынок труда, расширение ее профессиональных и образовательных возможностей привели к противоречию между рынком и семьей. Одному из супругов приходится жертвовать собой ради семьи, что часто становится причиной ее распада. Происходит изменение структуры семейных отношений, женщина становится равноправным партнером в брачном союзе и меняет традиционную роль домохозяйки на карьеру. Главная фигура развитого модерна — это одинокий мужчина или одинокая женщина⁴⁷.

Таким образом, процесс индивидуализации неотделим от анализа обществ модерна, так как зарождается в нем и является пря-

⁴² Бек У. Общество риска... С. 132.

⁴³ Там же. С. 106.

⁴⁴ Там же. С. 191.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Цит.: Beck U., Gernsheim E. Geburtenrückgang und Neuer Kinderwunsch, Habilitationsschrf. München, 1986.

⁴⁷ Бек У. Общество риска... С. 182.

мым следствием его развития. Он представляет собой сложный процесс, охватывающий все сферы жизни общества. Процесс индивидуализации обладает двумя уровнями проявления: объективный или уровень “жизненных ситуаций” и субъективный или уровень действия индивида. На первом уровне процесс индивидуализации проявляется в ослаблении роли базовых институтов индустриального общества, кризисе их функциональных задач и перераспределении политического и экономического пространства. На втором уровне индивидуализация связана с изменением ценностных ориентиров людей, с проблемой кризиса идентичности, с распадом семьи, с освобождением от традиционных форм и ролевых распределений, с самостоятельным решением индивидом системных противоречий общества. Это значит, что индивид должен самостоятельно решать те проблемы, которые раньше решали за него социальные группы и институты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
- Бауман З.* Текущая современность / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990.
- Иноземцев В.Л.* Зигмунд Бауман и его индивидуализированное общество // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 142–145.
- Кон И.С.* Открытие “Я”: историко-психологический этюд // Новый мир. 1977. № 8.
- Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
- Зарецкий Ю.П.* История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. М., 2005.
- Мамедов А.К., Якушина О.И.* Поиск идентичности в современных реалиях: дискретность, посттрадиционализм и индивидуализм // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2015. Окт. Т. 15. № 4. С. 20–30.
- Марков Ю.Е.* Кризис человека как отражение глобальных проблем человечества // Вестн. Томск. гос. ун-та. “Философия, социология, политология”. 2007. № 304. С. 45–48.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1960.
- Полякова Н.Л.* Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Перевезенцев С.В. Философия эпохи Возрождения // Образовательный портал “Слово”. История философии. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41259.php> (дата обращения: 22.05.2017).

Рено А. Эра индивида: к истории субъективности / Под ред. Е.А. Самарской. СПб., 2002.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.

Хагуров Т.А. Кризис модерна и образования // Фундатметалльные аспекты психического здоровья. 2011. № 4. С. 16–26.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001.

REFERENCES

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. М., 2005 (in Russian).

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity] / Pod red. Yu.V. Asochakova. SPb., 2008 (in Russian).

Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. On the way to another modernity]. М., 2000 (in Russian).

Bek U. Vlast' i ee opponenty v ehpohe globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ehkonomiya [Power and its opponents in the era of globalism. New-world political economy]. М., 2007 (in Russian).

Beck U., Gernsheim E. Geburtenrückgang und Neuer Kinderwunsch, Habilitationsschrift. München, 1986.

Dawson M. Late Modernity, individualization and socialism: an associational critique of neoliberalism. L., 2013.

Ehlias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya [On the process of civilization. Socio-genetical and psychogenetic investigations]. М.; SPb., 2001 (in Russian).

Hagurov T.A. Krizis moderna i obrazovaniya [The Crisis of modernity and education] // Fundatmetal'nye aspekty psihicheskogo zdorov'ya. 2011. N 4. S. 16–26 (in Russian).

Inozemcev V.L. Zigmund Bauman i ego “individualizirovannoe obshchestvo” [Zygmunt Bauman and his individualized society] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. N 1. S. 142–145 (in Russian).

Kon I.S. Otkrytie “Ya” istoriko-psihologicheskij ehtyud [Opening of “I” historical-psychological study] // Novyj mir. 1977. N 8 (in Russian).

Mamedov A.K., Yakushina O.I. Poisk identichnosti v sovremennyh realiyah: diskretnost', posttradicionalizm i individualism [The IN search for identity in the contemporary society: discontinuity, posttraditionalism, and individualism] // Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya. 2015. Okt. T. 15. N 4. S. 20–30 (in Russian).

Markov Yu.E. Krizis cheloveka kak otrazhenie global'nyh problem chelovechestva [Crisis of man as a reflection of the global problems of the mankind] // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. “Filosofiya, sociologiya, politologiya”. 2007. N 304. С. 45–48 (in Russian).

Marks K., Ehngel's F. Soch. [Works]. М., 1960 (in Russian).

Polyakova N.L. Identichnost' v sovremennoj sociologicheskoj teorii [Identity in contemporary sociological theory] // Vestnik MGU. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4 (in Russian).

Perevezencev S.V. Filosofiya ehpoi Vozrozhdeniya [The Philosophy of the Renaissance] // Obrazovatel'nyj portal "Slovo". Istoriya filosofii. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41259.php> (accessed: 22.05.2017) (in Russian).

Reno A. Ehra individa k istorii sub"ektivnosti [The age of the individual to the history of subjectivity] / Pod red. E.A. Samarskoj. SPb., 2002 (in Russian).

Sennett R. The corrosion of character: the personal consequences of work in the new capitalism. L., 1998.

Sennett R. Padenie publichnogo cheloveka [The fall of public man]. M., 2002 (in Russian).

Veber M. Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma [The Protestant ethic and the spirit of capitalism] // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova; predisl. P.P. Gajdenko. M., 1990 (in Russian).

Zakariya F. Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ih predelami [Future of freedom: illiberal democracy in the United States and abroad]. M., 2004 (in Russian).

Zareckij Yu.P. Istoriya evropejskogo individa: ot Mishle i Burkhardta do Fuko i Grinblatta [History of European individuals: From Michelet and Burckhardt to Foucault and Greenblatt]. M., 2005 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70

КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

Развитие беспроводных технологий и цифровой инфраструктуры радикальным образом изменяет отношения индивидов со своей средой обитания и друг с другом. Вместо границ и разделения исследователи все чаще описывают современный мир, используя понятия сети, связи и потока. В статье представлены теоретические позиции в рамках социологического анализа киберпространства как особого типа пространства, возникающего в результате развития информационно-коммуникационных технологий. Рассматривается специфика различных подходов к определению киберпространства в контексте описания пространственно-временной дистанциации, свойственной современному обществу, в котором определяющее влияние имеют сетевые структуры. В статье делается вывод о том, что несмотря на наличие большого числа исследований, посвященных киберпространству, интерпретация этого понятия является весьма неоднозначной. Технологические основания оформления киберпространства, а также понимание того, что любое пространство является социально сконструированным, позволяют рассматривать киберпространство в перспективе изучения его физического, социального и информационного аспектов. Этот новый тип пространства, характерный для сетевых обществ XXI в., обладает рядом особенностей, указывающих на его виртуальность, сетевой характер функционирования, многомерность, нелинейность, изменчивость, возможность быть публичным и частным пространством и базой для конструирования сетевой идентичности.

Ключевые слова: киберпространство, информационно-коммуникационные технологии, сеть, сетевое общество, виртуальная реальность, интернет.

CYBERSPACE: TERRITORY OF CONTEMPORARY LIFE

Dobrinskaya Darya E., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

The development of wireless technologies and digital infrastructure has radically changed the relationships of individuals with their habitat and with each other. Instead of boundaries and separation, researchers increasingly describe the modern world, using concepts of network, connectivity and flow. The article

* Добринская Дарья Егоровна, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

presents theoretical positions within the framework of the sociological analysis of cyberspace as a special type of space emerging as a result of the development of information and communication technologies. The specifics of different approaches to the definition of cyberspace in the context of the description of the time-space distantiation as one of the key characteristic of modern society in which network structures have a decisive influence are considered. The paper concludes that, despite the large number of studies devoted to the issues of cyberspace, the interpretation of this concept is highly ambiguous. The technological basis for the design of cyberspace, as well as the understanding that any space is socially constructed, allows us to consider cyberspace in the perspective of studying its physical, social and informational aspects. This new type of space, characteristic of the networked societies of the 21st century, has a number of features that point to its virtuality, network nature of functioning, multidimensionality, nonlinearity, variability, the ability to be a public and private space and the basis for constructing a networked identity.

Key words: *cyberspace, information and communication technologies, network, network society, virtual reality, the Internet.*

Введение

Жизнь современного человека невозможно представить без технологий. Люди на протяжении всей истории своего существования стремились создавать комфортные условия жизнедеятельности. Именно благодаря этому стремлению человек смог окружить себя всеми достижениями современной цивилизации. Осмысление последствий информационно-коммуникационной революции привело современных мыслителей к выводу о том, что человеческое общество претерпело действительно серьезные качественные изменения. Характер этих изменений позволяет констатировать начало новой эпохи развития человеческой истории — эпохи господства сетей¹. Как писал еще в середине XX в. Маршалл Маклюэн, “главная особенность электрической эпохи состоит в том, то она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему”, оформляющую “единое поле опыта”². Произошедший во второй половине прошлого столетия “взрыв информации” стал причиной возникновения сетевого общества, которое характеризуется комплексностью и структура которого является неравновесной³.

Многие исследователи отмечают, что сеть как форма социальной организации существовала и на заре человеческой истории⁴.

¹ См., например, работы М. Кастельса, Р. Хассана, Я. ван Дейка, М. Хардта и А. Негри, Д. Барни, А. Барда и Я. Зодерквиста, У. Митчелла, П. Ханны, Ф. Капры, Дж. Урри и др.

² Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. С. 400.

³ Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социс. 2008. № 1. С. 82–88.

⁴ Об этом подробнее см. исследования М. Кастельса, Дж. Урри, Я. ван Дейка.

Однако только в последнюю треть XX столетия, когда появляются сложные цифровые технологии сетевых коммуникаций, повседневная жизнь современного человека преобразовалась радикально, а сети институционализировались в качестве основной формы организации и взаимодействия социальных, политических и экономических сил. Неудивительно поэтому, что анализ функционирования основ сетевого общества содержит утверждение о трансформации человеческого опыта в связи с происходящими изменениями во всех сферах современного бытия. “И пространство, и время трансформируются под совместным влиянием информационно-коммуникационной парадигмы и социальных форм и процессов, вызванных текущим процессом исторических изменений”⁵.

Джон Урри рассматривает основы человеческого существования сегодня в рамках трех так называемых “фонов природы”: фон естественных объектов, фон искусственных объектов и фон виртуальных объектов⁶. На фоне естественных объектов (здесь исследователь имеет в виду природные ландшафты планеты) разворачивалась большая часть человеческой истории. Фон искусственных объектов начинает создаваться во время Первой и Второй промышленных революций. Фон виртуальных объектов стал результатом инноваций Третьей промышленной революции. И, следуя логике рассуждений мыслителя, можно предположить, что плоды Четвертой промышленной революции, заявления о наступлении которой звучат в последние годы все более отчетливо⁷, создают условия для интенсификации процессов развития этого фона.

Виртуальная природа как третий вид природного фона непосредственным и самым тесным образом связана с миром “движения”. Объекты материального мира (аппаратное и программное обеспечение компьютеров и различного рода коммуникативных устройств), находясь всегда рядом и продуцируя бесконечные информационные потоки, оставляют бесчисленное множество едва уловимых виртуальных следов. Урри фиксирует переход от сообщества к “воображаемому присутствию”⁸.

Не принимая классических положений “социологической ортодоксии”, ставя под вопрос изучение традиционного для социологии предмета — общества — Урри предлагает новые категории

⁵ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 354.

⁶ *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 306–307.

⁷ *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2017.

⁸ *Мартыненко Т.С.* Трансформация предмета социологии в работах Б. Латура и Дж. Урри // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана “Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования”, 16-17 марта 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 158.

для социологии XXI в. Глобализационные тенденции 90-х гг. прошлого столетия являются одной из причин того, что социология, по мнению Урри, вышла за пределы “индивидуальных обществ”. Новая социология должна иметь дело с различными видами мобильностей, носителями которых являются живые организмы, предметы материального мира и информация⁹. «Можно сказать, что он отвергает понятие “общество” как релевантное современной социологии и ее предмету и предлагает заменить его термином “мобильность”»¹⁰.

Идея мобильности является базой всех теоретических построений социолога, а три природных фона, описанных выше, можно соотнести с обозначенными исследователем видами мобильностей. При этом ясно, что отличаясь от простых материальных сред действия, фон виртуальной природы является чрезвычайно чувствительным и способен трансформировать окружающий мир, оставаясь при этом невидимым. Этот фон представляет собой совокупность программных систем, позволяющих без сознательного обдумывания и вмешательства человека осуществлять многократно повторяющиеся действия. Системы виртуальной природы по-другому можно назвать *киберпространством*. Киберпространство представляет собой неотъемлемую часть природного фона современного сетевого общества.

Происхождение термина “киберпространство”

Скотт Лэш описывает современную жизнь как технологизированную. Индивиды незаметно для себя начинают воспринимать все, что происходит вокруг, через призму технологических систем. Люди и машины создали союз между биологической и технологической системами, в результате чего сложился сложный органико-технологический интерфейс, в котором индивиды уже не могут жить без помощи различных технических устройств¹¹. Особенностью информационной эпохи является оформление нового типа пространства – киберпространства.

Понятие “киберпространство” (англ. *cyberspace*) можно рассматривать как греко-латинскую комбинацию, состоящую из двух частей: “кибер-” (*cyber-*) и “пространство” (*space*). В Оксфордском словаре

⁹ Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 42.

¹⁰ Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее социологической теории в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 18.

¹¹ Lash S. Critique of information. L., 2002. P. 15.

английского языка указано, что префикс “cyber-” происходит от греческого слова κυβερνήτες, что буквально переводится как “правители”¹². Древние греки использовали слово “кибернетика” в прямом смысле как “искусство рулевого”, а в переносном – как “искусство государственного управления”. В начале XIX в. французский математик и физик А.М. Ампер, предложивший собственную классификацию наук, назвал науку об управлении государством “кибернетикой” (*cybernetique*), поместив ее между дипломатией и теорией власти¹³.

В современном употреблении “кибернетикой” обозначают науку о процессах управления, передачи информации и коммуникациях в сложных динамических системах (технических, компьютерных, биологических, нейронных, социальных). Теоретической основой кибернетики являются достижения многих научных дисциплин, среди которых особое место занимают математические науки и логика, биологические науки, разработка автоматизированных средств управления и т.д. Основные идеи кибернетики были сформулированы в 1948 г. Норбертом Винером в работе “Кибернетика, или управление и связь в животном и машине”¹⁴.

Дальнейшая эволюция кибердискурса способствовала возникновению целого ряда новых терминов, обозначающих появление нового мира, порожденного развитием технологий и распространением компьютерно-опосредованной коммуникации (*computer-mediated communication*, СМС). В настоящее время префикс “cyber-” используется в словах, обозначающих связь с сетями электронных коммуникаций и виртуальной реальностью.

Впервые о киберпространстве написал канадский писатель-фантаст Уильям Гибсон в “пророческом” рассказе “Сожжение Хром”, опубликованном в июльском номере журнала *Omni* в 1982 г.¹⁵ В последующих работах Гибсон продолжает активно использовать этот термин, наряду с новыми для того времени понятиями, такими как “искусственный интеллект”, “виртуальная реальность”, “транснациональные корпорации”, “матрица”. Особую популярность в этой связи получил роман Гибсона “Нейромант”¹⁶, опубликованный в 1984 г. Автор пишет о киберпространстве как о среде “чувственных галлюцинаций, испытываемых ежедневно миллиар-

¹² Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.

¹³ *Араб-Оглы Э.* Кибернетика и моделирование социальных процессов // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / Сост. В.Д. Пекелис. М., 1968. С. 152–153.

¹⁴ *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

¹⁵ *Gibson W.* Burning Chrome // *Omni*. 1982. July. URL: <https://omni.media/omni-magazine-july-1982> (accessed: 15.07.2017).

¹⁶ *Гибсон У.* Нейромант. М., 2000.

дами операторов всех наций, в том числе и детей, изучающих математические науки... Графическое отображение данных компьютеров, принадлежащих людям. Немыслимая сложность. Потоки света, упорядоченные человеческим разумом, скопления и созвездия информации”¹⁷. Таким образом, в том числе и благодаря работам Гибсона, понятие киберпространства прочно укрепились в массовом сознании и во многом определило современную культуру восприятия пространства и времени¹⁸.

С распространением в начале 1990-х гг. всемирной паутины (*World Wide Web, WWW*) термин “киберпространство” получил практическое применение для описания онлайн мира, в котором взаимодействия индивидов и групп осуществляются посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий. Мануэль Кастельс в связи с этим напишет, что возникает “коммуникационный гибрид”, сводящий воедино места в физическом пространстве и киберпространстве¹⁹. Дж. Барлоу, один из активных защитников свободы в интернете, в ответ на “Акт о благопристойности в телекоммуникациях”²⁰, публикует “Декларацию независимости киберпространства”, в которой пишет, что “киберпространство состоит из операций, взаимоотношений и самой мысли, образующих подобие волнового узора в сети наших коммуникаций. Наш мир – везде и нигде, и он не там, где живут наши тела”²¹.

Если обратиться к вопросу происхождения термина “киберпространство”, сместив акцент с цифровых оснований префикса “cyber-” на пространственные основания второй части слова “space”, то уместным представляется здесь точка зрения Анри Лефевра, который полагал, что “каждое общество производит свое пространство”²². Мыслитель разработал “унитарную теорию пространства”, содержащую три компонента: физическое, ментальное и социальное пространства. “Иначе говоря, предметом исследования выступает логико-эпистемологическое пространство, пространство социальной практики, занятое чувственными явлениями, в число которых входят и воображаемое, проекты и проекции, символы, утопии”²³. Основой концепции пространства является утвержде-

¹⁷ *Gibson W.* Neuromancer. N.Y., 1984.

¹⁸ *Soja E.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2000. P. 333.

¹⁹ *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

²⁰ Документ, подписанный американским президентом Биллом Клинтонном в 1996 г. как попытка ввести цензуру в киберпространстве.

²¹ *Barlow J.P.* A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 18.07.2017).

²² *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015. С. 45.

²³ Там же. С. 27.

ние о том, что пространство есть социальный продукт, обладающий специфическими характеристиками сообразно тому социально-историческому контексту, в котором оно продуцируется. Таким образом, “пространство одновременно определяет организацию производства и социальные отношения, но и само формируется под их влиянием”²⁴. В эпоху господства цифровых технологий таким пространством становится киберпространство.

Определение понятия “киберпространство”

Несмотря на то, что вот уже на протяжении 30 лет вокруг киберпространства ведутся активные дискуссии, однозначной трактовки этого понятия до сих пор нет, а в большинстве социологических справочников этот термин отсутствует. Интересно, что еще Маклюэн предсказал, что человечество быстро приближается “к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы”²⁵. Он писал, что после почти трехтысячелетней истории взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, современный западный мир взрывается вовнутрь. На протяжении десятков веков механических эпох люди расширяли свои тела в пространстве. Благодаря изобретению электричества появилась возможность расширить свою центральную нервную систему до вселенских масштабов. Так, ограничения, накладываемые пространством и временем, были преодолены.

Множественность интерпретаций термина киберпространства объясняется рядом причин. Во-первых, очень часто исследователи отождествляют киберпространство и пространство интернета. Следует, однако, заметить, что киберпространство есть продукт функционирования любых информационно-коммуникационных технологий (в том числе и интернета). Можно определить киберпространство как пространство, не сводимое к физическому пространству, в котором агенты вступают во взаимодействие в условиях функционирования множества технически сконфигурированных сред. Во-вторых, в литературе имеет место подмена понятий киберпространства и виртуальной реальности. Под виртуальной реальностью понимают

²⁴ *Вершинина И.А.* Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 1. С. 13.

²⁵ *Маклюэн М.* Указ. соч. С. 5.

совокупность ощущений индивида, порожденных использованием различных технических и электронных устройств, которые способны имитировать функции объектов реального мира (зрение, слух, осязание). Виртуальная реальность создает искусственную среду. С помощью средств виртуальной реальности индивиды погружаются в киберпространство. В отличие от виртуальной реальности, киберпространство не основано на чувственных симуляциях с целью создания иллюзии реальности. В киберпространстве происходит преимущественно текстовое общение, которое соотносимо с объективной реальностью²⁶. В-третьих, двусмысленность термина “киберпространство” и наложение киберпространства на реальную социальную жизнь есть результат беспрецедентного числа социальных отношений, которые порождают современные технологии. И, наконец, следует отметить, что скорость разработки, внедрения и повсеместного распространения технологических новаций в современном мире зачастую создает серьезные препятствия для осуществления актуального анализа и попыток прогнозирования даже в перспективе от одного года до трех лет. То, что еще совсем недавно воспринималось многими академическими исследователями лишь как околонучные рассуждения писателей-футурологов, сегодня стало частью повседневной жизни большинства.

Киберпространство, или по-другому цифровая среда, — это пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей. Границы киберпространства несводимы к границам физического пространства. Границы киберпространства подвижны и изменчивы. Киберпространство рассеяно повсюду, и одновременно оно не отображено ни на одной карте мира. Киберпространство едино и неделимо границами национальных государств. Киберпространство представляет собой бесконечные возможности для коммуникации. Оно есть потенциал, реализуемый каждым, кто в него погружается и кого оно “захватывает” помимо собственного желания. Для многих социальных теоретиков киберпространство интересно с точки зрения внутренних отношений — новые формы социализации, а также его соотнесение с реальным географическим, физическим пространством.

Александр Войскунский определяет киберпространство как “наличие некоего мира, обладающего протяженностью и метрикой и представленного в сознании”, уточняя, что в сознании разных людей

²⁶ *Holmes D. Communication theory: media, technology, society. L., 2005. P. 44–45.*

оно представлено, вероятнее всего, по-разному. Особенностью мира киберпространства является хранение практически неограниченных объемов информации и развлечений, а также предоставление индивидам “возможностей для бесчисленных способов самовыражения”²⁷.

Барри Уэллман рассматривает киберпространство в качестве посредника, благодаря которому люди организуют свои дела и заполняют время между встречами. Киберпространство предоставляет ряд несомненных преимуществ: люди могут общаться онлайн именно с теми, с кем они хотят. Наряду с физическим пространством, продолжающим сохранять свое важное значение, киберпространство становится совокупностью кибермест (*cyberplace*), благодаря которым индивиды находят или создают новые сообщества²⁸, получившие название “виртуальные сообщества”.

Кастельс в теории сетевого общества описывает новую пространственную логику – пространство потоков, которая противопоставлена укорененной пространственной организации нашего общего опыта – пространству мест²⁹. Как и Лефевр, ученый определяет пространство как “выражение общества”³⁰. Структурные трансформации, которым подвергаются современные общества, производят поэтому новые пространственные формы и процессы. Кастельс уверен, что преобладающее число социальных практик информационной эпохи не связано с физической близостью.

Современное общество оформляется посредством бесконечного числа потоков капитала, информации и технологий. Кастельс определяет потоки как “целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества”.

По мнению исследователя, можно выделить четыре материальных слоя пространства потоков:

1. Первая материальная опора пространства потоков состоит из цепи электронных импульсов – технологическая инфраструктура информационных систем, телекоммуникационных систем и транс-

²⁷ *Войскунский А.Е.* Метафоры интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79. URL: <http://www.relarn.ru/human/cyberspace.html> (дата обращения: 18.07.2017).

²⁸ *Wellman B.* Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25 (2). P. 247.

²⁹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 386.

³⁰ Там же. С. 384.

портных линий (микроэлектроника, телекоммуникации, компьютерная обработка, системы вещания и высокоскоростного транспорта и т.д.). Пространство потоков конституируется сетью взаимодействий, а цели и задачи каждой сети образуют различные пространства потоков. К примеру, финансовые рынки, высокотехнологичное производство, сфера развлечений, новостные СМИ и т.п. образуют свои специфические технологические системы и различные территориальные профили.

2. Второй слой пространства потоков состоит из узлов, хабов и коммуникационных центров. Пространство потоков не лишено мест (Уолл-Стрит или Гиндза – это узлы торговли, Беркли, Стэнфорд – узлы науки). Хабы представляют собой места коммуникации (аэропорты, автобусные или железнодорожные станции). Функционирование хабов основано на электронной сети, но эта сеть связывает между собой конкретные места с четко очерченными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками. Узлы и коммуникационные центры организованы иерархически в соответствии со своим весом в сети, однако сетевая иерархия является гибкой. Таким образом, автор констатирует, что главные процессы в современном мире отчетливо фиксируются в сетях, которые имеют способность связывать различные физические места (локалии) и наделяют каждое из них определенной ролью и соответствующим весом в иерархии создания богатства, обработки информации и реализации властных полномочий, которые, в конечном счете, и обуславливают судьбу каждой локалии.

3. Третий слой пространства потоков относится к пространственной организации властвующих менеджерских элит. Пространство потоков является доминирующей пространственной логикой, поскольку отражает интересы элиты. Особенностью современной элиты является ее космополитичный характер. Пространства власти и богатства пронизывают весь мир, тогда как жизнь и опыт народов укоренен в конкретных местах, в их культуре, истории и жизненном укладе. Чем больше социальная организация основана на внеисторических потоках, вытесняющих логику любого конкретного места, тем больше логика глобальной власти уходит из-под контроля со стороны местных и национальных сообществ³¹.

4. Пространство потоков содержит электронные пространства, такие как сайты в интернете, мессенджеры и т.п. (это могут быть как однонаправленные, так и интерактивные потоки). Именно этот слой пространства потоков характеризуется сегодня наибольшей динамикой развития, и оказывает определяющее воздействие

³¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха... С. 399.

на процессы принятия решений, производства информации и коммуникацию³².

Кастельс пишет о том, что наблюдается “шизофреническое структурное раздвоение между двумя пространственными логиками, которое угрожает разрушить коммуникационные каналы в обществе. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого внеисторического пространства потоков, стремящихся навязать свою логику рассеянными сегментированным местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами”³³.

И здесь следует еще раз указать на сложность определения “киберпространства”. Первые работы в этой области часто содержали описание киберпространства, схожее с тем, как писал о нем еще Гибсон. Фактически киберпространство, будучи продуктом информационно-коммуникационных технологий, сравнивалось с виртуальной реальностью, в которой пользователи теряют ощущение реального мира и фактически растворяются во вселенной абстрактных форм и виртуальных объектов. Нет сомнения, что и сегодня такие явления распространены посредством различного рода симуляций и сетевых игр. Тем не менее, следует отметить, что киберпространство – это не только специфический интерфейс и полное погружение посредством устройств виртуальной реальности (специальные очки и перчатки, устройства, подключаемые к игровой консоли, микрочипы и т.п.). Киберпространство фактически представляет собой общее пространство информационных потоков, в котором как нельзя более отчетливо наблюдаются последствия глобализации, во всем многообразии ее проявлений³⁴.

Именно в этом смысле киберпространство может рассматриваться как альтернативное пространство, существующее по меткому выражению Кастельса “на краю вечности”. Расстояния в киберпространстве измеряются щелчком компьютерной мыши. Здесь как нельзя кстати подойдет ставшая уже крылатой фраза Маклюэна: “Средство коммуникации есть сообщение”. Сообщение – это парадигматическое средство коммуникации информационной эпохи. В современном мире сообщение похоже на байты. Лэш в этой связи напоминает, что ценность книги оценивается возрастом 20 лет и более, ценность газеты – не более одного дня, а ценность сообщения может быть устаревшей уже через 20 секунд после его получения (к примеру, котировки на биржах). Информация в современном

³² Кастельс М. Там же. С. 389–390; *Castells M. Grassrooting the space of flows // Urban Geography. 1999. Vol. 20 (4). P. 294–296.*

³³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 399.

³⁴ *Terranova T. Network culture: politics for the information age. L., 2004. P. 42.*

мире не имеет концептуального оформления, поскольку у индивида практически отсутствует время на рефлексию³⁵. В настоящее время единая сеть электронной коммуникации распространяется на все сферы человеческого опыта в режиме реального времени и независимо от местонахождения индивида. Не важен IP-адрес, не важно геополитическое нахождение сервера, поскольку в общей информационной среде сайт, разработанный специалистами, находящимися, например, в России, в конечном итоге находится в пределах того же коммуникационного поля, что и интернет-страница, созданная в Италии. Таким образом, общее коммуникационное пространство создает ощущение сжатости и одномоментности происходящих событий.

Таким образом, можно заключить, что определение киберпространства может быть раскрыто в трех различных перспективах:

- 1) физический аспект киберпространства;
- 2) информационный аспект киберпространства;
- 3) социальный аспект киберпространства.

С точки зрения физического или материального восприятия киберпространства, важным является наличие определенных устройств (компьютеры, смартфоны, средства виртуальной реальности и т.п.), посредством которых киберпространство создается и функционирует. Киберпространство – это виртуальное место, создаваемое сетью взаимосвязанных компьютеров, в котором взаимодействуют агенты³⁶. И, несмотря на то, что киберпространство не является вмещением реальных материальных объектов, реальные материальные объекты создают места виртуальные, которые не имеют пространственно-временной протяженности, однако являются местами взаимодействия, в них хранится огромное количество информации, и создаются границы для защиты этой информации или возможностей ограничения доступа к определенным ресурсам в киберпространстве.

Информационный аспект киберпространства предполагает анализ киберпространства как совокупности бесчисленных информационных потоков, через которые с невероятной скоростью курсирует информация, переведенная в цифровую форму.

И, наконец, социальный аспект анализа кибернетического пространства связан с изучением всех социальных взаимодействий, которые происходят в этой неосозанной цифровой среде, в том числе функционирование многочисленных виртуальных сообществ, а также новые возможности для построения идентичностей. Очевидно, что

³⁵ *Lash S.* Op. cit. P. 2–3.

³⁶ *Ploug T.* Ethic sin cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. Dordrecht, 2009. P. 69–70.

киберпространство и реальное пространство неразрывно связаны между собой и пересекаются в общем потоке социальных взаимодействий. В этой связи целесообразно отметить, что новые возможности, которые открывают для человека информационно-коммуникационные технологии позволили фактически стереть границу между реальным миром и киберпространством³⁷.

Характеристики киберпространства

Определив киберпространство как новую среду существования современного человека, следует обратиться к ключевым его характеристикам. Одной из таких характеристик является его виртуальность. Современное употребление понятия “виртуальность” все чаще выходит за рамки области информатики и компьютерной техники. «В обиход вошли такие, еще до недавнего времени бывшие “нереальными” сочетания, как “виртуальная корпорация”, “виртуальные деньги”, “виртуальная демократия”, “виртуальное обучение” и т.п. Виртуальная реальность, таким образом, становится максимально объективированной, предельно конкретной и ощутимой»³⁸.

Это означает, что киберпространство жестко не привязано и не зависит от конкретного пространственно-временного расположения. Место взаимодействия в киберпространстве не требует, чтобы агенты взаимодействия находились в одном конкретном месте в определенный момент времени для того, чтобы их встреча в киберпространстве состоялась. Несомненно, взаимодействие в киберпространстве связано с физическим субстратом, но оно может быть синхронным или асинхронным, и оно может быть доступно агентам практически в любом географическом пространстве. Виртуальность здесь не выступает противоположностью действительности. Тем не менее, виртуальность обозначает то, что нечто в киберпространстве может быть совсем не тем, чем кажется. Таким образом, киберпространство, будучи виртуальным местом, не является местом в привычном смысле, когда место или пространство для взаимодействия ограничено пространственно-временными рамками.

Другой важной характеристикой киберпространства является связь между киберпространством и сетью. Киберпространство нельзя отождествлять с сетью или описывать как совокупность

³⁷ Slater D. Social relationships and identity online and offline // Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of Icts / Ed. by L. Lievrouw, S. Livingstone. L., P. 533–546.

³⁸ Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 86.

данных, хранящихся на компьютерах, и предоставляемых через компьютерные сети. Однако киберпространство во многом зависит от функционирования информационно-коммуникационных сетей (преимущественно речь идет об интернете). Более конкретно, киберпространство является местом или пространством, которое контролирует существование и работу взаимосвязанных сетей компьютеров. Следовательно, любое изменение состояния соответствующих взаимосвязанных компьютеров, таких как потеря мощности, также будет связано с изменением взаимодействия в киберпространстве: например, невозможностью взаимодействия.

Киберпространство как пространство для взаимодействия – еще одна важная характеристика киберпространства. Примеры взаимодействия в киберпространстве: интернет-банкинг, гейминг, социальные сети, электронные торги, новости, онлайн-шоппинг, поисковые системы, электронное правительство, краудсорсинг.

Отдельно необходимо рассмотреть характерную черту киберпространства, которая связана с тем, что оно не является четко определенным и заданным. Войскунский в этой связи приводит сравнение киберпространства с картой, имеющей бесконечное множество входов, которую никогда невозможно увидеть целиком, поскольку оно всегда открывается лишь частично и с любого места. Эта карта постоянно изменяется, что отражает мобильность развивающегося киберпространства, а протяженность интервалов между информационными массивами, как правило, неизвестна. В этой связи автор также описывает киберпространство как гипертекст или сеть. Гипертекст нелинеен и содержит множество разнородных связей, что создает собственное восприятие киберпространства у каждого агента, находящегося в цифровой среде. По аналогии с сетью, киберпространство в этом случае характеризуется децентрализацией и размытостью границ. “Наложение гипертекстовой структуры на обычную карту земной поверхности с очевидными сгущениями (скажем, в районе Силиконовой долины) и точками/системами обмена трафиком характеризует вовсе не топологию киберпространства, а географию проложенных в индустриальную эпоху линий связи и неравномерность урбанизации в информационную эпоху”³⁹.

Еще одной особенностью киберпространства является возможность рассматривать его как частное, интимное, или открытое, публичное. Множественность связей сетевой структуры киберпространства создает бесконечное число вариантов индивидуальной репрезентации, а также полей для взаимодействий в рамках раз-

³⁹ *Войскунский А.Е.* Указ. соч. С. 67.

личных сообществ, начиная от небольших закрытых и заканчивая открытыми с огромным числом подписчиков.

Киберпространство является социальным пространством, поскольку в нем происходят многочисленные социальные интеракции между реальными людьми, которые могут представлять себя таким же образом, как они представлены в реальной жизни, либо создавать свой новый образ посредством использования всевозможных аватаров. Речь здесь идет о конструировании сетевой идентичности, отличающейся гибкостью, фрагментированностью и множественностью. Как указывает Войскунский, поведение в киберпространстве определяется следующими чертами: анонимностью, переносом (из реальности в пространство интернета и обратно), репутационной прокачкой, мобильностью, погружением, распределенностью⁴⁰.

Все сферы жизнедеятельности современного “виртуализированного” общества⁴¹ функционируют посредством виртуальных коммуникаций, а именно через трансляцию образов, символов и текстов. Социальные институты в новых условиях приобретают виртуальную форму, не переставая при этом оставаться частью социальной реальности⁴².

Заключение

Киберпространство представляет собой новую среду обитания современного человека. Независимо от воли и сознания каждый индивид является частью этой среды, поскольку большинство социальных взаимодействий в современном мире происходит посредством информационно-коммуникационных технологий, продуктом которых и является эта всеобъемлющая цифровая реальность. Киберпространство можно рассматривать наряду с физическим и социальным пространством, обнаруживая черты первого и второго. В этой новой среде создается глобальная система общественного производства, которая дает возможности по-новому использовать природные и интеллектуальные ресурсы. Являясь чрезвычайно подвижной и гибкой, среда киберпространства не только создает бесконечное число новых возможностей, но и порождает новые риски, с которыми человечество никогда ранее не сталкивалось.

⁴⁰ *Войскунский А.Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.

⁴¹ *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000.

⁴² *Игнатъев В.И., Степанова А.Н.* Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 93.

“Создавая новые технологические и социальные возможности, объединяя людей и их сообщества, оно в то же время порождает новые опасности и риски. И, следовательно, влечет за собой формирование новых институций и инструментов человеческой активности”⁴³. Киберпространство является полем функционирования экономических институтов. Оно является отражением современного социального неравенства. Ограниченный доступ в зависимости от уровня дохода, образования, пола, возраста, происхождения, расы или языка демонстрирует цифровой разрыв, существующий в современном мире как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных государств⁴⁴. На повестке дня остро стоят вопросы кибербезопасности, перспективы развития “цифровой” экономики и “цифровой” культуры общества⁴⁵. Человечество стало заложником собственноручно созданных технологий. Теперь существование этих технологий является основой стабильного функционирования общества информационной эпохи господства сетевых структур. Возможно ли органичное сочетание использования сверхсовременных технологий с традиционным духовными ценностями и идеалами — вопрос, который следует задавать каждому, погружаясь в бесконечный, невидимый, непредсказуемый мир киберпространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Араб-Оглы Э. Кибернетика и моделирование социальных процессов // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / Сост. В.Д. Пекеллис. М., 1968.

Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

Войскунский А.Е. Метафоры интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.

Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.

Гибсон У. Нейромант. М., 2000.

Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 85–96. DOI:10.11621/npj.2016.0311.

Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.

⁴³ *Яницкий О.Н.* Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 21.

⁴⁴ *Fuchs C.* Internet and society. Social theory in the information age. N.Y., 2008. P. 281.

⁴⁵ *Яницкий О.Н.* Указ. соч. С. 20–22.

Игнатъев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 91–104.

Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.

Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

Мартыненко Т.С. Трансформация предмета социологии в работах Б. Латура и Дж. Урри // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 151–162.

Митчелл У. Я++. Человек, город, сети. СПб., 2012.

Осинова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее социологической теории в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 5–28. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-5-28.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-29-46.

Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социс. 2008. № 1. С. 82–88.

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 12–34. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452>.

REFERENCES

Arab-Ogly E. Kibernetika i modelirovanie sotsial'nykh protsessov [Cybernetics and modeling of social processes] / Kibernetika ozhidaemaya i kibernetikaneozhidannaya / Sost. V.D. Pekelis. M., 1968 (in Russian).

Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 18.07.2017).

Barney D. The Network society. Cambridge, 2004.

Castells M. Galaktika Internet [The Internet Galaxy]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Castells M. Grassrooting the Space of Flows // Urban Georraphy. 1999. Vol. 20 (4). P. 294–302. DOI: 10.2747/0272-3638.20.4.294

Castells M. Stanovlenie obshhestva setevykh struktur [The Rise of the Network Society] // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija. M., 1999 (in Russian).

Castells M. Vlast' kommunikacii [Communication power]. M., 2016 (in Russian).

Emelin V.A. Simulyakry i tekhnologii virtualizatsii v informacionnom obshchestve [Simulacra and virtualization technologies in information society] // Natsional'ny i psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]. 2016. N 3 (23). S. 85–96. DOI:10.11621/npj.2016.0311 (in Russian).

Fuchs C. Internet and society. Social theory in the information age. N.Y., 2008.

Gibson W. Burning Chrome // Omni. 1982. July. URL: <https://omni.media/omni-magazine-july-1982>

Gibson W. Neiromant [Neuromancer]. M., 2000 (in Russian).

Gibson W. Neuromancer. N.Y., 1984.

Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. M., 2006 (in Russian).

Hassan R. Media, politics and the network society. Buckingham, 2004.

Holmes D. Communication theory: media, technology, society. L., 2005.

Ignat'ev V.I., Stepanova A.N. Virtual'noe sotsial'noe deistvie i transformatsiya povsednevnykh praktik [Virtual social action and transformation of daily practices] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2010. N 3. S. 91–104 (in Russian).

Ivanov D.V. Virtualizatsiya obshchestva [Social virtualization]. SPb., 2000 (in Russian).

Kapra F. Skrytye svjazi [The Hidden Connections]. M., 2004 (in Russian).

Khanna P. Connectography. Mapping the Global Network Revolution. L., 2016.

Lash S. Critique of Information. L., 2002.

Martynenko T.S. Transformacija predmeta sociologii v rabotah B. Latura i Dzh. Urri [Transformation of the subject of sociology in the works of B. Latour and J. Urry] // XX Mezhdunarodnaja konferencija pamjati professora L. N. Kogana Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija, 16-18 marta 2017 g. Ekaterinburg. 2017. S. 151–162 (in Russian).

Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. M., 2015 (in Russian).

Martynenko T.S. Transformacija predmeta sociologii v rabotah B. Latura i Dzh. Urri [Transformation of the subject of sociology in the works of B. Latour and J. Urry] // XX Mezhdunarodnaja konferencija pamjati professora L. N. Kogana Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija, 16-18 marta 2017 g. Ekaterinburg. 2017. S. 151–162 (in Russian).

McLuhan M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. M., 2003 (in Russian).

Mitchell W.J. Ya++. Chelovek, gorod, seti [Me++. The Cyborg Self and the Networked City]. SPb., 2012 (in Russian).

Osipova N.G. Proshloe, nastoyashchee i budushchee sotsiologicheskoi teorii v Rossii [The past, the present and the future of the sociological theory in Rus-

sia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. S. 5–28. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-5-28.

Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.

Ploug T. Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. Dordrecht, 2009.

Polyakova N.L. Novye teoreticheskie perspektivy v sotsiologii nachala XXI v. [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the 21st century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. S. 29–46. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-29-46 (in Russian).

Prigogine I. Setevoe obshchestvo [Networked society] // Sotsis. 2008. N 1. S. 82–88 (in Russian).

Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. M., 2017 (in Russian).

Slater D. Social relationships and identity online and offline // Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of Icts / Ed. by L. Lievrouw, S. Livingstone. L., P. 533–546.

Soja E. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2000.

Terranova T. Network culture: politics for the information age. L., 2004.

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. M., 2012 (in Russian).

Van Dijk J. The Network society. Social aspects of new media. L., 2006.

Vershinina I.A. Sotsial'noe neravenstvo v sovremennykh gorodakh: perspektivy urbanisticheskoi revolyutsii [Social inequality in modern cities: urban revolution's perspectives] // Sotsiologiya goroda [Sociology of City]. 2017. № 2. S. 5–19 (in Russian).

Voiskounsky A. Metafori internet [Metaphors of the Internet] // Voprosy filosofii. 2001. N 11. S. 64–79 (in Russian).

Voiskounsky A. Povedenie v kiberprostranstve: psikhologicheskie printsipy [Behavior in a cyberspace: Some psychological principles] // Chelovek. 2016. N 1. S. 36–49 (in Russian).

Weiner N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine]. M., 1983 (in Russian).

Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25 (2). P. 227–252. DOI: 10.1111/1468-2427.00309.

Yanitsky O.N. Chetvertaya nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya i glubinye izmeneniya protsessov globalizatsii [The fourth technological revolution and deep shifts in globalization processes] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2017. N 21. C. 12–34. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452> (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-71-97

ИСТОКИ ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

К.А. Пахалюк, асп. кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России, Проспект Вернадского, 76, г. Москва, Россия, 119454*

В статье систематизируются истоки дискурсивного подхода в политических исследованиях. Внимание привлечено не столько к самому процессу становления данного направления (которое сформировалось в 1960–1970-е гг. под воздействием “лингвистического переворота”), сколько к тем направлениям мысли, которые сложились ранее (аналитическая философия, немецкая философия языка, русский формализм, семиотика, феноменология и структурализм) и оказали решительное влияние на решение проблемы не-нейтральности языка в восприятии и воспроизводстве политических отношений. Во многом опора на разные традиции предопределила противоречивость самого понятия дискурса. Нас интересуют не столько прямые отсылки (это привело бы к составлению весьма объемного и мало что проясняющего перечня), сколько конкретные интеллектуальные заимствования в виде определения проблемного поля, разметки, различения и обозначения исследовательского пространства. Ведь что значит изучать “не-нейтральность” языка? Можно обратить внимание на его логические структуры (аналитическая философия) или на “картины мира”, заложенные в естественный язык (“немецкая” школа). С формализмом связано изучение формальных структур текстов-нарративов (а поскольку мы не можем не создавать нарративы, то все наше знание обречено на зависимость от “литературности”), а со структурализмом — рассмотрение динамики по линии “язык/речь” или же инвариантных структур. Представители семиотики предложат собственный метаязык для корректного описания наблюдаемых явлений, а социальные конструктивисты, вышедшие из феноменологии, укажут на конструирующую роль языка как процесса интерсубъективного взаимодействия и порождения социальных (включая политические) связей. Кроме того, в статье указывается на отличие дискурсивного подхода от конверсационного анализа и герменевтики.

Ключевые слова: дискурс, формализм, структурализм, аналитическая философия, история науки, интерпретативизм.

* Пахалюк Константин Александрович, e-mail: kap1914@yandex.ru

INTELLECTUAL ORIGINS OF DISCURSIVE ANALYSIS IN POLITICAL STUDIES

Pakhalyuk Konstantin A., Postgraduate student, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (Ministry of Foreign Affairs), Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: kap1914@yandex.ru

The article studies the intellectual origins of a discursive approach in political science. Attention is drawn not to the process of discursive approach formation (which was formed in the 1960s–1970s under the influence of the “linguistic turn”), but to the many themes of thought that developed and had a decisive influence on the solution of the problem of language non-neutrality in the perception and reproduction of political relations. In many respects, the reliance on different traditions predetermined the inconsistency of the notion of discourse. We are interested not so much in direct referrals (this would lead to the compilation of a very voluminous list that allow little to understand), but rather specific intellectual borrowings in the form of identifying a problem field, marking out, distinguishing and denoting the research space. What does it mean to study language as a non-neutral dimension of comprehension and re-actualization of political processes? Analytical philosophy would draw attention to the logical structures of the language, German linguistic philosophy – to the “world view”, provided by the basic structure of everyday language. Formalists would make a research in text narratives, while structuralism insists on basic structures and provides “langue/parole” model. Semiotics is a general science about symbols, which provides specific meta-language, whereas “phenomenological tradition” is based on the idea that a language plays constitutive role in the process of the intersubjective interactions and creation of social relations.

Key words: *discourse, formalism, structuralism, analytical philosophy, history of science, interpretativism.*

Понятие дискурса предстает одним из наиболее неоднозначных в общественных науках¹, что мы связываем с разными контекстами его употребления. В центре дискурсивных исследований, как одного из прямых “продуктов” лингвистического переворота (1960–1970-е гг.) в социальных науках, находится идея о том, что используемый язык не является нейтральным инструментом передачи информации о реальности. Тем самым была отброшена мета-

¹ О неточностях в употреблении термина писали многие исследователи, например: Коломиец С.В., Каменева В.А. Дискурс прессы и рекламы как дискурс власти (гендерный аспект). Кемерово, 2012. С. 12; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2006. С. 85–86; Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 44; Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2012. С. 9; Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 192.

фора отражения, которая с эпохи Нового времени лежала в основе эпистемологии и предполагала, будто высказывание должно соответствовать объективному положению вещей². А потому предметное поле дискурсивных исследований задается именно проблемой не-нейтральности языка (в его коммуникативном, семиотическом и когнитивном измерениях) при осмыслении, формировании и воспроизводстве социальных отношений.

За последние 50 лет дискурсивный подход превратился в самостоятельное, междисциплинарное направление в политической науке. В рамках англо-американской академической политологии его относят к интерпретативистской парадигме, представители которой в 1970-х гг. под влиянием аналитической философии отказались от поиска каузальных связей в пользу выявления смыслов и значений (“лингвистический бихевиоризм”). Некоторые исследователи-интерпретативисты проявляли излишнюю склонность ориентироваться на метод (а не на решение конкретных проблем), ошибочно полагая, будто их парадигма лучше прочих подходит для изучения политической реальности³. Однако это не отрицает того, что при рассмотрении определенных явлений (например, идеологий, политической коммуникации, идентичности, механизмов легитимации и пр.) языковое измерение действительно имеет значение и требует собственных методов анализа.

К настоящему времени сложилось множество подходов к тому, как изучать соотношение “дискурсивного” и “политического”. По сути, каждый ученый самостоятельно решает данную проблему, формулируя теоретические рамки исследования, однако это не мешает выделить несколько оформившихся и устоявшихся направлений. Например, социолингвисты рассматривают взаимодействие между социальными институтами и формирующимися под их воздействием дискурсами, представители критического дискурс-анализа (Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклоу) акцентируют внимание на “скрытых идеологиях” и властных интенциях, которые реализуются через язык. Постструктуралисты (М. Фуко, Э. Саид, Э. Лаклау и Ш. Муфф), наоборот, рассматривают дискурс как семиотическую структуру, которая включает в себя разнообразные практики (не только речевые) и порождает объекты, о которых говорят. К ним близки представители “французской школы дискурс-анализа” (М. Пеше), которые отталкивались от психоанализа Ж. Лакана и структурного марксизма Л. Альтюссера. Предметом анализа явля-

² Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. 2004. № 2. С. 94.

³ Шапиро Й. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011. С. 72–82.

ются тексты, которые обладают “значимостью для определенного коллектива, т.е. анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими, иными словами, тексты, которые предполагают позицию в дискурсивном поле”⁴. Пятое аргументативное направление связано с работами Ю. Хабермаса, который рассматривает дискурс как пространство коммуникации, в котором осуществляется утверждение (в том числе посредством оспаривания) норм и ценностей, регулирующих взаимодействие внутри общества⁵. Он вводит нормативное понятие “идеальной языковой ситуации”, когда обсуждение независимо от властного господства, а участники стремятся рассмотреть все аргументы и прийти к согласию. Подобная ситуация вряд ли достижима в реальности, а потому нормативная модель становится инструментом анализа и сравнения конкретных дискурсивных практик.

Выделенные пять направлений вовсе не исчерпывают всех возможных (зачастую — авторских) подходов к анализу дискурсивного измерения политики. А потому для более детального понимания мы полагаем необходимым посредством ретроспективного метода определить его интеллектуальные истоки, которые прослеживаются как через развитие идей конкретных мыслителей, так и общность постановки проблем. Нас интересуют не столько прямые отсылки (это привело бы к составлению весьма объемного и мало что проясняющего перечня), сколько конкретные интеллектуальные заимствования в виде определения проблемного поля, разметки, различения и обозначения исследовательского пространства.

Исходную точку мы находим в философии Просвещения, а вернее в критике представлений Р. Декарта о развоплощенном разуме как центральном субъекте познания⁶. Особое место принадлежит И. Канту, который обозначил наличие априорных форм познания, укоренных в структуре человеческого мышления. С кантовской революции проявляется интерес к роли языка в этом процессе. Отметим, что у некоторых философов XVII—XVIII вв. (Т. Гоббс, Дж. Локк и Дж. Беркли) также обнаруживаются указания на необходимость преодоления несовершенства повседневного языка, который может затуманивать познание. Однако напрямую проблема общественной коммуникации и языкового выражения в то время не ставилась и не считалась значимой⁷. Стоит сразу обозначить две плоскости рассмотрения не-нейтральности языка:

⁴ *Serino P.* Как читают тексты во Франции? // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. С. 27–28.

⁵ *Уэст Д.* Континентальная философия. Введение. М., 2015. С. 121.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ *Hacking I.* Why does language matter to philosophy? Cambridge, 1988. P. 15–53.

если изначально речь шла об эпистемологии и организации процесса познания, то в дальнейшем (начиная с поздней аналитической философии и феноменологии) акцент переместился на роль языка в создании социальной реальности. В общей сложности мы насчитали шесть “интеллектуальных традиций”, представляющих шесть путей поиска ответа на вопрос, как язык формирует политическое пространство.

Первая традиция, связанная с развитием кантовских представлений об априорных формах познания, восходит к аналитической философии, в которой критика была направлена на формирование “идеального” логического языка, преодолевшего бы “недостатки” языка естественного и сделавшего возможным “чистое” знание (Г. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн, Р. Карнап)⁸. Их работы в меньшей степени интересны для понимания дискурс-анализа в политической науке, нежели тех аналитических философов 1950–1960-х гг. (поздний Л. Витгенштейн, П. Стросон, Дж. Остин, П. Грайс, в меньшей степени У. Куайн), которые занимались изучением повседневного языка. Заимствованию подлежало общее представление о невозможности понимания социальной реальности вне языка, а также введенное Л. Витгенштейном понятие “языковых игр”⁹, которое отсылает к многочисленным сетям подобия, существующим в языке и организующим наш коллективный опыт: “Мы делаем предикатами вещей то, что заложено в наших способах их представления”. Отсюда проистекает интерес Л. Витгенштейна к изучению правил языковых игр (ведь без них никакая игра не возможна), что приводит к утверждению автоматизма языкового процесса¹⁰.

Конечно, сведение политического процесса к языковым играм мало что проясняет в сути политического взаимодействия, а потому влияние аналитической философии прослеживается через переименование отдельных способов логического анализа языковых явлений. Так, популярность получило понятие пресуппозиции (введено Г. Фреге и активно использовано П. Стросоном для критики Б. Рассела), под которым подразумевается скрытое семантическое значение, необходимое для понимания смысла выражения. Например, при описании внешней политики США во фразе “Американские империалисты пытаются усилить влияние в Европе” пресуппозицией станет идея, что внешняя политика США является империали-

⁸ *Макеева Л.Ю.* Язык, онтология и реализм. М., 2011. С. 8.

⁹ *Вдовиченко А.В.* Расставание с “языком”: критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 208.

листической, а ее проводники исповедуют идеологию империализма. Выявление пресуппозиций в речи политических деятелей является одним из основных приемов вскрытия манипуляционных приемов¹¹.

Не менее популярной оказалась идея философа Дж. Остина разделять две функции высказываний: констативную (описывающую, отсылающую к определенному референту) и перформативную (речевой акт как действие, формирующее реальность, не подлежащее верификации с позиции истина/ложь)¹². Например, на этой основе Г. Мусихин предложил прочтение политических ритуалов как речевых актов, имеющих иллокутивное и перлокутивное воздействие¹³. Антрополог А. Юрчак развил идеи Дж. Остина в контексте анализа советского авторитетного дискурса (того самого “деревянного”, официозного языка, разоблачению которого посвящено немало работ¹⁴). Он рассмотрел его воспроизводство как перформативный акт, причем “констатирующая составляющая, напротив, постепенно уменьшалась или становилась неопределенной, открываясь для все новых, ранее непредсказуемых интерпретаций <...> В результате стандартизации и копирования формы идеологического языка общий смысл советской жизни отнюдь не сужался (как может показаться с первого взгляда и о чем ошибочно пишут многие исследователи), а напротив, расширялся”¹⁵. Другими словами, воспроизводство различных идеологических клише являлось определенным ритуалом, который, с одной стороны, формировал символическое единство, а с другой — в разных контекстах наполнялся собственными значениями и прагматическим смыслом. Отсюда и предостережение: нельзя буквалистски подходить к подобным речевым практикам.

Вторая интеллектуальная традиция восходит к критике кантовских форм априорного познания, основанной на изучении естественного языка и представлении о нем как о выразителе некоего народного духа. Первыми были И.Г. Гаманн и И.Г. Гердер, а затем их идеи развил В. Фон Гумбольд, писавший о языке как о “духовной

¹¹ Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. С. 114–115.

¹² Кэмерон Д. Разговорный дискурс. Харьков, 2015. С. 122.

¹³ Мусихин Г.И. “Блеск и нищета” политических ритуалов // Полития. 2015. № 2. С. 98–109.

¹⁴ Серю П. От прозрачности к непрозрачности в советском политическом дискурсе // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2015. С. 609–636; Том Ф. Описание новояза // Там же. С. 637–658; Янг Дж. Тоталитарный язык // Там же. С. 659–715.

¹⁵ Юрчак А. “Это было навсегда, пока не кончилось”. Последнее советское поколение. М., 2016. С. 73, 76.

энергии народа”¹⁶. В философии XIX в. критика языка становится неотъемлемой частью рассуждений о природе разума и процессов познания у К.Л. Рейнгольда (критика языковых привычек), О.Ф. Группе (указание на историчность и контекстуальность философских понятий и значение метафорических механизмов познания), К. Германа (язык как форма мышления, граница познания, что делает невозможным постулат о “мышлении-в-себе”) и Г. Гебера (язык есть средство включения человека в мир). Как видно, многие вопросы, которые активно обсуждались в социальных науках в середине XX в., оказались в определенной степени разработаны забытыми к тому времени философами.

В контексте изучения политических реалий с этой философской традицией связана идея языкового национализма: из тесных отношений “национального духа” и “национального языка” проистекало требование критики языка как способа защиты языковых норм, а вместе с ними и “чистоты национального духа”. Подобный консервативный союз пуризма и национализма не исчез и сегодня, причем на теоретическом уровне защита языка составляет предметную область эколингвистики (в поле зрения которой находится проблема “благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы”¹⁷) и нормативной лингвистики (“разработка теоретических основ управления развитием языка и, следовательно, осознанием социальных и культурных процессов”¹⁸). Здесь уже политизируется сама фигура лингвиста, который предстает хранителем “национального духа”, а забота о языке превращается в гражданскую обязанность. В контексте нашего исследования влияние этой традиции наиболее ярко проявляется в тех работах когнитивных лингвистов (развивавших положения гипотезы Сепира-Уорфа), которые направлены на выявление в национальном языке неких “национальных картин мира” и других “ментальных инвариантных структур”, оказывающих влияние на мышление различных народов¹⁹.

Слабость данного направления заключается в языковом национализме и детерминизме, и, хотя в среде консервативных публицистов подобные представления до сих пор актуальны (обычно они опосредуются теорией “национальной ментальности” и “национальной души”), в целом академическая политология и социоло-

¹⁶ *Соболева М.Е.* Философия как критика языка в Германии. СПб, 2005. С. 21–22.

¹⁷ *Бернацкая А.А.* Эколингвистика и “критика языка” // *Экология языка и коммуникативная практика.* 2014. № 2. С. 27.

¹⁸ *Бугайский М.* Язык коммуникации. Харьков, 2010. С. 19.

¹⁹ См.: *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2014.

гия отвергла их за излишний эссенциализм. Пожалуй, единственным исключением стало исследование Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, которые для анализа становления институтов представительной власти в эпоху перестройки создали интересную теоретическую модель. Их анализ языкового материала направлен на выявление базовых структур мышления. Отталкиваясь от наработок в области когнитивной лингвистики, они рассматривали политическую культуру как единство трех составляющих: операционального опыта (типовые схемы поведения в определенных ситуациях), ценностей и социальной онтологии (которая “называет”, типологизирует определенные ситуации). Делая акцент на социальной онтологии и моделях социальной реальности, они анализируют традиционное русское политическое сознание, в котором выделяются две доминанты: постоянная апелляция к народности, причем сам “народ” рассматривается как метафизическая целокупность и носитель высшей истины (что было концептуализировано в понятии соборности), и ценность труда, понимаемого в вульгарно-материалистическом смысле. Через онтологический уровень объясняется принятие после революции 1917 г. марксистской идеологии, в частности, двух представлений: общественное развитие детерминировано некими более широкими процессами, в то время как раскол является негативным явлением. В период же перестройки “традиционная российская политическая культура — с ее презумпцией консенсуса, охватывающего всех участников политического процесса, как естественного состояния общества и нормы политической жизни, и с ее стремлением к нахождению политических решений, которые, в силу их объективной истинности, были бы обязательными для всех, — помешала адекватному представлению социальных интересов в парламенте и не позволила ему стать ареной выработки и достижения подлинного общественного консенсуса, основанного на компромиссе между силами, выражающими разные интересы и разные представления о будущем страны”²⁰. Эти идеи В.М. Сергеев параллельно развил в своей модели демократии как переговорного процесса²¹.

Третья “интеллектуальная традиция” берет начало в 1910-х гг., когда произошло становление литературоведческой школы русского формализма (В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон). Формалистов можно рассматривать как наследников “формальной” школы в языкознании, которая сложилась вокруг

²⁰ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 278.

²¹ См.: Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М., 2013.

Ф.Ф. Фортунатова в Московском университете в конце XIX в.²² В более широком контексте речь идет о русской интеллектуальной революции 1910–1930-х гг., значение которой в методологическом плане заключалось в стремлении при интерпретации культуры отойти и от позитивизма, и от трансцендентных представлений (неокантианство, культурфилософия) в пользу поиска имманентных структур, объясняющих процесс функционирования того или иного явления²³. Как писал В.Б. Шкловский, в русском формализме противопоставлялась фактура ткани (литература и поэзия сама по себе) и ее производство (конкретная деятельность). Значение имела не “речь” (т.е. личное выражение авторов), а именно приемы словесного оформления²⁴. Формалисты стремились выявить некую особую “литературность”, сформулировать метаязык литературы (в противовес романтическому представлению о литературе как выражении некой свободы, авторского вдохновения и духа народа) и — более широко — обнаружить новые принципы функционирования искусства²⁵. В определенной степени можно говорить о близости формализма к “новой критике” в литературоведении (Т.С. Элиот, А.А. Ричардс и др.), представители которой совершили атаку на идею о субъективном характере литературного творческого акта, вводя такие понятия как “органическая форма” произведения (те его структурные особенности, которые не создаются, а воспроизводятся автором) и “традиции”²⁶.

Под влиянием формалистов находился и литературовед В.Я. Пропп, который опубликовал в 1928 г. исследование морфологии волшебной сказки. Он выделил 31 функцию (“поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия”²⁷), составляющую “идеальный сюжет” волшебной сказки (в конкретном случае некоторые функции могут опускаться). Принципиальным является их жесткая последовательность одна за другой, что приводит к однотипности. В некоторых сказках различные функции могут облекаться в одну и ту же форму, что приводит В.Я. Проппа к мысли о том, что различение функций на практике требует обра-

²² Ильин М.В. Перспективы политического дискурс-анализа в России // Дискурс-Пи. 2006. № 1. С. 95.

²³ Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х гг. М., 2016. С. 5.

²⁴ Бондарев А.П. Фердинанд де Соссюр и некоторые вопросы теории литературы // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М., 2007. С. 118.

²⁵ Левченко Я. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012. С. 29–30.

²⁶ Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму: проблемы методологии. М., 1998. С. 23–24.

²⁷ Пропп В.Я. Морфология “волшебной” сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 20.

щения к последствиям действия героя (т.е. к связи между функциями и их положения в общей структуре).

С точки зрения изучения дискурса формализм породил представление, что не просто язык, но сама организация текстов имеет значение. Эта идея была концептуализирована в рамках нарративного анализа. Описывая политическую реальность, мы превращаем ее в некую историю, нарратив, имеющий собственные (не связанные с изучаемым явлением) механизмы функционирования. Соответственно, не получается ли так, что мы самим фактом рассказывания историй вольным образом навязываем реальности то, чего в ней нет? И не мешает ли это нашему научному познанию? Например, одни из основателей нарративного анализа У. Лабов и Дж. Валетски (Waletzky) предлагали рассматривать рассказы как нарративы, которые придают передаваемому через них опыту темпоральную структуру и обладают формальными свойствами и функциями (в частности, референциальными и оценочными)²⁸.

Наиболее сильное влияние эти идеи оказали на развитие исторической науки, в которой, в частности, выделяется фигура Х. Уайта, предложившего рассматривать исследования историков как произведения, в которых исторические события выстроены на основании логики сюжета (здесь он опирается на литературоведческую теорию Н. Фрайя), а не просто нейтрально описывают причинно-следственные процессы²⁹. Классической стала предложенная семиологом А. Греймасом актантная модель описания отдельных микроуниверсумов (например, народных сказок, театра, отдельных текстов и пр.), которые сводятся к структуре ключевых акторов-актантов, связанных различными типами отношений (субъект—объект, адресат—адресант, помощник—вредитель). С помощью этой схемы он проанализировал “микроуниверсум” философа нового времени, активиста марксистской идеологии и сотрудников одной инвестиционной компании, полагая, что выявленная им модель позволяет уловить мифологические модели, с помощью которых “современный человек интерпретирует свое, по видимости рациональное, поведение”³⁰. Тем самым, нарративы не просто влияют на наши способы познания, но и, как отмечал американский политолог Х. Элкер (Alker), структурируют реальное экономическое,

²⁸ Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // Sociolinguistics. The Essential Reading / Ed. by Ch. Paulston, G. Tucker. Oxford, 2006. P. 74–75.

²⁹ Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015. С. 127–129; Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015. С. 108–115.

³⁰ Греймас А. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика. От структуризма к постструктуризму. М., 2000. С. 167.

социальное и политическое взаимодействия: “Именно посредством них рассказчикам и слушателям сообщаются не только смысл, порядок и идентичность, но и практическое понимание идеалов, набора возможных способов действия, которым стоит или не стоит следовать”³¹.

Четвертая “интеллектуальная традиция”, пожалуй, наиболее важная для понимания дискурс-анализа, связана со структуралистской парадигмой в языкознании, и, в частности, трудами швейцарского лингвиста французского происхождения Ф. де Соссюра. Его лингвистическая теория, которая была ответом на засилье исторических, диахронных методов в лингвистике, покоится на разделении “языка” (как набора правил) и “речи” (индивидуальное использование языка в повседневности). Вопреки многим современникам Ф. де Соссюр настаивал, что именно структура как формальная система является основой, в то время как речь произвольна³². Помимо противопоставления статики и динамики не менее значимым оказался тезис о произвольности (т.е. не обусловленности) знака. В языке нет ничего, кроме правил, а используемые знаки произвольны относительно социальной реальности: “Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано”³³. Тем самым референт исключался из рассмотрения лингвиста³⁴. Третья значимая для нас идея заключалась в разделении между значением (т.е. основным смыслом слова) и значимостью, которая в свою очередь определяется общим контекстом, в котором используются слова, те смыслы, которые начинают доминировать в зависимости от положения в общем ряду высказывания.

Нельзя не отметить близость структурализма и формализма, которых роднят обращение к формальному анализу, предпочтение синхронных методов перед диахронными (историческими) и изгнание психологизма³⁵. Вместе с тем между структурализмом и формализмом существуют и различия, главным образом выража-

³¹ *Alker H.* Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. Cambridge, 1996. P. 304.

³² *Алпатов В.М.* Соссюр и мировая наука // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. С. 20–21.

³³ Цит. по: *Кузнецов В.Г.* Парижская и Женевская ветви учеников и последователей Ф. де Соссюра // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание... С. 33.

³⁴ *Силичев Д.А.* Ф. де Соссюр и современная философия // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание... С. 84.

³⁵ См.: *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014. С. 67–68.

ющиеся в том, что структуры не могут изучаться независимо от содержания.

Можно выделить два пути влияния структурализма. Во-первых, из структурной лингвистики в середине XX столетия рождается дискурсивная лингвистика, в рамках которой многие лингвисты поставили перед собой задачу выйти за пределы изучения отдельного предложения (именно оно являлось высшим пределом именно лингвистического метода). А потому понятие дискурса очень часто используется в рамках таких направлений, как “лингвистика текста” и “лингвистика речи”. Одно понимание предложил в 1952 г. американский лингвист З. Харрис, который использовал дискурс именно в формалистском ключе, понимая под ним единицу выше предложения, а дискурс-анализ – как формальный метод, направленный на изучение элементов дискурса вне зависимости от их значения. Речь идет об анализе связного текста, в котором устанавливается место (occurrence) каждого элемента в рамках этого текста. З. Харрис писал именно о взаимосвязи, а не о социальном детерминизме: с его точки зрения, нет смысла утверждать, что в похожих ситуациях появляются похожие дискурсы³⁶. Тем самым исследование дискурса является своеобразным развитием дистрибутивных методов анализа, а в поле зрения оказывается именно последовательность элементов предложений (и их самих) в определенной ситуации.

Нам же интереснее, скорее, то понимание дискурса, которое восходит к работам бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса. В 1943 г. он предложил под ним понимать пространство, образуемое между “языком” и “речью”³⁷. В дальнейшем понятие дискурса стало рассматриваться, скорее, с функционалистских позиций, а именно как “речь в социальном контексте”, “погруженная в жизнь” (Н.Д. Арутюнова). Т.В. Марченко достаточно точно сформулировала то, как дискурс понимают современные лингвисты: “Дискурсивный аспект предопределяет рассмотрение лингвистических явлений во взаимодействии с культурно-историческими, социально-ситуативными и коммуникативно-прагматическими характеристиками”³⁸.

Отметим, что в России проблематика дискурсивных исследований восходит к традиции изучения функциональных стилей. Соответственно, политический дискурс рассматривается как разновидность институционального дискурса, своеобразный подъязык. Становление и развитие этого подхода, получившего название

³⁶ *Harris Z.* Discourse analysis // *Language*. 1952. Vol. 28. N 1. P. 1–2.

³⁷ *Ильин М.В.* Перспективы политического дискурс-анализа в России // *Дискурс-Пи*. 2006. № 1. С. 94.

³⁸ *Марченко Т.В.* Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в политическом дискурсе. Ставрополь, 2014. С. 5.

“политической лингвистики”, в 1990–2000-х гг. происходило благодаря усилиям лингвистов Э.В. Бугаева и А.П. Чудинова, а в дальнейшем политолога О.Ф. Русаковой. Основными площадками являются журналы “Политическая лингвистика” и отчасти “Дискурс-Пи” (авторы которого в большей степени ориентированы на то, чтобы не останавливаться только на языковых явлениях, а представить более широкий социальный анализ). Как правило, исследователи, работающие в данном направлении, сосредоточиваются на лингвистическом аспекте политической коммуникации, пытаются определить ее особенности и структуру, провести различие между политическим и неполитическим (например, медийным) дискурсами, изучить риторические и манипулятивные стратегии, тактики достижения коммуникативной эффективности, рассмотреть политиков как языковых личностей³⁹. Подавляющее большинство подобных исследований направлено на решение “узкоцеховых” лингвистических задач, а нежелание работать именно в междисциплинарном разрезе (т.е. синтезировать теоретические и методологические аспекты сразу двух наук) делают результаты малоинтересными для политологов. Прекрасный показатель – журнал “Политическая лингвистика”: из 3019 ссылок в РИНЦ (на июль 2017 г.) на опубликованные в нем статьи только около 50 можно квалифицировать как ссылки в политологических изданиях (примечательно отсутствие в этом списке таких ведущих журналов, как “Полис” и “Полития”).

Впрочем, дискурсивные лингвисты активно заимствуют различные идеи из смежных дисциплин. Наибольшее влияние оказали аналитическая философия (та же теория речевых актов) и когнитивные науки. Представление о когнитивных моделях, например, Т. ван Дейк использует для изучения связности дискурса (как метакоммуникативного события). В некоторых случаях “подсказку” давал национальный язык. Здесь уместно вспомнить и французского лингвиста Э. Бенвениста, который рассматривал дискурс как речь, присвоенную субъектом. Опираясь на особенности французского языка, он разделял времена повествования (независимые от пространственно-временных координат говорящего) и времена речи (зависимые от последних)⁴⁰.

³⁹ См.: *Ларионова М.В.* Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? М., 2015; *Михалева О.Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия; *Паришина О.Н.* Российская политическая речь; *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Уч. пособ. М., 2012. С. 73–80; *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 32.

⁴⁰ См.: *Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла... С. 125; *Серио П.* Как читают тексты во Франции? // Там же. С. 14–15.

Второе направление связано с рецепцией структурализма в континентальной философии и отдельными социальными исследователями. Здесь стоит указать на влияние работ антрополога К. Леви-Стросса, который занимался выявлением инвариантных схем (они же – структуры), воспроизводимых неосознанно⁴¹. Структурализм формировался в оппозиции к тем научным представлениям, согласно которым объяснить определенное социальное явление – значит проследить причинно-следственные связи (в том числе в историческом, т.е. диахронном, срезе) или намерения (интенции) субъектов социальных отношений. Структуралисты, наоборот, полагают необходимым исходить из некоей целостной структуры (системы), а объяснение заключается в поиске не внешних причин и причинно-следственных (т.е. каузальных) цепочек, а в выявлении внутренней логики функционирования⁴². Стоит особо отметить: структурализм зарождался как изучение объектов определенного типа (принципиально отличных от тех, с которыми работают политологи) и даже основатели этого направления (например, К. Леви-Стросс) предостерегали от его повсеместного применения.

В контексте нашей статьи к таким инвариантным структурам можно отнести описанные выше модели нарративного анализа. Кроме того, французская школа дискурс-анализа (М. Пеше) рождается в 1960-е гг. посредством лингвистического осмысления “структурного марксизма” Л. Альтюссера (его государственные идеологические аппараты операционализируются с помощью языкового измерения). Несколько иным путем одновременно шел М. Фуко, однако ключевые его работы в области изучения дискурса (“Слова и вещи” и “Археология знания”) традиционно относятся к структуралистскому периоду его творчества. Дискурс – это не поле, создаваемое соотношением “слов” и “вещей”, а совокупность правил, образующих практики, которые в свою очередь постоянно образуют объекты, о которых говорится. Значение имеет не референция, а функциональные условия высказывания⁴³. Правила дискурса “определяют не немое существование реальности и не каноническое использование словарей, а порядок объектов”, или же другими словами – диспозитив. Неудивительно, что, касаясь проблемы концептов, философ отказывается прибегать к анализу их содержания. Ему важнее выйти на “доконцептуальный уровень”, т.е. на правила формирования концептов, позволяющие понять заданные формы последовательности, правомерности (до-

⁴¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 32.

⁴² *Энафф М.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. М., 2010. С. 30–31.

⁴³ *Бурцев В.А.* Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №. 10. С. 11.

казательности), осуществить связи с другими концептами и объяснить возможные вариации в рамках одного дискурсивного поля: “Мы не связываем константы дискурса с идеальными структурами концептов, а описываем сетку, исходя из присущих дискурсу закономерностей... мы устанавливаем перевернутые ряды, размещаем чистые, лишённые противоречий намерения в сплетения сетки концептуальной совместимости и несовместимости и связываем эти сплетения с правилами, характеризующими дискурсивные практики”⁴⁴. Изучать дискурс значит изучать высказывание в его единичности и ограниченности, выявлять условия его существования, фиксировать границы, корреляции с другими высказываниями, обращать внимание на прерывности и противоречия: “...увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления... определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли быть с ним связаны, — как показать механизм исключения других форм выражения”⁴⁵. Общая цель анализа — показать дискурс в его единичности, ответить на вопрос, почему нельзя было высказать иначе. За этой мыслью не стоит видеть “языковой империализм”: наличие недискурсивной реальности никогда не ставилось под сомнением самим М. Фуко, скорее его находка (которая, на наш взгляд, и определила популярность его дискурсивного “проекта”) заключается в том, что дискурс (то, как мы говорим) не отделим от обращения с объектами (практик).

Пятая традиция восходит к семиотике как самостоятельной науке о знаках. Современный исследователь М.В. Ильин включает ее наряду с математикой и морфологией в один из трех органов (“базовых методов”) современных наук. Будучи наукой о знаках, она может представлять собою мета-методологический подход социологических наук, в случае “очищения” от лингвистических представлений (тем самым будет воплощен идеал “чистой семиотики” Ч. Морриса)⁴⁶. Обычно выделяют две ветви семиотики. Одна (восходящая к Ч. Пирсу, У. Моррису) ориентирована на изучение процесса семиозиса, т.е. становления и трансформации знаковой реальности. Другая (“женевская школа”) рассматривает знаковую систему в качестве замкнутой, иерархической структуры, изменение одного элемента которой предполагает трансформацию всей структуры⁴⁷. Здесь прослеживается влияние Ф. де Соссюра, кото-

⁴⁴ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 62.

⁴⁵ Там же. С. 96.

⁴⁶ Ильин М.В., Фомин И.В. И смысл, и вера. Семиотика в пространстве современной науки // Политическая наука. 2016. № 3. С. 30–46.

⁴⁷ Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. С. 27–36.

рый рассматривал семиологию как часть общей психологии (включая социальную).

Для нас важно подчеркнуть, что семиотика предложила методологический инструментарий для описания знаковых систем, который в свою очередь может быть заимствован исследователями дискурса: будь то выделение различных типов знаков (иконические, индексальные и символы) или трехчастной структуры любого текста (семантика, синтактика и прагматика). Опираясь на теорию языка Л. Ельмслева, французский лингвист Р. Барт предложил семиотическую трактовку мифа как особой знаковой формы, когда один знак (как соединение означающего и означаемого) становится означающим некоего другого означаемого (обычно абстрактной идеи)⁴⁸. В рамках первичной семиологической системы знак неразрывно связан с определенным действием, он принадлежит истории как процессу становления. Однако во второй семиологической системе изначальный смысл деформируется, используется как подручный запас (“он богат и покорен, его можно то приближать, то удалять”⁴⁹) для выражения некоей другой идеи: “...история улетучивается: она, словно идеальный слуга, все приготавливает, приносит, расставляет по местам, а с появлением хозяина бесшумно исчезает”⁵⁰. Например, выстрел с крейсера “Аврора” в контексте событий 24–25 октября 1917 г. в Петрограде в дальнейшем превратился в символ Октябрьской революции.

Отметим, что существует достаточно серьезная традиция семиотического описания политических процессов. Обзор зарубежных работ провела в середине 2000-е гг. Е.И. Шейгал, а потому мы не видим оснований заниматься повторением⁵¹. Кроме того, в определенной степени от семиотического подхода отталкивается и развивающееся в настоящее время в отечественной политологии направление “символической политики”, которое представлено прежде всего в работах О.Ю. Малиновой и С.П. Поцелуева⁵².

Шестая “интеллектуальная традиция” восходит к феноменологии, с ее акцентом на изучение феноменального мира и intersубъективный характер познания. Здесь мы можем выделить несколько путей влияния на изучение политической реальности.

⁴⁸ *Зенкин С.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. М., 2014. С. 23–29.

⁴⁹ *Барт Р.* Указ. соч. С. 276.

⁵⁰ Там же. С. 314–315.

⁵¹ *Шейгал Е.И.* Указ. соч.

⁵² *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М., 2012. С. 5–16; *Поцелуев С.П.* “Символическая политика”: к истории концепта // Там же. С. 17–53.

Во-первых, в политической философии на онтологии становления М. Хайдеггера выросло направление постфундаментализма с идеей радикальной случайности как ключевого онтологического принципа. Наиболее яркий представитель — постструктуралистская теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф⁵³, которые в рамках разработанной ими концепции делиберативной демократии рассматривали сферу политического как арену борьбы различных способов определения, фиксации социального мира. Отметим, и в постструктурализме, и в критическом дискурс-анализе (прежде всего Н. Фэрклоу) получило развитие выдвинутое Э. Гуссерлем понятие седиментации, а именно забвения того, что каждая социальная практика, воспринимаемая как очевидная, является результатом принятых ранее властных решений.

Во-вторых, феноменология кардинальным образом повлияла на становление социальной феноменологии (А. Шюц). Мы оставим в стороне тот факт, что философская феноменология (та, которую разрабатывал Э. Гуссерль) ориентирована на изучение мира до его рефлексии и процессов его конституирования в сознании человека. Заимствовав понятие “жизненного мира”, А. Шюц оказался скорее ближе к американскому прагматизму⁵⁴. Значимость для нас имеет то, что феноменологи обратили внимание на место естественного языка в конструировании социального мира: он рассматривается как социальная практика, самостоятельное действие. Именно в рамках этой традиции благодаря П. Бергману и Т. Лукману зарождается социальный конструктивизм. Можно говорить об определенной “социологической интервенции” в мир политики, который превращается в пространство взаимодействия подобное всем прочим “жизненным мирам”. Речь идет не о внимании к повседневности политического взаимодействия (она недоступна исследователю), а об интеллектуальной установке: рассматривать политическое как один из видов социального. Наиболее ярко это проявилось у представителей школы критического дискурс-анализа (КДА), которые исследовали то, как через язык и существующие правила коммуникации осуществляется политическое господство. Дискурс понимается как сложное коммуникативное событие, а проблема политической власти выносится де факто за скобки. Анализируя публичные выступления и материалы СМИ, представители КДА акцентировали внимание именно на языковой форме, несущей в себе скрытые идеологии. Речь могла идти, например, о синтаксических конструкциях (так, форма “я не расист, но...” позволяет

⁵³ См.: *Marchart O.* Post-foundational political thought. Edinburgh, 2007.

⁵⁴ *Вахштайн В.С.* Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 6–7.

легитимировать расистские убеждения)⁵⁵, семантических макро-структурах (например, топик “мигранты” в новостях уже предполагает социально детерминированное, а потому идеологизированное включение одних и исключение других элементов) или дискурсивных интервенциях (как показал Н. Фэрклоу, дискурсы рекламы, бюрократии и медицинской терапии как сложившаяся форма коммуникации внутри этих социальных пространств начинают внедряться в другие области, тем самым подчиняя их чуждой логике)⁵⁶.

Шесть выделенных традиций представляют прежде всего теоретические горизонты, очертившие проблемное поле дискурсивного анализа политических процессов. Конечно, всегда можно предпринять более углубленное и детализированное изучение истоков, особенно если переходить на уровень отдельных исследователей и школ. Например, имеются основания говорить о сильном влиянии лингвистических воззрений Ф. Ницше на М. Фуко, В. Беньямина — на критический анализ дискурса, лингвистической антропологии и когнитивной лингвистики — на школу КДА. Ранние работы М.М. Бахтина в 1960-е гг. активно использовались французскими семиотиками (Ю. Кристева и Ц. Тодоров) для развития понятия интертекстуальности (причем бахтинское “слово” неточно переводилось как “дискурс”)⁵⁷. В свою очередь идеи бахтинского диалога оказались созвучны постструктурализму с его представлением о принципиальной неполноте идентичности и ее становлении в ходе диалога-взаимодействия (наиболее близкие по значению идеи можно обнаружить, например, в концепции дискурса Э. Лаклау и Ш. Муф)⁵⁸. На рубеже тысячелетий отечественный политолог Л.Е. Бляхер использовал бахтинский диалогизм для концептуализации кризисных социальных явлений и выявления пока еще не проявившихся смыслов⁵⁹, а А. Юрчак понятие “авторитетное слово” (которое близко к символической власти П. Бурдьё) берет для концептуализации особенностей советского официального дискурса⁶⁰. В контексте теории международных отношений бахтинский диалогизм частично заимствован норвежским политологом И. Нойманном для концептуализации диалогического подхода

⁵⁵ Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 149–191.

⁵⁶ Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse and society. 2000. Vol. 11 (2). P. 147–148; *Idem*. Language and power. Edinburgh, 1996.

⁵⁷ Автономова Н. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 172–184.

⁵⁸ Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009. С. 240–242.

⁵⁹ Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.

⁶⁰ Юрчак А. Указ. соч. С. 90–95.

к формированию политической идентичности, в центре которого фигура “Другого” признается как равной, так и отличной от “Я”⁶¹.

Установление конкретных взаимосвязей (между различными авторами) можно продолжить, однако оно будет избыточным, как та самая китайская карта у Х.Л. Борхеса, которая в конечном итоге оказалась равной поверхности земли. Стоит сделать, пожалуй, лишь несколько оговорок.

Во-первых, мы намеренно исключили из нашего рассмотрения герменевтику. Конечно, оба подхода представляют изучение текстов в определенном социальном контексте, однако их устремления различны. Прежде всего, ссылки на герменевтическую философию не характерны для исследователей дискурса, причем основные работы Х.-Г. Гадамера и П. Рикера были опубликованы в конце 1950–1970-х гг., т.е. лишь немного определили лингвистический поворот. При этом многие ученые, которые обращались к дискурсивной проблематике, скорее оппонировали герменевтике. Так, К. Скиннер, основатель Кембриджской школы дискурсивного анализа политических идей, считал, что он преодолевает недостатки теорий Х.-Г. Гадамера и П. Рикера, а потому называет их “устаревшими”⁶².

Один из основателей критического дискурс-анализа Т. ван Дейк писал, что его теоретические воззрения формировались под воздействием структурализма, постструктурализма, генеративной лингвистики Н. Хомского и семиотики (Р. Барт и П. Греймас) в оппозиции к герменевтической, “интерпретативистской” традиции (В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер), многие представители которой оказались связаны с нацистским прошлым: “...структурализм и генеративный формализм (а также публикации Н. Хомского на политическую тематику) в лингвистике (текста) и поэтике ассоциировались с прогрессистской политикой, в то время как традиционное, интерпретативистское литературоведение — с консервативными воззрениями и практиками”. Впрочем, в 2011 г. Т. ван Дейк отмечал, что герменевтика скорее должна рассматриваться как часть дискурсивных исследований (не наоборот!), но только если представители данного направления смогут перенять достижения дискурсивных лингвистов, которые выработали более точные методы анализа⁶³.

⁶¹ Нойманн И. Использование “другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁶² Skinner Q. Visions of politics. Vol 1. Regarding method. Cambridge, 2002. P. 28–29, 120.

⁶³ Dijk T. Discourse studies and hermeneutics // Discourse Studies. 2011. Vol. 13. N 5. P. 609–621.

Подчеркнем, что герменевтика ориентирована на понимание смыслов (в том числе скрытых), в то время как в центре дискурсивного подхода — не-нейтральность языка и изучение различных языковых или текстовых структур. При этом для представителей последнего характерен не поиск “истинных смыслов” и “скрытых значений”, а скорее процесс интерсубъективного взаимодействия, включая анализ систем имманентно-рассредоточенного смысла (термин С.Н. Зенкина): «Это не вещи и не символы. Они обладают смыслом, в отличие от вещей, имеющих только причину, но это “легкий”, чисто поверхностный смысл, тогда как смысл символов отсылает к герменевтической глубине <...> категория фактов, которые тоже обладают предсуществующим смыслом, но его невозможно отнести к какому-либо определенному индивидуализированному субъекту. Нет субъекта, который отвечал бы за смысл языка или за смысл амулета, — все общество в целом приписывает им смыслы, которые затем должна выявлять наука»⁶⁴. Хотя, конечно, взаимосвязи герменевтической традиции и отдельных теоретических воззрений представителей дискурсивного подхода могут представлять отдельный исследовательский интерес⁶⁵.

Во-вторых, разговорный анализ (в поле зрения которого повседневная разговорная речь, выстраиваемая “по ходу действия”) не стоит путать с тем, что делают собственно дискурсивные лингвисты. Принципиальное отличие (хотя нельзя не признать, что в англо-американской социолингвистике нередко оба термина используются как синонимы) заключается в том, что представители первого при анализе разговоров отказываются от обращения к неким более общим социальным структурам, если последние не актуализированы в изучаемых фрагментах речи. Различные механизмы, приемы, процедуры и правила, структурирующие живую речь, воспринимаются не абстрактно и формально, а как конкретные действия, совершаемые в конкретных условиях и направленные на решение определенных задач. Тем самым эти правила носят “феноменологический характер, поскольку указывают на задачи, рутинно решаемые в ходе работы разговора, а не на условия возникновения порядка”⁶⁶.

Конечно, выделенные шесть “интеллектуальных традиций” не могут описать все сформировавшееся за последние 50 лет поле

⁶⁴ Зенкин С.Н. Работы о теории. М., 2012. С. 17.

⁶⁵ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб., 2013. С. 8–28; Kogler H. The power of dialog. Critical hermeneutics after Gadamer and Foucault. Cambridge; Massachusetts; L., 1999. P. 195–215.

⁶⁶ Корбут А.М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 133.

дискурсивных исследований в политологии, однако они составляют ту базу, на которой оно развивалось. Ведь что значит изучать “нейтральность” языка? Можно обратить внимание на логические структуры языка (аналитическая философия) или на “картины мира”, заложенные в естественный язык (“немецкая” школа). “Наследники” формализма добавляют формальные структуры текстов-нарративов (а поскольку мы не можем не создавать нарративы, то все наше знание обречено на зависимость от “литературности”), а структуралисты обратят внимание еще и на динамику по линии “язык/речь” или же на инвариантные структуры. Представители семиотики предложат собственный метаязык для корректного описания наблюдаемых явлений, а социальные конструктивисты, вышедшие из феноменологии, укажут на конструирующую роль языка как процесса intersubjectивного взаимодействия и порождения социальных (включая политические) связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009.
- Алпатов В.М.* Соссюр и мировая наука // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2007. С. 12–27.
- Барт Р.* Мифологии. М., 2014.
- Берк П.* Что такое культуральная история? М., 2015.
- Бернацкая А.А.* Эколингвистика и “критика языка” // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.
- Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005.
- Бондарев А.П.* Фердинанд де Соссюр и некоторые вопросы теории литературы // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2007. С. 116–135.
- Бугайский М.* Язык коммуникации. Харьков, 2010.
- Бурцев В.А.* Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10. С. 9–16.
- Вахштайн В.С.* Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 5–9.
- Вдовиченко А.В.* Расставание с “языком”: критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008.
- Вен П.* Фуко. Его мысль и личность. СПб., 2013.
- Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 124–136.

- Греймас А.* Размышления об актантных моделях // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 152–170.
- Дейк Т.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
- Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014.
- Зенкин С.Н.* Работы о теории. М., 2012.
- Зенкин С.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. М., 2014. С. 23–29.
- Ильин М.В.* Перспективы политического дискурс-анализа в России // Дискурс-Пи. 2006. № 1. С. 93–96.
- Ильин М.В., Фомин И.В.* И смысл, и вера. Семиотика в пространстве современной науки // Политическая наука. 2016. № 3. С. 30–46.
- Коломиец С.В., Каменева В.А.* Дискурс прессы и рекламы как дискурс власти (гендерный аспект). Кемерово, 2012.
- Корбут А.М.* Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2014.
- Косиков Г.К.* От структурализма к постструктурализму: проблемы методологии. М., 1998.
- Кузнецов В.Г.* Парижская и Женевская ветви учеников и последователей Ф. де Соссюра // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2007. С. 28–65.
- Кэмерон Д.* Разговорный дискурс. Харьков, 2015.
- Ларионова М.В.* Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? М., 2015.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.
- Левченко Я.* Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2006.
- Макеева Л.Ю.* Язык, онтология и реализм. М., 2011.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М., 2012. С. 5–16.
- Марченко Т.В.* Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в политическом дискурсе. Ставрополь, 2014.
- Маслова В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 43–47.
- Михалева О.Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
- Мусихин Г.И.* “Блеск и нищета” политических ритуалов // Полития. 2015. № 2. С. 98–109.

Нойманн И. Использование “другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2012.

Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. 2004. № 2. С. 93–105.

Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. С. 27–36.

Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.

Поцелуев С.П. “Символическая политика”: к истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М., 2012. С. 17–53.

Пропп В.Я. Морфология “волшебной” сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 184–196.

Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х гг. М., 2016.

Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М., 2013.

Серио П. Как читают тексты во Франции? // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12–53.

Серио П. От прозрачности к непрозрачности в советском политическом дискурсе // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2015. С. 609–636.

Силичев Д.А. Ф. де Соссюр и современная философия // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2007. С. 84–115.

Соболева М.Е. Философия как “критика языка” в Германии. СПб., 2005.

Том Ф. Описание новояза // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2015. С. 637–658.

Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М., 2015.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Уч. пособ. М., 2012.

Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. М., 2010.

Юрчак А. “Это было навсегда пока не кончилось”. Последнее советское поколение. М., 2016.

Янг Дж. Тоталитарный язык // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2015. С. 659–715.

REFERENCES

Alker H. Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. Cambridge, 1996.

Alpatov V.M. Sossjur i mirovaja nauka – Ferdinand de Sossjur i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sb. st. [Saussure and world science – Ferdinand de Sau-

ssure and modern humanitarian knowledge: Sat. Art] / Otv. red. V.G. Kuznecov. M., 2007. S. 12–27 (in Russian).

Avtonomova N. Otkrytaja struktura: Jakobson – Bahtin – Lotman – Gasparov [Open structure: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. M., 2009 (in Russian).

Bart R. Mifologii [Mythology]. M., 2014 (in Russian).

Berk P. Chto takoe kul'tural'naja istorija? [What is the cultural history?]. M., 2015 (in Russian).

Bernackaja A.A. Jekolingvistika i “kritikajazyka” [Ecolinguistics and “criticism of the language”] // Jekologijazyka i kommunikativnaja praktika. 2014. N 2. S. 15–31 (in Russian).

Birjukov N.I., Sergeev V.M. Stanovlenie institutov predstavitel'noj vlasti v sovremennoj Rossii [Formation of institutions of representative power in modern Russia]. M., 2004 (in Russian).

Bljaher L.E. Nestabil'nye social'nye sostojanija [Unstable social conditions]. M., 2005 (in Russian).

Bondarev A.P. Ferdinand de Sossjur i nekotorye voprosy teorii literatury [Ferdinand de Saussure and some questions of the theory of literature] // Ferdinand de Sossjur i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sb. st. / Otv. red. V.G. Kuznecov. M., 2007. S. 116–135 (in Russian).

Bugajskij M. Jazyk kommunikacii [The language of communication]. Har'kov, 2010 (in Russian).

Burcev V.A. Diskursivnaja formacija kak edinica analiza diskursa [Discursive formation as a unit of discourse analysis] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2008. N. 10. S. 9–16 (in Russian).

Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika. Uchbnoe posobie [Political Linguistics: Uch. Help.]. M., 2012 (in Russian).

Dejk T. Diskurs i vlast'. Rerezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii [Discourse and Power. Representation of dominance in language and communication]. M., 2013 (in Russian).

Dijk T. Discourse studies and hermeneutics // Discourse Studies. 2011. Vol. 13. N 5. P. 609–621.

Dzhejmison F. Marksizm I interpretacija kul'tury [Marxism and the interpretation of culture]. M.; Ekaterinburg, 2014 (in Russian).

Fairclough N. Language and neo-liberalism // Discourse and society. 2000. Vol. 11 (2).

Fairclough N. Language and power. Edinburgh, 1996.

Fuko M. Arheologija znanija [Archeology of knowledge]. Kiev, 1996 (in Russian).

Gijomu Zh., Mal'did'e D. O novyh priemah interpretacii, ili problema smysla s tochki zrenija analiza diskursa [On new methods of interpretation, or the problem of meaning from the point of view of analyzing discourse] // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. M., 1999. S. 124–136 (in Russian).

Grejmas A. Razmyshlenija ob aktantnyh modeljah [Reflections on Actant Models] // Francuzskaja semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. M., 2000. S. 152–170 (in Russian).

Hacking I. Why does language matter to philosophy? Cambridge, 1988.

Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. N 1. P. 1–30.

Il'in M.V. Perspektivy politicheskogo diskurs-analiza v Rossii [Perspectives of political discourse analysis in Russia] // Diskurs-Pi. 2006. N 1. S. 93–96 (in Russian).

Il'in M.V., Fomin I.V. I smysl, i vera. Semiotika v prostranstve sovremennoj nauki [And the meaning, and faith. Semiotics in the Space of Modern Science] // Politicheskaja nauka. 2016. N 3. S. 30–46 (in Russian).

Jang Dzh. Totalitarnyj jazyk [Totalitarian Language] // Sociolingvistika I sociologija jazyka. Hrestomatija. T. 2. / Otv. red. N.B. Vahtin. SPb., 2015. S. 659–715 (in Russian).

Jenaff M. Klod Levi-Stross i strukturnaja antropologija [Claude Levi-Strauss and structural anthropology]. M., 2010 (in Russian).

Jurchak A. “Jeto bylo navsegda poka ne konchilos”. Poslednee sovetskoe pokolenie [“It was forever not over yet”. The last Soviet generation]. M., 2016 (in Russian).

Kjemeron D. Razgovornyj diskurs [Spoken discourse]. Har'kov, 2015 (in Russian).

Kolomic S.V., Kameneva V.A. Diskurs pressy I reklamy kak diskurs vlasti (gendernyj aspekt) [Discourse of the press and advertising as a discourse of power (gender aspect)]. Kemerovo, 2012 (in Russian).

Kogler H. The power of dialog. Critical hermeneutics after Gadamer and Foucault. Cambridge; Massachusetts; L., 1999.

Korbut A.M. Govorite po ocheredi: netehnicheskoe vvedenie v konversacionny janaliz [Speak one by one: non-technical introduction to the conversation analysis] // Sociologicheskoe obozrenie. 2015. T. 14. N 1. S. 120–141 (in Russian).

Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. M., 2014 (in Russian).

Kosikov G.K. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu: problem metodologii [From structuralism to poststructuralism: the problems of methodology]. M., 1998 (in Russian).

Kuznecov V.G. Parizhskaja i Zhenevskaja vetvi uchenikov i nasledovatelej F. de Sossjura [The Paris and Geneva branches of students and followers of F. de Saussure] // Ferdinand de Sossjur I sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sb. st. / Otv. red. V.G. Kuznecov. M., 2007. S. 28–65 (in Russian).

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // Sociolinguistics. The Essential Reading / Ed. by Ch. Paulston, G. Tucker. Oxford, 2006. P. 74–104.

Larionova M.V. Ispanskij gazetno-publicisticheskij diskurs: iskusstvo informacii ili masterstvo manipuljacii? [Spanish newspaper and journalistic discourse: the art of information or the skill of manipulation?]. M., 2015 (in Russian).

Levchenko Ja. Drugaja nauka. Russkie formalisty v poiskah biografii [Another science. Russian formalists in search of a biography]. M., 2012 (in Russian).

Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija [Structural anthropology]. M., 2001 (in Russian).

Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]. M., 2006 (in Russian).

Makeeva L.Ju. Jazyk, ontologija i realizm [Language, ontology and realism]. M., 2011 (in Russian).

Malinova O.Ju. Simvolicheseskaja politika: kontury problemnogo polja [Symbolic politics: contours of the problem field] // Simvolicheseskaja politika: Sb. nauch. tr. Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs / Otv. red. O.Ju. Malinova. M., 2012. S. 5–16 (in Russian).

Marchart O. Post-foundational political thought. Edinburgh, 2007.

Marchenko T.V. Manipuljativnyj potencial intertekstual'nyh vključenij v politicheskom diskurse [Manipulative potential of intertextual inclusions in political discourse]. Stavropol', 2014 (in Russian).

Maslova V.A. Politicheskij diskurs: jazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language games or word games?] // Politicheskaja lingvistika. 2008. N 24. S. 43–47 (in Russian).

Mihaleva O.L. Politicheskij diskurs. Specifika manipuljativnogo vozdejstvija [Political discourse. Specificity of manipulative influence]. M., 2009 (in Russian).

Morozov V.E. Rossija i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshhestva [Russia and Others: the identity and boundaries of political co-society]. M., 2009 (in Russian).

Musihin G.I. “Blesk i nishheta” politicheskikh ritualov [“Shine and poverty” of political rituals] // Politija. 2015. N 2. S. 98–109 (in Russian).

Nojmann I. Ispol'zovanie “drugogo”. Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej [The use of “another”. Images of the East in the formation of European identities]. M., 2004 (in Russian).

Parshina O.N. Rossijskaja politicheskaja rech' [Russian political speech]. M., 2012 (in Russian).

Pecherskaja N.V. Znat' ili nazyvaj': metafora kak kognitivnyj resurs social'nogo znanija [To know or call: metaphor as a cognitive resource of social knowledge] // Polis. 2004. N 2. S. 93–105 (in Russian).

Poceluev S.P. “Simvolicheseskaja politika”: k istorii koncepta [“Symbolic politics”: to the history of the concept] // Simvolicheseskaja politika: Sb. nauch. tr. Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs / Otv. red. O.Ju. Malinova. M., 2012. S. 17–53 (in Russian).

Poseljagin N. Antropologicheskij povorot v rossijskikh gumanitarnyh naukah [Anthropological Turn in the Russian Humanities] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. N 1. S. 27–36 (in Russian).

Potapova N.D. Lingvisticheskij povorot v istoriografii [Linguistic turn in historiography]. SPb., 2015 (in Russian).

Propp V.Ja. Morfologija “volshebnoj” skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of the “fairy tale”. Historical roots of a fairy tale]. M., 1998 (in Russian).

Roben R. Analiz diskursa na styke lingvistiki i gumanitarnyh nauk: vechnoe nedorazumenie [Analysis of discourse at the junction of linguistics and the humanities: an eternal misunderstanding] // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. M., 1999. S. 184–196 (in Russian).

Russkaja intellektual'naja revoljucija 1910–1930-h gg. [Russian intellectual revolution of 1910–1930-s.]. M., 2016 (in Russian).

Sergeev V.M. Narodovlastie na sluzhbe jelit [Democracy in the service of elites]. M., 2013 (in Russian).

Serio P. Kak chitajut teksty vo Francii? [How are the texts read in France?] // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. M., 1999. S. 12–53 (in Russian).

Serio P. Ot prozrachnosti k neprozrachnosti v sovetskom politicheskom diskurse [From Transparency to Opacity in Soviet Political Discourse] // Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija. T. 2. / Otv. red. N.B. Vahtin. SPb., 2015. S. 609–636 (in Russian).

Shapiro I. Begstvo ot real'nosti v gumanitarnyh naukah [Flight from reality in the humanities]. M., 2011 (in Russian).

Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [The semiotics of political discourse]. M., 2004 (in Russian).

Silichev D.A. F. de Sossjur i sovremennaja filosofija [F. de Saussure and modern philosophy] // Ferdinand de Sossjur i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sb. st. / Otv. red. V.G. Kuznecov. M., 2007. S. 84–115 (in Russian).

Skinner Q. Visions of politics. Vol 1. Regarding method. Cambridge, 2002.

Soboleva M.E. Filosofija kak “kritika jazyka” v Germanii [Philosophy as a “criticism of the language” in Germany]. SPb., 2005 (in Russian).

Tom F. Opisanie novojaza [Description of the newsletter] // Sociolingvistika I sociologija jazyka. Hrestomatija. T. 2. / Otv. red. N.B. Vahtin. SPb., 2015. S. 637–658 (in Russian).

Ujest D. Kontinental'naja filosofija. Vvedenie [Continental Philosophy. Introduction]. M., 2015 (in Russian).

Vahshtajn V.S. Kur'ezy i paradoksy fenomenologicheskoy intervencii [Curiosities and paradoxes of phenomenological intervention] // Sociologija vlasti. 2014. N 1. S. 5–9 (in Russian).

Vdovichenko A.V. Rasstavanie s “jazыkom”: kriticheskaja retrospektiva lingvističeskogo znanija [Parting with the “language”: a critical retrospective of linguistic knowledge]. M., 2008 (in Russian).

Ven P. Fuko. Ego mysl' i lichnost' [Foucault. His thought and personality]. SPb., 2013 (in Russian).

Zenkin S.N. Raboty o teorii [Work on the theory]. M., 2012 (in Russian).

Zenkin S. Rolan Bart – teoretik i praktik mifologii [Roland Bart – theorist and practitioner of mythology] // Bart R. Mifologii. M., 2014. S. 23–29 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-98-106

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ЯЗЫКОВЫХ ИДЕОЛОГИЙ (на примере английского языка)

М.Г. Кочетова, канд. филол. наук, доц., зав. кафедрой английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 13–14 (IV гуманитарный корпус), Москва, Россия, 119991*

Одним из ключевых проявлений сущности человека и его места в обществе является язык, форма существования которого и траектория развития определяются, среди прочего, характером социально-политических отношений в обществе его носителей. В статье в сравнительном плане рассматриваются социокультурные особенности функционирования английского языка на территории двух его крупнейших центров — Великобритании и США. Показано, что в этих странах понятие (устной) языковой нормы и оценка степени нормативности речи носителями языка различаются. Это определяется культурно-историческими событиями, ставшими основой для формирования общественно-политических настроений в обществе и получившими отражение в языке. Различия заключаются не столько в лингвистических характеристиках речевой нормы/“образца” в этих странах, сколько в степени ее общественной значимости и характере ее социальной маркированности.

В Великобритании языковая иерархия построена по принципу классовых различий внутри самого британского общества, где речевой стандарт характеризует речь элит. В США же она основана на национальных и расовых предубеждениях и является следствием проводимой на протяжении многих десятилетий дискриминационной политики государства в области языка, направленной на укрепление роли стандартного английского языка как языка европеоидного большинства.

Политические и культурно-исторические факторы, а также обособленное развитие английского языка в этих странах послужили основой для установления языковых идеологий и формирования общественно-политических настроений, разделяющих людей по расовому (в США) или классовому (в Великобритании) принципу. Ковертный престиж языкового стандарта стал основой для устойчивости английского языка к влиянию на него других языков и культур.

Ключевые слова: английский язык, общество, языковая политика, социально-культурный, идеология, Великобритания, США.

* Кочетова Мария Германовна, e-mail: mkochetova@yahoo.com

SOCIAL AND CULTURAL BASES FOR LANGUAGE IDEOLOGIES (on the example of English language)

Kochetova Mariya G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the English language for the Humanities Faculties, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1, building 13–14 (IV humanitarian building), Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: mkochetova@yahoo.com

Language is a basic manifestation of human being and his/her place in society. The form of language existence and trajectory of its development are influenced (among other things) by the nature of socio-political relations among its native speakers. The article discusses social and linguistic features of the English language functioning on the territory of two major centers of English – USA and Great Britain (compared). It shows that perception of the speech Norm and the degree of deviation from it differ in these countries. This fact is the result of cultural and historical events which underlie the formation of socio-political attitudes and influence the language. The difference is not only in linguistic characteristics of the language Norm/Standard in these countries but also in the character of its social markedness.

In Britain language hierarchy is based on class division of British society where Standard English is characteristic of High class. In USA it is based on national or racial prejudice and is the result of long-standing discriminating language policy which is aimed at strengthening the role of Standard English as the language of Caucasian majority.

Political, historical and cultural factors along with autonomy of language development in these countries underlie language ideologies and socio-political attitudes that divide people on the basis of race (USA) or class (Great Britain). Covert prestige of language standard gave rise to resistance of Standard English to the influence from the outside.

Key words: *English, society, language policy, social and cultural, ideology, Great Britain, USA.*

Несмотря на провозглашенное равенство людей, мнений и способов выражения, человек как существо социальное всегда будет ориентировать себя в обществе относительно его (общества) ожиданий. Он станет сравнивать себя с другими людьми, поскольку способность человека к сравнению – это его врожденное свойство. Также он станет оценивать окружающих себя людей во всех их проявлениях относительно собственных понятий о порядке вещей в природе и общественных отношениях.

Во всех современных обществах перед их членами стоит вопрос подчинения тому или иному заведенному порядку, соответствия принятым нормам поведения и языкового выражения. Одним из ключевых проявлений сущности человека и его места в обществе является его язык. Язык – это не только зеркало человеческой

души, но и отражение/отображение его личных качеств, образования, культуры, а также его социально-экономического положения¹. А поскольку человеческий язык неотделим от социума, то область существования языка и траектория его развития зачастую определяются не только и не столько внутренними естественными языковыми мотивами, сколько характером социально-политических отношений в обществе его носителей.

При всем своем кажущемся единообразии английский язык в статусе национального живет, функционирует и развивается, подчиняясь тем социолингвистическим канонам, которые были заложены в конкретном обществе его носителей. А поскольку любое общество проходит определенный, собственный, путь развития, то именно культурно-исторические события/факторы определяют то, в какой форме / в каком виде, в какой общественно-политической “обертке”, будет существовать язык, и какая социолингвистическая основа подготовлена для его функционирования и дальнейшего развития.

В современном развитом обществе о человеке судят не столько по его фенотипическим признакам, не столько по тому, что он говорит, сколько потому как он это говорит: насколько богат его речевой запас, насколько грамотно построены слова в предложении, как произносятся звуки и насколько красива и понятна его речь. При этом эстетическая составляющая языка занимает одно из центральных мест и невольно оценивается собеседником². Речь должна быть понятна и приятна слушателю — этим и определяется степень ее стигматизированности и, как следствие, оценка ее значимости со стороны слушателя или собеседника. Во многом поэтому подавляющее большинство современных людей, занимающих высокое общественно-экономическое положение, стремятся привести свою речь в соответствие с принятыми языковыми нормами.

Попробуем определить, что представляет собой норма английского языка. Большинство ученых-лингвистов сходятся во мнении, что языковой стандарт (некая отправная точка для оценки степени девиантности речевых вариантов) — это общепризнанная система лексических и грамматических норм, признаваемая престижной с социально-экономической точки зрения, которая может быть реализована внутри любой фонологической системы, любым на-

¹ *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Уч. пособ. М., 2000. С. 134.

² *Кочетова М.Г.* Социально-культурный аспект лингвистической вариативности: взгляд изнутри // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 198; *Trudgill P.* Introducing language and society. L., 1992. P. 44.

бором фонетических средств³. Однако на деле получается, что в англоязычных странах эта теория расходится с действительным положением вещей.

На территории двух крупнейших центров английского языка — Великобритании и США — понятие (устной) языковой нормы и, как следствие существования этого понятия, оценки степени нормативности речи носителями языка разнятся. Там всегда существовали и до сих пор существуют речевые стандарты — “референсные” диалекты, включающие в себя, среди прочего, и фонетический компонент. В Британии, например, *Received Pronunciation* (RP) до сих пор рассматривается широкой общественностью, включая профессиональных лингвистов, как акцент стандартного английского языка. На территории Соединенных Штатов “безакцентной” считается речь носителей диалектов обширных районов Среднего Запада — произношение, признаваемое повсеместно как не имеющее ни расовой, ни национальной окраски⁴.

Если сравнить эти два образца речи, “стандарта”, RP и средне-западный диалект, то становится очевидным тот факт, что в социолингвистическом плане они значительно различаются. И различие заключается не столько в их лингвистических характеристиках, сколько в степени их общественной значимости и характере их социальной маркированности.

RP, в отличие от акцента Среднего Запада США, никогда не был распространенным акцентом речи. Во все времена он являлся признаком принадлежности к “рафинированным”, высшим, слоям британского общества. Иными словами, стандартный акцент в Великобритании является акцентом речи элит; он имеет собственные четко прописанные правила и сформированные культурно-исторические корни. Речевой же стандарт США, наоборот, представляет собой некоторый “нейтральный” стиль речи, лишенный каких-либо отличительных социально-лингвистических черт.

Различия проявляются и на уровне отношения общества этих двух стран к так называемому “образцу речи”. В то время как в Великобритании стигматизированной считается речь представителей рабочего класса, — например, лондонский, ливерпульский или бирмингемский диалект, — в США ситуация совсем иная. Наиболее стигматизированной и социально маркированной является речь иммигрантов из стран Азии и Латинской Америки.

³ *Crystal D.* A little book of language. Sydney, 2010. P. 67–68; *Holmes J.* An introduction to sociolinguistics. L., 1992. P. 83.

⁴ *Preston D.* Where the worst English is spoken // Focus on the USA / Ed. by E.W. Schneider. Amsterdam, 1996. P. 297–361; *Wolfram W.* Dialects and American English. Washington, 1991. P. 210.

Этому есть вполне логичное объяснение. Поскольку исторически развитие английского языка на территории этих государств происходило несколько обособленно, именно исторические события стали основой для формирования общественно-политических настроений в обществе, получивших отражение в языке.

Парадоксальная ситуация, сложившаяся в настоящее время в США, стране иммигрантов, которая характеризуется сниженной толерантностью к новым “приезжим” – иммигрантам из других стран, уходит корнями глубоко в историю страны и в историю переселения народов на североамериканский континент. Вплоть до XIX в. многоязычие в Северной Америке воспринималось обществом как данность. Иного и не могло быть. Прежде всего, два основных языка колонизаторов – испанский на юге и французский на востоке – изначально существовали наравне с английским языком⁵. Однако серия культурно-исторических событий, произошедших в XIX в., привела к установлению официальной гегемонии английского языка на государственном уровне и в значительной степени оказала влияние на умы граждан страны⁶. Национальный вопрос вышел за границы политического поля и, будучи навязан “сверху”, проник глубоко в американское общество.

“Золотая лихорадка”, аннексия части территорий, принадлежащих Мексике, и долгие годы чернокожего рабства вызвали волну ксенофобии и породили множество конфликтов, имеющих в своей основе национально-культурные различия. Начавшаяся в позапрошлом веке дискриминация по расовому и национальному признакам привела к расслоению американского общества и установлению на территории США главенства стандартного английского языка над его социальными диалектами⁷.

Поскольку в современном американском обществе европейское происхождение кого-либо или чего-либо традиционно ассоциируется с принадлежностью к более высоким социальным слоям, английская речь европейцев, в том числе выходцев из стран Восточной Европы, не получает отрицательной оценки. Наоборот, как показывает личный опыт автора статьи при общении с американцами во время учебы и работы в США, европейское произношение вкупе

⁵ *McDavid R.I.* The influence of French on Southern American English // *Studies in linguistics*. 1948. N 6. P. 39–43.

⁶ *Reed C.E.* *Dialects of American English*. Boston, 1967. P. 17–18, 41–43; *Miller W.* *A history of the United States*. N.Y., 1958. P. 184.

⁷ *Horton S.* Language attitudes in the United States: an analysis of the English-Only movement and bilingual education // *Chrestomathy: Annual review of Undergraduate Research, School of Humanities and Social Sciences, College of Charleston*. 2005. Vol. 4. P. 124–145.

с европейским происхождением зачастую вызывает у американцев внутреннее одобрение как самого говорящего, так и того, что именно он говорит. Ковертный престиж “европейского всего” на территории США очевиден. В противоположность этому, речь выходцев из других стран – главным образом, Африки, Азии и Латинской Америки – считается стигматизированной и получает (негласную) отрицательную оценку в обществе.

Гегемония “языкового стандарта” в Британии, в отличие от Соединенных Штатов Америки, имеет несколько иную природу. Языковая иерархия там построена по принципу классовых различий внутри самого британского общества⁸. Высшие его слои традиционно используют в своей речи стандарт английского языка, в то время как менее образованные слои – жители промышленных и сельских районов – диалекты⁹.

Получается, что социолингвистика устных норм современного английского языка в Британии сводится к стигматизированности диалектов, основанных на классовых различиях, а в Америке – на национально-культурных и расовых предрассудках в обществе.

Языковая политика этих двух стран – Великобритании и США – тоже различна. Наглядным примером этого могут служить многочисленные попытки американских президентов установить главенство и даже монополию английского языка и культуры. Так, Теодор Рузвельт во время очередной “волны” массовой иммиграции начала XX в. говорил, что Америка – это не многоязычный пансион. Он был убежден, что в ней есть место для существования только одного языка – английского и одной культуры – американской¹⁰.

Предвыборная риторика президента США Дональда Трампа относительно выходцев из Мексики и азиатских стран и их негативной роли для Соединенных Штатов также подтверждает официальную позицию властей страны в национальном вопросе и во многом способствует формированию соответствующих настроений в обществе. В газете “The Guardian” опубликован полный текст его указа от 27 января 2017 г. относительно грядущей политики США в области иммиграции “Protecting the nation from foreign terrorist entry into the United States” (“Donald Trump’s executive order

⁸ Honey J. Does accent matter? The Pygmalion factor. L., 1989. P. 209.

⁹ Fisher J.L. Social influences on the choice of linguistic variant // Word. 1958. N 14. P. 47–56; Kroch A. Towards a theory of social dialect variation // Language and society. 1978. N 3. P. 17–36.

¹⁰ Crawford J.R. Language loyalties: a source book on the official English Controversy. Chicago, 1992. P.100.

on immigration”)¹¹. Мотивируя свой указ необходимостью защитить страну от возможных террористических угроз, Д. Трамп планирует значительно сократить поток иммигрантов в страну¹². А поскольку одним из самых заметных отличительных признаков иммигрантов является их речь, президент США невольно способствует развитию в стране национальной нетерпимости и дискриминирующей идеологии в области языка.

Некоторые попытки популяризации вопросов толерантности и национального многообразия были предприняты президентом США Бараком Обамой, первым в истории Соединенных Штатов афроамериканским, по происхождению, президентом. В своей инаугурационной речи среди прочего он сказал, что американцы образованы и наполнены языками и культурами со всех концов Света: “We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth” / “Мы образованы всеми языками и культурами, приехали со всех концов Земли” (перевод автора статьи)¹³. Однако эти попытки ограничились, главным образом, предвыборной риторикой и не имели каких-либо долгосрочных или законодательных перспектив. Популизм американского президента был адресован этническому меньшинству, которое, в целом, не оказывает какого-либо влияния на официальную позицию властей страны. Однако за громкими словами Б. Обамы по-прежнему стоит неизменная языковая политика США, направленная на укрепление роли стандартного английского языка как языка европеоидного большинства, формирующего социально-лингвистический климат в стране и общественно-политические настроения граждан.

Великобритания, в отличие от США, никогда не проводила и не пропагандировала дискриминирующую политику в национальной (расовой) сфере или в области языка. Возможно, именно в силу того, что эта страна не является страной иммигрантов, а те приезжие, которые живут там и работают на благо страны, являются негласными “гостями” британцев, их речь и национальная принадлежность не вызывают отрицательных эмоций ни со стороны властей, ни со стороны рядовых граждан страны.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что социально-лингвистические настроения в обществе являются исторически

¹¹ <http://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/27/donald-trump-executive-order-immigration-full-text> (accessed: 09.02.2017).

¹² *Iyengar R.* Read Donald Trump’s speech on immigration // Time. 2016. 01 Sept. URL: <http://time.com/4475349/Donald-trumps-speech-immigration-transcript/> (accessed: 09.02.2017).

¹³ http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/obama_inauguration/7840646.stm (accessed: 03.05.2017).

детерминированными и могут определяться как культурой страны и ее традициями (в случае Британии), так и официальной политической властей в социально-экономической сфере (в случае США). Политические и культурно-исторические факторы, а также обособленное развитие английского языка в этих странах послужили основой для установления языковых идеологий и формирования общественно-политических настроений, разделяющих людей по расовому (в США) или классовому (в Великобритании) принципу. Но и в том и в другом случае неоспоримым остается факт ковертного престижа и главенства стандартного английского языка над его диалектными формами или любыми другими иностранными языками. Этот “престиж” способствует сохранению и поддержанию нормативности современного английского языка на территории США и Великобритании, нивелируя влияние на него других языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кочетова М.Г. Социально-культурный аспект лингвистической вариативности: взгляд изнутри // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. DOI: <http://dx.doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-192-200>

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Уч. пособ. М., 2000.

REFERENCES

Crowford J.R. Language loyalties: a source book on the official English Controversy. Chicago, 1992.

Crystal D. A little book of language. Sydney, 2010.

Fisher J.L. Social influences on the choice of linguistic variant // Word. 1958. N 14. P. 47–56.

Holmes J. An introduction to sociolinguistics. L., 1992.

Honey J. Does accent matter? The Pygmalion factor. L., 1989.

Horton S. Language attitudes in the United States: an analysis of the English-Only movement and bilingual education // Chrestomathy: Annual Review of Undergraduate Research, School of Humanities and Social Sciences, College of Charleston. 2005. Vol. 4. P. 124–145.

http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/obama_inauguration/7840646.stm (accessed: 03.05.2017).

<http://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/27/donald-trump-executive-order-immigration-full-text> (accessed: 09.02.2017).

Iyengar R. Read Donald Trump’s speech on immigration // Time. 2016. 01 Sept. URL: <http://time.com/4475349/Donald-trumps-speech-immigration-transcript/> (accessed: 09.02.2017).

Kochetova M.G. Sotsial'no-kul'turnij aspekt lingvističeskoj variativnosti: vzgljad iznutri [Social and cultural aspects of language variation: view from the inside] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologija i politologija. 2015. N 2. DOI: <http://dx.doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-192-200> (in Russian).

Kroch A. Towards a theory of social dialect variation // Language and society. 1978. P. 17–36.

McDavid R.I. The influence of French on Southern American English // Studies in linguistics. 1948. N 6. P. 39–43.

Miller W. A history of the United States. N.Y., 1958.

Preston D. Where the worst English is spoken // Focus on the USA / Ed. by E.W. Schneider. Amsterdam, 1996.

Reed C.E. Dialects of American English. Boston, 1967.

Ter-Minasova S.G. Yazik i mezkul'turnaja komunikacija: Uč. posob. [Language and intercultural communication: Tutorial]. M., 2000 (in Russian).

Trudgill P. Introducing language and society. L., 1992.

Wolfram W. Dialects and American English. Washington, 1991.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-107-126

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере городов Восточной Европы)

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

А.Р. Курбанов, канд. полит. наук, доц. кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4., г. Москва, Россия, 119991**

В статье анализируется процесс трансформации городского пространства, связанный с социально-политическими изменениями и пересмотром культурно-исторической памяти. Город в каждый момент своего существования рассматривается как совокупность “мест памяти”, каждое из которых выполняет свою роль в общем символическом ансамбле. Развитие городов находится в очень тесной взаимосвязи с трансформациями социально-политических режимов. Любые социально-политические изменения находят свое выражение в создании новых “мест памяти” в городском пространстве и разрушении старых. Особенно очевидной эта взаимосвязь становится при рассмотрении истории и современности городов, выполняющих столичные функции. Столицы традиционно имеют максимальную символическую нагрузку. На примере развития Москвы в советский период демонстрируется, как архитектурные решения и городское пространство в целом становятся средствами выражения новой социалистической идеологии. Советская власть стремилась утвердить свои ценности и приоритеты всеми способами, одним из которых стал новый облик коммунистической Москвы. Демонтаж советского режима стал очередным этапом развития городского пространства. В статье делается вывод о том, что распад социалистического лагеря кардинально изменил облик городов Восточной Европы.

Ключевые слова: социология города, пространство, “места памяти”, символическое наследие городов, Москва, столицы.

SOCIAL AND POLITICAL CHANGES AND THE TRANSFORMATION OF URBAN SPACE (the case of Eastern Europe)

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

** Курбанов Артемий Рустямович, e-mail: ark112@yandex.ru

Kurbanov Artemiy R., PhD, Associate Professor, Department of philosophy of education, Faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Avenue, 27, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ark112@yandex.ru

The article analyses the relationship between socio-political changes and transformation of urban space, which is a revision of the cultural and historical memory. City at every moment of its existence, considered as a set of “places of memory”, each of which performs its role in a symbolic ensemble. Urban development is in very close connection with the transformations of political regimes. Any socio-political changes reflected in the creation of new “places of memory” in urban space and the destruction of the old. Especially clearly this relationship becomes obvious when considering the history and present of cities that perform Metropolitan functions. Capital traditionally has a maximum symbolic value. For example, the development of Moscow in the Soviet period demonstrates how architectural solutions and urban space as a whole became means of expression of the new socialist ideology. The Soviet government sought to establish its values and priorities in all ways, one of which was the new face of Communist Moscow. The dismantling of the Soviet regime became the next stage in the development of urban space. The article concludes that the collapse of the socialism radically changed the face of cities in Eastern Europe.

Key words: urban studies, space, “places of memory”, symbolic legacy of cities, capitals, Moscow, capital cities.

Человек с древнейших времен окружен материальными предметами, которые он создает сам или приспособливает для своих потребностей. Эти предметы становятся значительной частью социального мира. Их перечень начинается с такой самой обыкновенной и привычной утвари, как кровать, стул, посуда для еды и умывания, одежда, инструменты, и продолжается до домов, деревень и городов, улиц, транспорта, кораблей. В каждую вещь человек вкладывает свои представления о целесообразности, удобстве и красоте, т.е. в определенном смысле самого себя. Поэтому предметы показывают человеку его собственное отражение, они напоминают о нем самом, о его прошлом, о его предках и т.д. Предметный мир, в котором живет человек, имеет индикатор времени, который связывает его не только с настоящим, но и с различными периодами прошлого¹.

Исторические события преломляются в общественном сознании и формируют картину представлений о значимых для данной социальной общности фигурах, действиях, датах. Эта картина во многом определяет паттерны восприятия актуального информационного контекста. Для описания коллективных представлений

¹ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. P. 97.

социума о своем прошлом используется концепт исторической памяти². Историческая память проявляется в базовых мировоззренческих установках и может быть выражена в конкретных социальных действиях. Одним из первых исследователей, обратившихся к проблематике исторической памяти, был М. Хальбвакс. Он предложил рассматривать коллективные воспоминания (“коллективную память”) как одно из ключевых условий сохранения и воспроизводства социальной идентичности: группа получает свой автопортрет, который объединяет разные образы прошлого³. Можно предположить, что манифестация исторической памяти становится наиболее выраженной в ситуациях, восприятие которых в общественном сознании входит в резонанс с ее ключевыми элементами. “Узнавание” в событийном контексте знакомых образов актуализирует соответствующие паттерны в индивидуальном и коллективном поведении.

В последней трети XX в. начинаются активные исследования коллективной и культурной памяти, различных их проявлений⁴. Теоретической основой, как правило, являются работы М. Хальбвакса⁵. Изучаются самые разные репрезентации памяти: в литературе, языке, сообщениях средств массовой информации и т.д.⁶ Архитектура является материальным воплощением коллективной памяти. Пространство рассматривается как итог социальной активности и может отражать определенные идеологии. Поэтому политические трансформации часто сопровождаются реконструкцией городов и созданием новых.

Города представляют собой кладовую коллективной памяти. Их изучение является важным для понимания истории цивилизации и прогнозирования ее будущего. Город — точка максимальной концентрации власти и культуры сообщества, где актуализируются и решаются все проблемы цивилизации, форма и символ интегрированных социальных отношений, поскольку именно здесь формируется самосознание общества. Культурная память сохраняется архитектурными стилями, повторением образов, а также постоянно

² Подробнее см.: Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214. С. 203.

³ Halbwachs M. The collective memory. N.Y., 1980. P. 86.

⁴ Confino A. Collective memory and cultural history: problems of method // American Historical Review. 1997. Vol. 105. N 2. P. 1386–1403.

⁵ Halbwachs M. Op. cit.

⁶ Echterhoff G., Higgins T., Kopietz R., Groll S. How communication goals determine when audience tuning biases memory // Journal of Experimental Psychology: General. 2008. Vol. 137. N 1. P. 3–21.

и периодически воспроизводимыми социальными практиками⁷. Города — хранители истории и культуры, поскольку каждое из строений отражает идеи своей эпохи. В городах “время становится видимым”⁸, поэтому они, по мнению Л. Мамфорда, являются прекрасным наглядным пособием для изучения истории культуры. Л. Мамфорд называет города музеями, указывая на тот факт, что они являются материализацией памяти об истории развития цивилизации и позволяют понять актуальные проблемы современности. Л. Мамфорд, как и многие другие ученые, разделял точку зрения о том, что мы систематически пытаемся реконструировать настоящее из прошлого и представить само настоящее как историю.

В данной статье анализируется символическое наследие городов, способствующее формированию определенной коллективной памяти. Пространство рассматривается как значимая часть социальной, коллективной и культурной памяти. В создании памяти участвует все, что передает прошлое и предлагает его интерпретации.

Распространенным средством репрезентации прошлого стало городское планирование. Архитектура — это совокупность ансамблей, в которых исторические эпохи накладываются друг на друга в камне, бетоне и асфальте⁹. Города могут рассказать свою историю, потому что многие здания отражают дух своего времени. Следовательно, пространство символически воссоздает разные эпохи, подчеркивая постоянное физическое присутствие многослойного культурного прошлого, которое сохраняется в ландшафте и архитектуре¹⁰. Символами городов в XIII в. были соборы, в XVI в. их заменили дворцы, а в конце XIX в. символами триумфа инженерной мысли стали небоскребы.

Городское пространство является отражением общественных отношений. Согласно А. Лефевру, каждое общество производит свое собственное пространство, поэтому изменение политического режима часто влечет за собой трансформацию общественного пространства¹¹. А. Лефевр считает необходимым выделять две составляющие в любом городе: материальную реальность (*ville*), в том числе и архитектурную, и социальную реальность (*urban*), произведенную в условиях города, включающую в себя отношения между жителями, конструируемую и реконструируемую с помощью их

⁷ Assmann A. Canon and archive // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 100.

⁸ Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970. P. 4.

⁹ Welzer H. Communicative memory // Cultural Memory Studies... P. 287–288.

¹⁰ Neumann B. The literary representation of memory // Cultural Memory Studies... P. 340.

¹¹ Lefebvre H. La production de l'espace. P., 2000. P. 66.

действий и мыслей¹². Социологию, конечно же, в первую очередь интересуют городская жизнь и городское общество, которые можно рассматривать отдельно от материальной базы, как возможности, в том числе, для применения знания и воплощения идей, причем самого разного уровня. Город формируется не только как результат локальных действий и идей местных жителей. Одновременно процесс его конструирования определяется также безличными производственными отношениями и отношениями по поводу собственности, т.е. между классами, классовой борьбой, идеологиями (религиозными, философскими и т.д.), которые выходят за пределы городского уровня функционирования¹³. “Прочитать” город, понять его, можно лишь зная тот язык, систему символов, на основе которых он создавался. А. Лефевр утверждает, что город может быть прочитан, потому что он “пишет”, потому что он “написан”¹⁴.

Культурная память объективируется и хранится в символических формах, которые, в отличие от звуков слов или вида жестов, являются стабильными в пространстве и времени¹⁵. Смена исторических периодов предполагает реконструкцию городского пространства, создаются символы новой эпохи, которые либо соседствуют с прежними, либо их вытесняют. Политические изменения неизбежно приводят к трансформации городского пространства, новая власть старается создать свои “места памяти”, наиболее очевидными и значимыми из которых являются памятники.

Память не только сама подвержена изменениям, она также является мощным средством перемен, преобразования нашего отношения к прошлому, пересмотра прежних систем ценностей и социальных отношений¹⁶. Переход от одного типа общества к другому представляет собой транзитный период, характеристики которого очень сложно зафиксировать, поскольку динамика и трансформация составляют его суть. Вместе с тем, архитектура способна материализовать эту динамику и, подобно покадровой съемке, фиксирует каждый этап изменений. При этом многие явления транзитного периода в процессе своего развития меняются до неузнаваемости. Кроме того, в транзитный период традиции уступают место моде. Как только меняется парадигма, породившая ту или иную архитектуру, последняя мгновенно теряет всякую ценность в глазах окружающих.

¹² *Lefebvre H.* Le droit à la ville. P., 2015. P. 45.

¹³ *Ibid.* P. 53.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Assmann J.* Communicative and cultural memory. P. 110–111.

¹⁶ *Assmann A., Shortt L.* Memory and political change: Introduction // *Memory and Political Change* / Ed. by A. Assmann, L. Shortt. L., 2012. P. 4.

Неизбежным последствием социально-политических изменений, особенно революционных, становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой — к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапунктировать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число. Любая власть нуждается в своих “местах памяти”¹⁷, что и приводит к созданию новых архитектурных сооружений. Вещи не имеют собственной памяти, но они могут напоминать нам, потому что несут воспоминания, которые мы вложили в них¹⁸. Создание новых “мест памяти” часто сопровождается разрушением или утратой прежних. Память легко может стать объектом манипуляции¹⁹. В данной статье рассматривается взаимосвязь социальных и политических изменений с трансформацией городского пространства. Повторим, что города — хранители истории и культуры, и даже отдельные здания отражают дух своего времени. Город анализируется как “место памяти”, обладающее символическими функциями, что особенно характерно для столичных городов. Г. Терборн полагает, что столицы — это особые символические пространства²⁰, архитектурные сооружения которых несут наиболее серьезную смысловую нагрузку, поскольку в их политико-культурном пространстве представители власти традиционно стараются оставить долгую память о себе.

Литература свидетельствует о том, что в России столицу никогда не любили, какой бы город ею ни был: когда главным городом был Санкт-Петербург, Москву называли “матушкой” и “душой”; как только Москва стала политическим центром, Санкт-Петербург превратился в “культурную столицу”²¹. Это распространенный случай, когда столица, которая символизирует власть и государство, вызывает противоречивые чувства. Лондон также никогда

¹⁷ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора. СПб., 1999. С. 26–27.

¹⁸ Assmann J. Communicative and cultural memory. P. 111.

¹⁹ Мартыненко Т.С. Память и забвение как механизмы воспроизводства социального неравенства в современном мире // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 119–121.

²⁰ Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006 // International Review of Sociology. 2006. Vol. 16. N 2. DOI: 10.1080/03906700600708816. P. 210.

²¹ Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М., 2015. Т. 1. С. 25–34.

особо не пользовался особой любовью англичан²², как и российские столицы – любовью жителей России. Но именно столичные города чаще всего становятся полигонами для апробирования архитектурных инноваций.

Некоторые политические лидеры начинают создавать историю с основания новой столицы. Вашингтон, Бразилиа, Канберра, Оттава, Нью-Дели и т.д. являются примерами подобных попыток написать политическую и архитектурную историю с новой страницы. В подобных городах много “мест памяти”. Например, Национальная аллея (National Mall) в Вашингтоне, округ Колумбия, является значимым символическим пространством. В ее основе лежит проект генерального плана застройки будущей столицы Соединенных Штатов Америки, предложенный архитектором Пьером Шарлем Ланфаном (Pierre Charles L'Enfant) в 1790-х гг. П.Ш. Ланфан предусмотрел создание в центре города “Гранд-Авеню” – широкой аллеи, протянувшейся на запад от здания Капитолия. По его замыслу, новый город должен был обладать символической идентичностью, связывающей американскую демократию с великими европейскими столицами²³. Это символическое пространство стало туристической достопримечательностью как для американских, так и для иностранных гостей. В топографическом и символическом контексте здесь соединяются основные здания трех ветвей власти: Белого дома, Капитолия и Верховного суда²⁴.

Основание или преобразование столиц является обычной практикой для нового правительства или нового политического лидера. Многие пытаются оставить память о себе на долгое время, создавая монументальные архитектурные сооружения. Столичные города – это особые города. Это центры национальной политики, культуры и экономики, которые особенно чувствительны к постоянно меняющемуся месту нации в мире²⁵. Столица – олицетворение власти на государственном уровне – опирается на целую совокупность традиций и символов и отражает могущество государства как внутри него самого, так и за его пределами.

Санкт-Петербург был новой столицей Российской империи. Этот город изначально строился первым российским императором Петром I как столичный, его план был четко выверен. Санкт-

²² *Simmel G.* The metropolis and mental life // *Simmel: On Individuality and Social Forms (Heritage of Sociology Series)* / Ed. by D.N. Levine. Chicago, 1971. P. 328.

²³ *Berg S.W.* Grand Avenues: the story of Pierre Charles L'Enfant, the French visionary who designed Washington, D.C. N.Y., 2008.

²⁴ *Hebel U.J.* Sites of memory in U.S.-American Histories and Cultures // *Cultural Memory Studies...* P. 55.

²⁵ *Therborn G.* Op. cit. P. 210.

Петербург должен был отражать могущество и богатство новой империи, покорявшей новые территории и наносившей поражения врагам. Г. Терборн считает, что на архитектуру города оказало серьезное влияние то, что он был основан и строился в самый разгар Северной войны: датой основания города считается 16 мая 1703 г., т.е. больше, чем за год до успешной осады Нарвы, когда впервые ясно обозначились успехи русской армии²⁶. Величие города символизировало величие страны и ее первого императора. Монументальность строений соответствовала амбициям Петра I, который возвел не только город, но и создал ему достойное окружение, в частности, аналог роскошного Версаля – Петергоф.

Город, построенный Петром, был столицей с начала XVIII в. по начало XX. Москва на эти два столетия оказалась предоставлена сама себе и развивалась, напротив, весьма хаотично. После того, как двор Петра I переехал в Санкт-Петербург в 1712 г., Москва в течение примерно 200 лет в значительной степени оказалась покинутой аристократией. Из традиционного места сосредоточения русского дворянства Москва превратилась в центр торговли и промышленности, где купеческая элита стала более влиятельной, чем политическая²⁷. Перенос столицы в Москву в 1918 г. привел к необходимости модернизации города, возвращения ему политических и символических функций. Реконструкция Москвы в начале XX в. – один из наиболее масштабных проектов преобразования городского пространства в России.

В XX в. доминирование Москвы в советской и российской городской системе стало очевидным. Москва была не только местом, где находилась политическая, административная и экономическая власть, но и была моделью развития для всей страны²⁸. В течение XX в. Москва превратилась из города с населением в миллион человек в крупнейшую европейскую агломерацию. Периодом наиболее интенсивного роста стало советское время.

Форсированная модернизация была условием выживания советского государства в мире, который воспринимался как враждебный; началась кампания по перестройке российского мегаполиса, Москва стала одной из “витрин” советской современности²⁹. Москва должна была стать образцовым социалистическим городом. Про-

²⁶ *Therborn G.* Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // *Housing, Theory and Society*. 2002. Vol. 19. N 1. DOI: 10.1080/140360902317417976. P. 30.

²⁷ *Behrends J.C.* Modern Moscow: Russia's metropolis and the state from Tsarism to Stalinism // *Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940* / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014. P. 102.

²⁸ *Rudolph R., Brade I.* Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. 2005. Vol. 22. N 2. DOI:10.1016/j.cities.2005.01.005. P. 135.

²⁹ *Behrends J.C.* Op. cit. P. 101.

странство столицы государства, в котором победу одержал пролетариат, неизбежно должно было иметь колоссальную символическую нагрузку: “Москва... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов”³⁰. Москва стала центром революции пролетариата, на которую должны были ориентироваться рабочие других стран. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, в СССР она была гипертрофирована. Большевики, по мнению Я.К. Берендса, путем преобразования Москвы конструировали новый фасад своего режима, представлявший их как неоспоримых правителей страны. Их задачей было не только строительство новой советской столицы, но и создание города, который стал бы одновременно символом всей большевистской миссии и будущей мировой столицей³¹. Память об этом прошлом нашей страны пока жива в городской среде, но ее историческая значимость продолжает оспариваться.

1920-е и начало 1930-х гг. — время градостроительных дебатов и смелых экспериментов. У советской власти не было цели сохранить какое-либо культурное наследие. Более того, его безжалостно уничтожали. Полемизируя с Ле Корбюзье, советский архитектор и один из лидеров конструктивизма М.Я. Гинзбург писал: “Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий”³².

Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым. Особое значение имела идея строительства дворца на месте Храма Христа Спасителя: разрушение символа главной военной победы прежнего режима, построенного в память о погибших

³⁰ Берендс Я.К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133). С. 19.

³¹ Behrends J.C. Op. cit. P. 115.

³² Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 11.

в войне с Наполеоном, было одним из шагов в процессе удаления прошлых “мест памяти” из публичного пространства. Наиболее амбициозным проектом советского правительства было строительство Дворца Советов. Этот проект так и не был осуществлен, но было возведено несколько других архитектурных сооружений со схожими очертаниями — так называемые “сталинские высотки”. Еще одним грандиозным проектом стало строительство метро, первая линия которого была открыта в 1935 г.

Строительство новых объектов сопровождалось массовым переименованием прежних. Невский проспект Петрограда в 1918 г. стал проспектом 25 Октября, Дворцовая площадь превратилась в площадь Урицкого, Троицкий мост стал мостом Равенства³³. Особое внимание было уделено главному городу страны. Центральная улица столицы СССР (дорога к Петрограду, уже переименованному в Ленинград) была названа улицей Горького, а в конце XX в. опять вернула себе изначальное название — Тверская. После утверждения Генерального плана Москвы с нее начались грандиозные преобразования, которые можно сравнить с реконструкцией Парижа бароном Османом: ширина улицы Горького была увеличена до 100 метров, благодаря чему на ней стало возможно движение в любом направлении не менее чем по трем полосам³⁴.

Для социалистических режимов формирование городского пространства было важным элементом политических проектов, направленных на создание новых форм общества³⁵. Дома-коммуны стали наиболее полным воплощением идеи “обобществления быта” и получили широкое распространение в довоенных советских городах. Они являются наследием предвоенной эпохи и свидетельством социальных и архитектурных экспериментов 1920–1930-х гг., напоминающим нам об эпохе конструктивизма.

Дома-коммуны сегодня занимают промежуточное положение в городском пространстве. С одной стороны, сохранившиеся до наших дней постройки обычно имеют статус памятника архитектуры, как широко известный Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве. С другой стороны, их состояние обычно настолько плачевное, что для городских властей поддержание таких объектов в жизнеспособном состоянии превращается в такую же проблему, как и капитальный ремонт “хрущевок”. Исключения

³³ *Therborn G.* Eastern drama... P. 220.

³⁴ *Alden J., Crow S., Beigulenko Y.* Moscow: planning for a world capital city towards 2000 // *Cities*. 1998. Vol. 15. N 5. P. 364.

³⁵ *Light D., Young C.* Reconfiguring socialist urban landscapes: the ‘leftover’ space of state-socialism in Bucharest // *Human Geographies – Journal of Studies and Research in Human Geography*. 2010. Vol. 4. N 1. P. 6.

из этого правила редки. Одно из них — это судьба дома-коммуны на улице Орджоникидзе (дом-коммуна Текстильного института), чья девятилетняя реконструкция успешно завершилась в 2016 г. Неоднозначное отношение к тому историческому периоду, символом которого являются дома-коммуны, усугубляет двойственность их статуса — они являются свидетелями и памятниками слишком неудобного для многих прошлого, и это обстоятельство ставит их существование под угрозу.

Стандарты жилищного строительства кардинально пересматриваются после прихода к власти нового политического лидера — Н.С. Хрущева. Он предлагает другую идею — отдельная квартира для каждой семьи вместо коммунального быта. Начинается стремительное возведение новых кварталов. Строительство однотипных домов стоило относительно дешево, и позволило в короткие сроки обеспечить множество семей малогабаритными, но отдельными квартирами. Произошло формирование новой городской культуры, основанной на принципе “минимума жизни”, в первую очередь, предполагающей “минимум пространства”³⁶. Дома этого периода воспринимают не как историческую городскую среду, а скорее как проблему, доставшуюся в наследство нынешним поколениям. Дома-коммуны, в свою очередь, рассматриваются как примеры смелых экспериментов.

Предметов для спора множество, так как четких критериев исторической значимости нет. Дискуссии о “советском” (прошлом, наследии, опыте) продолжаются. А.Н. Казакевич утверждает, что феномен “советского”, некогда точно определенный и полностью понятный на различных уровнях публичной коммуникации, после нескольких десятков лет “несоветского/постсоветского существования” становится все более размытым, непонятным, бессодержательным и проблемным³⁷. Порой общественные инициативы выглядят как попытки уничтожения памяти о советском периоде в истории страны. Один из ярких примеров десоветизации — споры вокруг транспортно-пересадочного узла на базе станции метро “Войковская”, которой призывают дать другое имя. П.Л. Войков считается одним из лиц, непосредственно причастных к убийству последнего российского императора Николая II и членов его семьи. В Советском Союзе П.Л. Войков воспринимался как герой, в его честь называли улицы, заводы и другие объекты. После канонизации царской семьи в 2007 г. Русская православная церковь предложила изъять имя цареубийцы из названий городских объектов.

³⁶ Mumford L. Op. cit. P. 179.

³⁷ Казакевич А.Н. Символика места: забывание и фрагментация “советского” в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 17.

Подобное переименование представляет собой очередную попытку изменения исторической памяти, которая и так избирательна и дискретна.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. привязка “советского” к местности (его локализация) была важным элементом политической и культурной борьбы, однако, в последние 10—15 лет мы можем наблюдать, как эта тенденция к локализации постепенно теряет свое значение, свою социальную и политическую востребованность. Она вытесняется более универсальными категориями. Дать сколько-нибудь конвенциональное и устойчивое определение “советского” становится все сложнее. Таким образом, советская эпоха становится историей, теряя в большинстве городов свою негативную и позитивную значимость и целостность.

В постсоветской России Москва утратила символическое значение и превратилась, прежде всего, в экономический центр. Одна из ключевых идей бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова — превращение города в финансовый центр. Для соответствия Москвы этому статусу городское пространство вновь стало реконструироваться. В российской столице появилось множество деловых и торговых центров; наиболее масштабным проектом стало строительство города небоскребов — Москва-Сити, начавшееся в 1992 г. и продолжающееся до настоящего времени.

Экономические трансформации привели к росту неравенства, социальному расслоению и кардинальному изменению облика многих районов. Во времена существования СССР Москва не знала таких явлений, как этническое заселение районов и существенная разница между доходами социальных групп. Сегрегация имела место, но осуществлялась исключительно на политической основе. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные стали следствием заселения домов или районов представителями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий.

С начала 1990-х гг. в истории российской столицы начался новый этап развития, облик города кардинально изменился. Застройка постсоветского времени в Москве носит преимущественно точечный характер, поэтому формирование элитных кварталов затруднено. Даже в окрестностях Остоженки, для которой свойственны одни из самых высоких цен на жилье из-за близости Кремля и Храма Христа Спасителя, до сих пор существуют квартиры, в которые жильцы заселились еще во времена СССР, получив их от государства. Они не желают переезжать в другие районы, так как большая часть их жизни прошла в историческом центре Москвы, но при этом могут иметь не самое хорошее материальное положе-

ние. Поэтому в центре Москвы речь может идти об элитных домах, построенных недавно, но в населении центрального округа столицы представлено все многообразие социальных страт.

Кварталы, состоящие исключительно из новостроек, квартиры в которых приобретались жильцами на собственные деньги, называть элитными в полном смысле слова также нельзя, так как все они расположены вдалеке от центра города, что при высокой загруженности транспортных магистралей создает массу сложностей их владельцам при перемещении по городу.

В современной Москве сложно найти улицы, выдержанные в едином архитектурном стиле, эклектичность стала главной характеристикой города. Среди особняков царских времен то и дело можно встретить офис, выстроенный в стиле *hi-tech*. Многочисленные заведения сферы услуг в условиях высокой конкуренции активно борются за клиентов, используя все возможные средства для привлечения их внимания. Городское пространство Москвы преобразуется, в первую очередь, в интересах получения прибыли. Устранение символических элементов городской среды стало результатом социально-политических изменений, переходом от социализма к капитализму³⁸. Москве нелегко далось преобразование из социалистического города в капиталистический. Впрочем, это ситуация характерна не только для Москвы, но и для многих столиц Восточной Европы³⁹.

Повышение интереса к исследованиям “мест памяти” в конце 1980-х гг. было связано с политическими изменениями в Восточной Европе, которые повлекли за собой пересмотр прошлого, ревизию памяти, устранение одних “мест памяти” и создание новых. Социальная память вполне может быть результатом преднамеренной политики ее формирования: архитекторы и градостроители нередко акцентируют внимание на одних моментах истории, подчеркивая определенные элементы городской среды и уничтожая другие⁴⁰. Изменение городского пространства, особенно столиц, позволяет проследить смену идей и ревизию ценностей. Трансформация городского пространства восточно-европейских столиц представляет особый интерес, так как в короткие сроки произошла смена идеологий, переход от социалистических ценностей к капиталистическим.

Столица Румынии, Бухарест, так же, как и другие восточноевропейские города, может многое рассказать о своей истории.

³⁸ *Light D., Young C.* Reconfiguring socialist urban landscapes... P. 5.

³⁹ *Therborn G.* Eastern drama... P. 229.

⁴⁰ *Welzer H.* Op. cit. P. 288.

Многие здания позволяют безошибочно определить период своего строительства. Например, в Бухаресте была построена одна из “сестер” “сталинских высоток” (*Casa Presei Libere*, 1952–1956), прототипы угадываются довольно легко. Хотя, конечно, наиболее масштабная реконструкция социалистического Бухареста имела место несколько позднее, ее осуществил последний лидер социалистической Румынии – Н. Чаушеску.

Н. Чаушеску хотел создавать новую историю в новом городе, и Бухарест до сих пор хранит память об этом. В течение 1980-х гг. Н. Чаушеску провел крупномасштабную реконструкцию не только физического, но и символического пространства центральных районов столицы Румынии. Центр Бухареста по-прежнему напоминает о сочетании идеалов коммунизма с культом личности Н. Чаушеску, которое привело к формированию румынской версии национализма⁴¹. Однако революция 1989 г. немедленно прекратила строительные работы, и преобразование Бухареста Н. Чаушеску было резко осуждено.

Архитектурная ценность преобразований столицы Румынии Н. Чаушеску, действительно, представляется довольно противоречивой. Одним из примеров не самых удачных проектов является Дворец Парламента (*Palatul Parlamentului*), который при Н. Чаушеску был известен как Дом Республики (*Casa Republicii*) или Дом Народа (*Casa Poporului*). К революции 1989 г. он был построен примерно на 70–80%. Дворец Парламента – это второе по величине административное здание в мире после Пентагона. Однако для многих жителей Бухареста это не повод для гордости, а нежелательный символ, физическое напоминание о периоде аскетизма и лишений, которые терпели граждане Румынии во имя реализации грандиозных проектов Н. Чаушеску. Многие хотели бы его уничтожить, однако, снос Дворца Парламента был слишком дорогим, поэтому были предложены различные альтернативные способы его использования, включая казино, музей тоталитаризма, тематический парк и торговый центр. С 1996 г. в этом архитектурном сооружении заседает парламент постсоциалистической Румынии, часть здания открыта для посетителей.

Столица Венгрии, Будапешт, хранит память об Австро-Венгерской империи, Второй мировой войне, социалистической Венгрии и многих других страницах своей истории. Его тоже затронула волна переименований в попытках пересмотреть отношение к прошлому. Самая элегантная улица столицы Венгрии – проспект Андраши – после Второй мировой войны была переименована в честь Сталина;

⁴¹ *Light D., Young C. Reconfiguring socialist urban landscapes... P. 7.*

однако события 1956 г. привели к очередному переименованию — она стала проспектом Народной республики⁴². После окончания советской эпохи проспекту вернули изначальное имя. Статуи, напоминающие о социалистическом периоде в истории страны, в Будапеште были собраны в парке “Мemento”, привлекающем большое число туристов.

Коммунистическое прошлое представлено в музеях многих восточноевропейских столиц (например, в Музее социалистического искусства в Болгарии). “Места памяти” прежней эпохи локализируются в ограниченном пространстве, происходит их десакрализация. Символы социалистического времени убрали подальше от центральных улиц, которые в начале 1990-х гг. массово переименовывали: около сотни в Восточном Берлине, более 210 в Софии, около 240 в уже упомянутом Будапеште, 405 из 876 в Сараево⁴³. Распад СССР привел к окончанию целой эпохи и пересмотру отношения к ней, что нашло свое отражение и в городском пространстве.

Г. Терборн полагает, что десакрализация политической жизни в посткоммунистических странах привела к поиску новых символов, которыми в Литве, Польше, Словакии, Хорватии, Венгрии и многих других странах стали соборы⁴⁴. В частности, в Венгрии широко отмечалось тысячелетие восхождения на престол одного из самых почитаемых королей в истории страны Св. Иштвана в 2000 г. Восстановление Храма Христа Спасителя в Москве Г. Терборн также рассматривает как проявление тенденции замены коммунистической идеологии религией⁴⁵. Во многих странах церкви не только восстанавливали, но и строили новые, что меняло облик городов.

Столицы восточноевропейских городов смогли позволить себе серьезную реконструкцию городского пространства, поскольку, по словам Г. Терборна, стали “главными победителями реставрации капитализма”⁴⁶, превратившись в финансовые центры глобальной экономики. Иностраные инвестиции способствовали стремительным социально-экономическим изменениям. Однако не все из них были с восторгом восприняты местным населением, экономическое положение некоторых социальных слоев стало хуже, Восточная Европа стала поставщиком дешевой рабочей силы в Западную.

⁴² *Therborn G. Eastern drama...* P. 223.

⁴³ *Ibid.* P. 225.

⁴⁴ *Ibid.* P. 228.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.* P. 229.

Г. Терборн подчеркивает, что история Восточной Европы последних двух столетий с двумя мировыми войнами, от империй до постсоциалистических стран, драматична и травматична⁴⁷. Имперские города стали пролетарскими, а потом и капиталистическими. Они хранят наследие всех этих различающихся между собой эпох. От некоторых символов избавляются, другие возрождают, но при желании в городском пространстве можно найти “места памяти” всех периодов, начиная с имперского.

Город не может существовать вне времени. Власть и жители неизбежно превращают отдельные здания, районы, памятники, имеющие связь с какими-то историческими событиями или периодами, в символы города. *La belle Époque* на постсоветском пространстве оказалась выбрана весьма по-разному: «Если постсоветский Львов свое “золотое время” искал в Австрийской империи, постсоветская Одесса — в империи Российской, то постсоветский Днепрпетровск — в эпохе Брежнева. В данном случае можно говорить об очередном локальном примере... вторичной утилизации узнаваемых советских символических конструкций в условиях отсутствия знаков, способных адекватно отразить постсоветскую ситуацию и постсоветский опыт»⁴⁸. Выбор “эталонной эпохи”, как правило, ведет к градостроительной политике, направленной на ее воспроизводство в городском пространстве. Отсутствие видения того, каким должен быть город — к сожалению, тоже довольно распространенный случай.

Москва — один из примеров отсутствия ориентации на какой-либо исторический период и, как следствие, город утратил значительную часть своей исторической среды. По мнению экспертов ЮНЕСКО, Москва уже прошла свою точку невозврата⁴⁹. Культурное наследие находится, как правило, в центральных районах города, где стоимость земли высока. В городе по-прежнему существует так называемый “престиж центра”. Социальный статус определяется в том числе и культурными различиями (например, потреблением), поэтому покупка/аренда жилья или офиса в центральных районах Москвы востребована, наличие спроса требует новых зданий.

Городская среда меняется вследствие политических, экономических и социальных трансформаций. Технический прогресс способствовал тому, что социальные взаимодействия стали выходить

⁴⁷ Ibid. P. 233.

⁴⁸ Портнов А., Портнова Т. Столица застоя? Брежневский миф Днепрпетровска // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 85–86.

⁴⁹ Moscow heritage at crisis point / Ed. by E. Harris. M., 2009. P. 145.

далеко за пределы конкретного географического пространства благодаря широкомасштабному использованию новых средств коммуникации, интенсивному развитию транспортной инфраструктуры и, наконец, повсеместному распространению интернета: «Сегодня жизнь человека уже невозможно ограничить рамками одной группы, существующей только “здесь и сейчас”, поскольку она все больше рассеивается в бесчисленных потоках сетевых взаимодействий»⁵⁰. Но общество не может жить без прошлого, иначе ему очень сложно строить будущее.

Здания или их элементы часто становятся визуальными напоминаниями о конкретных исторических периодах. В то время как пространственный порядок часто указывает на легкость восприятия прошлого, пространственный беспорядок часто означает, что обращение к прошлому является трудным, сложным или даже невозможным⁵¹. Несмотря на значение пространства столичных городов в выражении национальной идентичности и политического порядка, они редко бывают символически едиными. Чтобы добиться отражения одной доминирующей политической идеологии, город должен быть полностью возведен заново; тогда он сможет полностью выразить политические идеалы в городском пространстве. Города полны символов. Города представляют собой наслоения различных эпох, которые причудливо переплетаются и требуют детального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берендс Я.К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133). С. 18–29.

Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Москва: столица — глобальный город — агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122–137. DOI:10.24290/1029-3736-2014-0-4-122-137.

Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 43–64. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64.

Казакевич А.Н. Символика места: забывание и фрагментация “советского” в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 17–33.

⁵⁰ *Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64. С. 44.

⁵¹ *Neumann B.* The literary representation of memory. P. 340.

Курбанов А.Р. Манифестация исторической памяти в политической практике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 200-214. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214.

Мартыненко Т.С. Память и забвение как механизмы воспроизводства социального неравенства в современном мире // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 119–121.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора. СПб., 1999.

Портнов А., Портнова Т. Столица застоя? Брежневский миф Днепропетровска // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 71–87.

Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М., 2015.

Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).

REFERENCES

Alden J., Crow S., Beigulenko Y. Moscow: planning for a world capital city towards 2000 // *Cities*. 1998. Vol. 15. N 5. P. 361–374.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.

Assmann J. Communicative and cultural memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 109–118.

Assmann A. Canon and archive // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 97–108.

Assmann A., Shortt L. Memory and political change: Introduction // *Memory and Political Change* / Ed. by A. Assmann, L. Shortt. L., 2012. P. 1–14.

Behrends J.C. Modern Moscow: Russia's metropolis and the State from Tsarism to Stalinism // *Races to Modernity: Metropolitan Aspirations in Eastern Europe, 1890–1940* / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014. P. 101–124.

Berends Ya.K. Stroitel'stvo novoi Moskvyy: menyayushchiisya simvol sovetskoi modernosti [The construction of a new Moscow: a changing symbol of Soviet modernity] // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2015. N 3 (133). S. 18–29 (in Russian).

Races to modernity: metropolitan aspirations in Eastern Europe, 1890–1940 / Ed. by J.C. Behrends, M. Kohlrausch. Budapest; N.Y., 2014.

Confino A. Collective memory and cultural history: problems of method // *American Historical Review*. 1997. Vol. 105. N 2. P. 1386–1403.

Dobrinskaya D.E. Sotsiologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podkhody k issledovaniyu seti [Sociological understanding of internet: theoretical approaches to the network analysis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18*.

Sotsiologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 43–64. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64 (in Russian).

Echterhoff G., Higgins T., Kopietz R., Groll S. How communication goals determine when audience tuning biases memory // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2008. Vol. 137. N 1. P. 3–21.

Halbwachs M. The collective memory. N.Y., 1980.

Moscow Heritage at Crisis Point / Ed. by E. Harris. M., 2009.

Hebel U.J. Sites of memory in U.S.-American histories and cultures // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 47–60.

Kazakevich A.N. Simvolika mesta: zabyvanie i fragmentatsiya “sovetskogo” v landshafte Minska [Place symbols: forgetting and fragmentation of the “Soviet” in the Minsk landscape] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. Vol. 80. N 6. S. 17–33 (in Russian).

Kurbanov A.R. Manifestatsiya istoricheskoi pamyati v politicheskoi praktike [The manifestation of historical memory in political practice] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2016. N 1. S. 200–214. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-1-200-214 (in Russian).

Lefebvre H. La production de l’espace. P., 2000.

Lefebvre H. Le droit à la ville. P., 2015.

Les lieux de mémoire / Ed. by P. Nora. P., 1984–1992.

Light D., Young C. Reconfiguring socialist urban landscapes: The ‘leftover’ space of state-socialism in Bucharest // *Human Geographies – Journal of Studies and Research in Human Geography*. 2010. Vol. 4. N 1. P. 5–16.

Martynenko T.S. Pamyat’ i zabvenie kak mekhanizmy vosproizvodstva sotsial’nogo neravenstva v sovremennom mire [Memory and oblivion as mechanisms of reproduction of social inequality in the modern world] // *Kul’turnaya pamyat’ i kul’turnaya identichnost’: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (XI Kolosnitsynskie chteniya)*. Ekaterinburg, 2016. S. 119–121 (in Russian).

Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970.

Neumann B. The literary representation of memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 333–344.

Nora P. Mezhdru pamyat’yu i istoriei. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of places of memory] // *Frantsiya-pamyat’* / Pod red. P. Nora. SPb., 1999 (in Russian).

Portnov A., Portnova T. Stolitsa zastoya? Brezhnevskii mif Dnepropetrovska [The capital of stagnation? Brezhnev’s Myth of Dnepropetrovsk] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2014. N 5 (97). S. 71–87 (in Russian).

Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. 222 goda spustya [Travel from St. Petersburg to Moscow. 222 years later] / Pod red. T.G. Nefedovoi, A.I. Treivisha. M., 2015 (in Russian).

Rudolph R., Brade I. Moscow: Processes of restructuring in the post-Soviet metropolitan periphery // *Cities*. 2005. Vol. 22. N 2. P. 135–150. DOI: 10.1016/j.cities.2005.01.005.

Simmel G. The metropolis and mental life // *Simmel: On individuality and social forms (Heritage of Sociology Series)* / Ed. by D.N. Levine. Chicago, 1971. P. 324–339.

Therborn G. Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830–2006 // *International Review of Sociology*. 2006. Vol. 16. N 2. P. 209–242. DOI: 10.1080/03906700600708816

Therborn G. Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // *Housing, Theory and Society*. 2002. Vol. 19. N 1. P. 26–47. DOI: 10.1080/140360902317417976

Ushakin S.A. Otstraivaya istoriyu: sovetskoe proshloe segodnya [Building a story: the Soviet past today] // *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. N 6 (80). P. 10–16 (in Russian).

Vershinina I.A., Polyakova N.L. Moskva: stolitsa – global’nyi gorod – aglomeratsiya [Moscow: capital – global city – agglomeration] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2014. N 4. S. 122–137. DOI:10.24290/1029-3736-2014-0-4-122-137 (in Russian).

Welzer H. Communicative memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; N.Y., 2008. P. 285–300.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-127-153

ИССЛЕДОВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

С.О. Елишев, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

В данной статье автором рассматриваются особенности изучения манипулятивного воздействия на российскую молодежь различных субъектов общественной жизнедеятельности в имперский период российской истории. Изучение целенаправленного воздействия на молодежь различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих ее как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов, является, на его взгляд, актуальным и перспективным направлением современных социологических исследований. Систематизация знаний по данной проблематике, а также учет имеющегося опыта по изучению подобного рода негативных явлений, наработанного в предшествующие периоды отечественной истории – имперский и советский периоды, должны, по его мнению, способствовать выработке эффективных механизмов противодействия манипулятивному и деструктивному воздействию на процесс социализации, воспитания и социального развития современной российской молодежи.

В данной статье автор обращает внимание на малоизвестные работы, официальные документы и незаслуженно забытых классиков русской социально-политической мысли, мнение официальных правительственных лиц и публицистов, затрагивающих данную проблематику в своих исследованиях. Акцентирует внимание на том, что интерес к данной проблематике, исследуя особенности процесса социализации, кризис институтов социализации, участие молодежи в политике, рост преступлений экстремистской и террористической направленности, умонастроения молодежи, студенческие бунты и выступления, в основном проявляли как официальные должностные лица, так и ученые, эксперты и публицисты, прежде всего, консервативного направления русской социально-политической мысли.

Среди лиц, внесших значимый вклад в развитие данной проблематики, автор отмечает И.К. Палена, К.П. Победоносцева, А.И. Георгиевского, А.С. Изгоева, М.Н. Каткова, Ф.П. Еленева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.А. Тихомирова, Б.Н. Чичерина и др. В представлении этих государственных

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

ных деятелей и мыслителей российская молодежь часто выступала в роли жертвы пропаганды и объекта манипулятивного воздействия со стороны как внешних, так и внутренних антисистемных, радикально-либеральных и революционных сил.

Ключевые слова: молодежь, учащаяся молодежь, манипуляции, манипулятивное воздействие, антисистема, революция, пропаганда.

STUDDING OF MANIPULATIVE IMPACT ON THE RUSSIAN YOUTH DURING THE IMPERIAL PERIOD OF NATIONAL HISTORY

Elishev Sergey O., The Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Modern Sociology of Sociological Faculty of the Moscow State University of a name of M.V. Lomonosova, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

Features of studying of manipulative impact on the Russian youth of various subjects of public activity during the imperial period of the Russian history are considered. Studying of purposeful impact on youth of various, not unambiguous subjects of public activity using its as subject to manipulations and also approbations on its political, social and psychological technologies and experiments is the relevant and perspective direction of modern sociological researches. Systematization of knowledge of this perspective and also accounting of the available experiment on studying of this sort of the negative phenomena acquired during the previous periods of national history – the imperial and Soviet periods, has to contribute to development of effective mechanisms of counteraction to manipulative and destructive impact on process of socialization, education and social development of modern Russian youth.

The author pays attention to little-known works, official documents and unfairly the forgotten classics of the Russian socio-political thought, opinion of the official government persons and publicists mentioning this perspective in the researches. Interest in this perspective, investigating features of process of socialization, crisis of institutes of socialization, participation of youth in policy, growth of crimes of extremist and terrorist orientation, mood of youth, student's revolts and performances were generally shown by both official officials, and scientists, experts and publicists, first of all, of the conservative and guarding direction of the Russian socio-political thought.

I.K. Palen, K.P. Pobedonostsev, A.I. Georgiyevsky, A.S. Izgoyev, M.N. Katkov, F.P. Elenev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, L.A. Tikhomirov, B.N. Chicherin, etc are highlited as persons who have brought a significant contribution to the development of this perspective. The Russian youth is often acted in ideas of these statesmen and thinkers as the victim of propaganda and as object of manipulative influence from outside both external, and internal anti-system, radical liberal and revolutionary forces.

Key words: youth, the studying youth, manipulations, manipulative influence, anti-system, revolution, propaganda.

Одним из важных и перспективных направлений в развитии современной российской социологии являются фундаментальные исследования молодежной проблематики, и в первую очередь — особенностей процесса социализации российской молодежи, его позитивные и негативные моменты.

Актуальность данной проблематики обусловлена как ролью молодежи в жизнедеятельности современных обществ, различных социально-политических, экономических и духовных процессах, так и местом молодежи в структуре современного социума. Молодежь — это социально-демографическая группа (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящаяся в своем развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно, в процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире. В силу этого положение молодежи в обществе всегда было и будет нестабильным, переходным, обусловленным специфическими возрастными, социальными и психологическими характеристиками, а также историческими, социально-экономическими, политическими и ситуационными факторами.

Молодежь является одной из самых слабозащищенных и уязвимых категорий населения в силу отсутствия у значимой ее части соответствующих знаний, опыта и экономической независимости. Именно поэтому она является привлекательным объектом целенаправленного воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих ее для манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов¹ для достижения определенных своекорыстных целей. Например, для осуществления так называемых “цветных революций” на постсоветском пространстве, для экстремистских выступлений, для участия в деятельности деструктивных политических сил, религиозных сект и культов на территории Российской Федерации.

Изучение подобного рода негативной практики в жизнедеятельности современного российского общества является, на наш взгляд, весьма актуальным и перспективным направлением социологических исследований, проводимых с целью минимизировать ее влияние, выработать эффективные механизмы противодействия, пресекать подобного рода деструктивное воздействие на процесс социализации, воспитания и социального развития современной российской молодежи. Естественно, это потребует определенной систематиза-

¹ См.: *Елишев С.О.* Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

ции знаний по данной теме, а также учета имеющегося опыта по изучению подобного рода негативных явлений, наработанного в предшествующие периоды отечественной истории – имперский и советский периоды.

Сегодня, по прошествии ста лет со дня революционных событий в России 1917 г., крайне актуальным будет обращение к имперскому периоду отечественной истории, дабы не повторить ошибок, допущенных нашими предками и не ввергнуть страну в очередные “великие потрясения”, от которых она может уже не оправиться. Ведь именно молодежь принимала самое активное участие в революционных событиях как 1905–1907 гг., так и 1917 г., что явно свидетельствует не только о неэффективности и несовершенстве процесса ее социализации в тот период, но и об успешном манипулятивном воздействии на нее со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, использовавших ее энергию для дестабилизации обстановки в стране и уничтожения российской государственности.

В этом контексте весьма логичным будет обращение к трудам и исследованиям классиков русской общественно-политической мысли дореволюционного периода, в которых в той или иной степени затрагивалась данная проблематика. Хотя сразу следует оговориться, что молодежная проблематика в российской социологии имперского периода в целом затрагивалась и исследовалась фрагментарно, в рамках интересующей исследователей иной, более широкой, социологической, а также психологической, педагогической или политической тематики. К тому же, в зависимости от своих убеждений и взглядов исследователи этого периода по-разному относились к молодежи, ее роли в социально-политических процессах, развитию капиталистических отношений и системы образования, кризису различных институтов социализации (например, института семьи и образования), росту молодежного экстремизма. Соответственно и оценка манипулятивного воздействия на молодежь со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности у отечественных мыслителей варьировалась в зависимости от их политических убеждений, предпочтений и принадлежности к консервативному (охранительному), либеральному или революционному (радикальному) лагерям.

Например, П.А. Сорокин, симпатизируя социалистическим воззрениям, будучи в ранний период своей исследовательской деятельности социалистом-революционером, описывая кризис традиционной семьи, утрату ею “своих опекунских и воспитательных обязанностей” по отношению к молодому поколению, отмечает, что это был в целом естественный, прогрессивный процесс – «первый

шаг по пути дальнейшего обобществления человека, подготовки его для будущего, более совершенного общества. В этом его значение и его важность, в этом же и та положительная сторона, которая побуждает меня отрицательно отнестись ко всем тем “охам и вздохам”, видящим в замене семейного воспитания общественным падение нравов, признак “морального вырождения”, — “вздохам”, которых немало приходится слышать на каждом шагу»².

А.С. Изгоев, занимавшийся исследованием молодой интеллигенции, ее статуса в современном ему обществе, проблем воспитания и взаимоотношения с родителями и окружающими, участия интеллигентной молодежи в революционных процессах, совсем в ином ключе оценивал кризис данного института, констатируя полное отсутствие у нее “всякой духовной связи с семьей”, “семейных традиций” и “воспитательного влияния семьи” на процесс социализации молодых интеллигентов³. Он отмечал значимое влияние ближайшего окружения молодых людей на процесс формирования их личности при обучении в средней школе и высших учебных заведениях⁴. Изучая как положительные, так и негативные характеристики современной ему российской интеллигентной молодежи (как он отмечал, “нельзя не отдать себе отчета и в том, какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции”⁵), он констатировал явную неэффективность деятельности целого ряда агентов и институтов социализации, поскольку идеалом интеллигентного молодого человека по ходу данного процесса становился “профессиональный революционер, года два живущий тревожной, боевой жизнью и затем погибающий на эшафоте”⁶.

Развитие капиталистических отношений в России и связанные с этим процессы социального расслоения, вкуче с реформированием системы образования оказывали значительное воздействие на функционирование институтов семьи и образования. В свою очередь, неизбежный кризис институтов семьи и образования самым негативным образом сказывался на процессе формирования ценностных ориентаций российской молодежи. Определенная часть учащейся молодежи под влиянием западничества, нигилистских и максималистских установок, господствовавших и преобладавших в интеллигентской и молодежной среде, стала негативно отно-

² Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 79.

³ См.: Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 98–99, 102.

⁴ См.: Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ Там же. С. 120.

ситься к традиционным ценностям российского общества и негативно воспринимать их. Из этой части молодежи поэтапно формировалась та часть общества, которую можно охарактеризовать, как “антисистему” (термин Л.Н. Гумилева), т.е. системную целостность людей с негативным мироощущением, отрицательно воспринимающую свою собственную национальную культуру, историю, религию, традиционные ценности и государственность.

Адепты антисистемы ненавидят существующий строй, противопоставляют себя ему и предпринимают действия по уничтожению устоявшейся (общепринятой) религиозной, культурной, этнической традиции, аристократии, фундаментальных ценностей, социального устройства, его институтов и иерархии. Фактически они стремятся до основания разрушить окружающий их мир, противопоставляя себя как “элиту” и “креативный класс” окружающим их людям. Представители антисистемы – это профессиональные деструкторы, разрушительная энергия которых направлена на уничтожение традиционных основ своего государства и общества, традиционных для него религиозных, политических, социальных и экономических систем.

В имперский период отечественной истории представители антисистемы составили костяк радикально-либерального и революционного течений и направлений российской общественно-политической мысли. Вполне естественно, что оценка ими тех или иных событий кардинально отличалась от оценок представителей правительственного и консервативно-охранительного лагеря. Они морально поддерживали и давали в целом положительную оценку росту числа преступлений экстремистской и террористической направленности, студенческим бунтам и выступлениям, считая их естественным этапом в процессе перехода к более совершенному типу общества и своеобразной справедливой реакцией на действия и деятельность правительства и своих оппонентов. Или же занимались передергиванием фактов. Например, в книге А.К. Бороздина “Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете”, автором высказывалось сожаление по поводу закрытия этого общества, как бы созданного в свое время не только для занятий наукой и литературой, но и для борьбы и с нигилизмом и с революционными идеями⁷. Однако автор-либерал при этом сознательно умалчивал о том, что студенты-террористы, готовившие в 1887 г. покушение на императора Александра III, как раз являлись членами данного общества и явно не стремились

⁷ См.: *Бороздин А.К.* Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1900. С. 10, 15.

к тому, чтобы воплотить упомянутые планы деятельности данного общества в жизнь. После чего данное общество закономерно прекратило свое существование.

Фактически потворствуя и подстрекая учащуюся молодежь к подобного рода деятельности, манипулируя ее сознанием, антисистемщики использовали ее энергию в своих деструктивных целях как средство-ресурс для дестабилизации обстановки в стране и разжигания “пожара революции”. Хотя в целом в этом не было ничего удивительного: как показывает история, молодежная среда традиционно является питательным элементом любой революции и объектом различного рода воздействия и пропаганды со стороны “антисистем”. Именно на волне молодежного протеста, как правило, и играют революционные “спектакли”.

Как писал в 1905 г. В.И. Ленин в своем письме А.А. Богданову и С.И. Гусеву, советуя своим “товарищам” по “революционной борьбе” использовать молодежь как ресурс для разжигания пожара революции по максимуму: «Нужны молодые силы. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь... Основывайте из молодежи сотни кружков впередовцев и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, “кооптируйте” всякого и каждого честного и энергичного человека... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости»⁸.

Как говорил Отто фон Бисмарк: “Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы”⁹.

По ходу развития сюжета того или иного революционного сценария (процесса) в роли упомянутых “фанатиков” революции часто выступают отдельные молодые люди или группы, составляющие значительную часть в революционной толпе-массовке.

Молодежь, как многие отмечают, является своеобразным “барометром революции”. Ее энергию, умело задействуют и используют “гении”-организаторы революционных событий, как, впрочем, и “проходимцы”-заказчики: для смены неудобных режимов

⁸ Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 9. М., 1967. С. 247.

⁹ См.: Афоризмы Отто фон Бисмарка. URL: <http://www.orator.ru/bismarck.html>. (дата обращения: 05.09.2017).

и приводу к власти своих ставленников. Однако сама молодежь, несмотря на всю свою активность в осуществлении различных революционных сценариев, по своей сути является не субъектом происходящего революционного процесса, а исключительно объектом манипуляций и средством достижения нужных целей со стороны “режиссеров”-организаторов этих “революций”.

О негативном воздействии на подрастающее поколение молодых людей антисистемных умонастроений, популярных среди российской интеллигенции и учащейся молодежи, много писали как различные официальные лица, так и ученые, и публицисты, принадлежащие к консервативному, охранительному лагерю. В рамках этих работ учащая молодежь, прежде всего, и рассматривалась в качестве объекта манипулятивного воздействия со стороны представителей либерального и революционного движений, и со стороны внешних сил.

Среди официальных источников, прежде всего, обращает на себя внимание записка министра юстиции графа И.К. Палена “Успехи революционной пропаганды в России” 1875 г. В данной Записке анализировались результаты так называемого “хождения революционеров в народ” с целью осуществления антиправительственной пропаганды. Описывая результаты в достаточной степени успешной антиправительственной и революционной пропаганды среди учащейся молодежи в России, автор Записки отмечает большую роль манипулятивного воздействия на нее со стороны, как различных заграничных, так и местных революционных субъектов общественной жизнедеятельности, стремящихся за “громкими фразами о нуждах, пользах и бедственном положении низших классов народа”, повлиять в нужных для себя целях «на впечатлительную и незнакомую с действительными условиями и потребностями государственной и экономической жизни народов молодежь, столь естественно стремящуюся в своих мечтаниях к возможности недостижимых идеалов всеобщего братства, равенства и свободы. И вот в среде упомянутых выше кружков “самообразования”, стали все чаще и громче подыматься и обсуждаться вопросы о причинах существования и средствах облегчения и устранения того безвыходно-бедственного, будто бы, положения наших рабочих классов, о котором писалось и говорилось на все тоны и которое проверить и изучить для учащейся молодежи не представлялось возможности. При суждениях об этих предметах указывалось на безграмотность нашей народной массы, как на одну из главнейших причин ее угнетенного положения и на необходимость поэтому, прежде всего,

озаботиться поднятием уровня ее умственного и нравственного развития»¹⁰.

И.К. Пален отмечал значимое влияние внешнего фактора на развитие революционного движения в России и революционную пропаганду среди молодежи. Это проявлялось, прежде всего, в распространении среди учащейся молодежи большого количества материалов, “уже прямо революционного характера” и направленных “к ниспровержению существующего в России государственного строя”¹¹, напечатанных и доставляемых в Россию в значительном количестве из-за границы. “Издания эти, будучи произведением преимущественно русской эмиграции, имеющей в свою очередь близкие сношения с Интернациональным обществом, провозились в Россию или путем контрабанды, или лично возвращающимися из заграницы русскими путешественниками, которые, пропитавшись там теориями Бакунина и других ультра-демократов и социалистов, разносили по всем концам и классам России яд преступных учений и демагогических стремлений”¹².

Анализируя нелегальную, конспиративную и пропагандистскую деятельность различных революционных кружков и сообществ того времени, И.К. Пален говорил как о конечной цели и плане данной деструктивной и манипулятивной пропаганды, так и об очевидных дисфункциях институтов семьи и образования, благодаря которым только и была возможна успешная революционная пропаганда среди молодежи.

“Стремясь к известной, точно определенной цели, — к ниспровержению существующего порядка, деятели революции идут по строго последовательно выполняемому плану.. План этот, в главных чертах изложенный программой князя Кропоткина, представляет, между прочим, ту опасность, что, как бы ни были энергичны расследования и преследования виновных, все же несомненно останутся нераскрытыми несколько отдельных кружков и личностей, которые и будут неумоимо продолжать свою преступную деятельность... Быстрые успехи пропаганды должны быть приписаны как тому, что деятельность агитаторов не встречала довольно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета в значении и цели этих преступных стремлений, до сих пор относилось к ним с апатией, равнодушием, а иногда даже с сочувствием; так в особенности и тому,

¹⁰ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // Былое. 1907. № 9. С. 269.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

что молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора в той среде, где она растет и развивается, ибо те нравственные основы воспитания, которые может дать только семья, по-видимому, вовсе неразвиты у многих из этих молодых людей, не обладающих при поступлении в школы никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности”¹³.

Обер-прокурор Святейшего Синода, известный ученый и государственный деятель, К.П. Победоносцев, размышляя о кризисе и реформах системы образования в России от начальной школы до университетов, отмечал “постыдное падение серьезной науки в наших университетах”¹⁴, а также говорил о негативных последствиях проникновения в науку и учебные заведения политики и идеологии (идеологии радикально-либеральных и революционных партий и организаций):

“Погибло всякое воспитательное значение школы там, где она служит орудием политических или социальных партий. Тогда она перестает удовлетворять потребностям *души* народной, служа лишь искусственным потребностям партий или социального учения, возобладавшему в правительстве, является для народа насилием и становится ему ненавистна. Отделившись от народной души, школа теряет под собою почву и развращается. В народной душе таятся инстинкты добра, правды, порядка, здравого смысла, благоговения. Когда школа отвечает этим инстинктам, возбуждая их, одухотворяя и утверждая в добрых навыках, народ понимает школу и любит ее — школа срастается с народом и народ со школою”¹⁵.

С такой оценкой ситуации в системе образования был солидарен и глава правительства П.А. Столыпин, который в частности писал: “Я видел развал школы, я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти! И я думаю, я убежден, что спасти нашу молодежь, а следовательно, и Россию, может только реформа школы, последовательная и, может быть, суровая, как сама логика”¹⁶.

Редактор журнала Министерства народного просвещения А.И. Георгиевский, исследовавший причины студенческих беспорядков и

¹³ Записка министра юстиции графа Палена... С. 275–276.

¹⁴ *Победоносцев К.П.* Об университетском преподавании // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 169.

¹⁵ *Победоносцев К.П.* Учение и учитель // Победоносцев К.П. Сочинения. С. 484.

¹⁶ *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 82–83.

описывая принимаемые правительством меры, направленные против них, называл их “весьма значительным злом”¹⁷, негативно сказывающемся на процессе обучения и социализации молодежи. Студенческие бунты и беспорядки в его представлении подрывали в общественном сознании авторитет правительства или отдельных его представителей и чиновников, неспособным справиться с этим злом, а иногда им фактически и потворствующим. Молодежь приучалась “к неповиновению властям, к буйству, к бесчинствам и даже к насилиям против должностных лиц, вообще к революционному образу действий”¹⁸, не занимаясь учебой, а целиком и полностью уходя с головой в политику. Кроме того, “студенческие беспорядки неминуемо сопровождаются увольнением или исключением из высших учебных заведений более или менее значительного числа замешанных в них молодых людей”¹⁹.

А.И. Георгиевский солидаризируется с мнением В.К. фон Плеве, что уволенные из учебных заведений студенты “ожесточаются против всего общественного и государственного строя” и “являют собой главный контингент, из которого крамола вербует своих деятелей”²⁰, фактических деструкторов-разрушителей России.

А.И. Георгиевский отмечает значимую роль в организации студенческих бунтов и беспорядков польских студентов-сепаратистов, выявленную по ходу расследования причин студенческих выступлений: «Следственной по делу Каракозова комиссией графа М.Н. Муравьева было, между прочим, обнаружено деятельное, в возбуждении всех этих беспорядков, начиная с 1858 г., участие весьма многочисленных во всех университетах, особенно же в столичных, студентов польского происхождения, которые в 1863 г. сверх того уходили в большом числе в отряды повстанцев. Последовало ограничение числа студентов польского происхождения 20%, и независимо от сего было Высочайше повелено 21-го августа 1866 г., дабы “положить конец, елико возможно, зла, растравляющему наше молодое поколение, установить, для успешнейшего надзора за студентами вне стен университетов, более связи и взаимной поддержки в совокупных действиях университетского и полицейского начальства, с целью тщательного изыскания и определения необходимых в сем отношении мер”, составить особую комиссию»²¹.

¹⁷ Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 4–5.

Среди работ представителей научного и экспертного сообщества по изучению антисистемных умонастроений в интеллигентской и молодежной среде обращают на себя внимание работы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.А. Тихомирова и Б.Н. Чичерина, незаслуженно забытых и практически не упоминаемых авторов в многочисленных учебниках и учебно-методических материалах по социологии молодежи.

Н.А. Бердяев писал о негативном влиянии западничества, нигилистских и максималистских установок на умонастроения молодых людей и процесс образования: «К “науке” и “научности” наша интеллигенция относилась с почтением и даже с идолопоклонством, но под наукой понимала особый материалистический догмат, под научностью особую веру, и всегда догмат и веру, избобличающую зло самодержавия, ложь буржуазного мира, веру, спасающую народ или пролетариат. Научный позитивизм, как и все западное, был воспринят в самой крайней форме и превращен не только в примитивную метафизику, но и в особую религию, заменяющую все прежние религии. А сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и если они были политическими индифферентистами, то сама наука их считалась не настоящей. Интеллигентная молодежь начинала обучаться науке по Писареву, по Михайловскому, по Бельтову, по своим домашним, кряковым “ученым” и “мыслителям”. О настоящих же ученых многие даже не слышали»²².

С.Н. Булгаков акцентировал внимание на проблемах духовного состояния российского общества, отмечал догматизм и почти религиозное легкомыслие в принятии интеллигенцией русского атеизма — первого члена «символа веры нашего “западничества”»²³. При этом в этой самой антисистемной и антинациональной среде российской интеллигенции сформировался самый настоящий культ молодежи, который С.Н. Булгаков вслед за С.Н. Сыромятниковым именовал “духовной педократией” (т.е. “правлением детей”). Учащаяся российская молодежь, “благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей,

²² Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда* // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 11.

²³ Булгаков С.Н. *Героизм и подвижничество* // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. С. 32–33.

однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества”²⁴, в восприятии российской интеллигенции становится своеобразным воплощением героического максимализма, как полная противоположность в христианстве старчеству и подвижничеству. Духовная болезнь русской интеллигенции закономерно привела к тому, что идеалом для российского интеллигента становится не христианский святой-подвижник, а образ “революционного студента”, перед которым тот находится в своеобразной “духовной зависимости”, заискивает и мнению которого всячески потакает²⁵.

«Духовная педократия — есть величайшее зло нашего общества, а вместе и симптоматическое проявление интеллигентского героизма, его основных черт, но в подчеркнутом и утрированном виде. Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения “учащейся молодежи” оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для тех, и для других. Исторически эта духовная гегемония стоит в связи с той действительно передовой ролью, которую играла учащаяся молодежь со своими порывами в русской истории, психологически же это объясняется духовным складом интеллигенции, остающейся на всю жизнь — в наиболее живучих и ярких своих представителях — тою же учащеюся молодежью в своем мировоззрении. Отсюда то глубоко прискорбное и привычное равнодушие и, что гораздо хуже, молчаливое или даже открытое одобрение, с которым у нас смотрят, как наша молодежь без знаний, без опыта, но с зарядом интеллигентского героизма берется за серьезные, опасные по своим последствиям социальные опыты и, конечно, этой своей деятельностью только усиливает реакцию. Едва ли в достаточной мере обратил на себя внимание и оценен факт весьма низкого возрастного состава групп с наиболее максималистскими действиями и программами. И, что гораздо хуже, это многие находят вполне в порядке вещей. “Студент” стало нарицательным именем интеллигента в дни революции»²⁶.

Об упомянутом культе молодежи фактически говорил и основоположник русского классического либерализма Б.Н. Чичерин, который призывал к защите традиционных ценностей русского народа от нападков радикальных либералов. Он отмечал искусственное и своеобразное противопоставление молодежи сторонникам традиционных ценностей русского общества, характерное для радикально-либерального и революционного дискурса,

²⁴ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. С. 43.

²⁵ Там же. С. 44.

²⁶ Там же. С. 43–44.

а также манипулятивные технологии, которые в целях пропаганды используются радикальными либералами. В частности, он писал о том, что слово “консерватор” благодаря активной пропаганде, навешиванию “ярлыков”, применению манипулятивных технологий радикальными либералами приобрело в общественном сознании негативную смысловую нагрузку. В силу чего “малейший оттенок консерватизма немедленно ставит человека в разряд отсталых, отпетых людей и делает его предметом насмешек, брани и клеветы. Консерваторам, старикам, противопоставляется молодежь”²⁷.

Хотя как отмечает Б.Н. Чичерин, под молодежью радикальные либералы понимают не собственно говоря молодежь как потенциал, надежду нации и ее активную часть, «а молодежь как нарицательное имя. В ее ряды с жадностью вступают и старцы, украшенные сединами, хотя, разумеется, 17-летний юноша всегда сохраняет преимущество даже над 30-летним мужчиной, который искушен уже соблазнами жизни, успел отведать запрещенного плода бюрократии. Молодежь — это все то, что в мыслях, но в особенности на словах окончательно разделалось со старым, не успев придумать ничего нового; все, что вечно кипит и негодует неизвестно часто зачем; все, что ратует во имя свободы и не терпит чужого мнения; все, что выезжает на фразеях, не давая себе труда изучить и понять существующее; все, что выкинуло из своих понятий категории действительного и возможного и осталось при одних лишь безграничных требованиях и ничем не сдержанных увлечениях. Бедная молодежь! Зачем твоим привлекательным именем окрестили это беспутное казачество, которое называется современным или передовым направлением в России? Впрочем, и настоящую молодежь успели сбить с толку. Как не поверить, когда юноше беспрестанно твердят: “Все старое — дурно, все новое — хорошо, ополчайся на врагов прогресса, Россия возложила на тебя свои надежды!” И юноша всем пылом свежей души ненавидит непонятое им старое и жаждет неизвестного ему нового»²⁸.

Также Б.Н. Чичерин отмечал как негативное явление чрезмерную вовлеченность учащейся молодежи в политику, что плохо сказывалось на ее социализации и социальном развитии. Социальный портрет российской молодежи определялся им посредством применения следующих ее характеристик:

“Молодежь не сама себя создает, а создается теми условиями, в которых ее воспитывает семья и в которые ставит ее общество;

²⁷ Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. 22 февраля. № 39.

²⁸ Там же.

она обладает притом некоторыми свойствами, присущими юному возрасту везде и во все времена: склонностью увлекаться общими идеями, радикализмом воззрений, самоуверенностью и потребностью проявлять свою самостоятельность”²⁹.

“В молодежи слабо развита критика, а потому суждения ее по отношению к людям часто бывают ошибочны, поверхностны; молодые люди склонны принимать громкие фразы за глубокие истины, напускной пафос за глубину чувства; в оценке людей они далеко не так чутки, как принято думать: они не всегда умеют отличить истинное чувство доброжелательства от показного”³⁰.

Причины молодежных бунтов и радикализма Б.Н. Чичерин усматривал не столько в действии внешних сил, сколько во внутренних конфликтах-противоречиях, связанных с особенностями развития российского общества и государства.

Весьма ценным источником при изучении манипулятивного воздействия на молодежь являются воспоминания, наблюдения и работы Л.А. Тихомирова. Л.А. Тихомиров как бывший идеолог революционного движения в России и один из руководителей экстремистской и террористической организации на своем собственном примере и жизненном опыте отмечал явную дисфункцию систем среднего и высшего образования, толкающих активную молодежь в революционные экстремистские и террористические организации. Как он описывал свое мироощущение после окончания гимназии, “все мы были пропитаны, так сказать, культурно-отрицательным направлением. Религия у всех была подорвана, монархический принцип — также, все были проникнуты идеями свободы и демократизма, бродили в нас даже идеи смутного социализма”³¹. Активным сторонником грядущей революции сам Л.А. Тихомиров стал, уже учась в университете. Как он описывал умонастроения своего поколения: “Мы, молодежь 60-х годов, плыли по течению разрушительного либерализма вместе со всей Россией. Первыми, основными авторитетами в нас сокрушающимися, были Бог, вера, Церковь, а с ними падали и общественные авторитеты”³².

“Я был революционер. Революцию все — все, что я только ни читал, у кого ни учился — выставляли некоторым неизбежным фазисом. Это была у нас, у молодежи, вера. Мы не имели никакого, ни малейшего подозрения, что революции может не быть. Все

²⁹ Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html. (дата обращения: 05.09.2017).

³⁰ Там же.

³¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 207.

³² Там же. С. 164.

наши Минье, Карлейли, Гарнье-Пажесы, Добролюбовы, Чернышевские, Писаревы и так далее — все, что мы читали и слышали, все говорило, что мир развивается революциями. Мы в это верили, как в движение Земли вокруг Солнца. Нравится этот закон или нет — закон остается в силе. Такая же безусловная вера была у нас относительно социализма, хотя понимаемого смутно, очень смутно. Так же мы делали материалистами. Материализм доходил до полного кощунства”³³.

При этом, «эта вера в революцию была у нас создана опять же отнюдь не какими-нибудь заговорщиками, эмигрантами и профессиональными революционерами. Это старинная “западническая” идея, пришедшая из Франции и вполне логично укоренившаяся в нашем образованном классе. Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро. Чем больше времени прошло без революции, тем, стало быть, меньше осталось ждать. Очень ясно! Само собой, при известном мирозерцании люди ждали “пришествия” с радостью»³⁴.

Считая молодежную проблематику “вопросом о будущем страны”³⁵, Л.А. Тихомиров выделял характерные особенности положения молодежи как особой социальной и возрастной группы, ее сильные и слабые стороны. Сильную сторону молодежи, на его взгляд, “составляют интенсивные нравственные побуждения. Но рядом с этим неизбежную слабую сторону всякой молодежи современной, как и прошлой и будущей, всегда составляет незрелость, а стало быть, и несамостоятельность умственная. Ни за эти хорошие, ни за эти плохие качества молодежь нельзя особенно ни хвалить, ни порицать, потому что, в конце концов, это дело возраста”³⁶.

Из этих возрастных особенностей свойственных молодежи, на взгляд Л.А. Тихомирова “вытекает главнейшее требование, которое приходится ставить молодежи: личного, самостоятельного усвоения духовного наследия предшественников и приобретения таким образом способности к выработке чего-либо для последующих поколений”³⁷. Однако успешная социализация молодых людей

³³ Воспоминания Льва Тихомирова / Предисл. В.И. Невского, вст. ст. В.Н. Фигнер. М.; Л., 1927. С. 218.

³⁴ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 93.

³⁵ Тихомиров Л.А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 225.

³⁶ Тихомиров Л.А. Молодежь и ее учителя // Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 560–561.

³⁷ Там же. С. 561.

в значительной степени будет обусловлена деятельностью ее учителей — агентов социализации. А вот как раз здесь было не все в порядке.

В своей работе “Молодежь и ее учителя” Л.А. Тихомиров констатировал, что российская молодежь фактически стала объектом масштабного воздействия на нее не патриотических, а антинациональных сил: «безнациональное и антинациональное западничество издавна и столь же естественно смотрело на молодежь как на главную, самую удобную для воздействия среду. По самому возрасту молодежь менее проникнута традициями национальными и, не имея опыта, более поддается чисто теоретическому влиянию. Точно также, по самому возрасту, она представляет среду наиболее бунтливую, любящую пошуметь. Для отрицательной пропаганды она, естественно, наиболее удобна. Поэтому издавна наше западничество всех оттенков, начиная от деятелей постепенного, “легального” переворота и кончая крайними революционерами, сплотилось в целый ряд организаций для воздействия на молодежь. В конце концов множество всегда существующих кружков с характером вполне вольным и частным, а иногда и в виде строго сплоченных организаций, окружают молодежь сетью воздействий, дружно отстраняющих ее от всех “посторонних” влияний. Известно, что очень давно у этих “опекунов” молодежи установилась тактика: систематически “не допускать” молодежь ни до чего “еретического”, не показывать ей “чужих” книг, объявлять компрометирующим самое желание познакомиться непосредственно с проповедниками “чужих” учений и т.п.»³⁸.

Как утверждал Л.А. Тихомиров, для значимой части российской интеллигенции прозападной ориентации молодежь стала своеобразным средством “для достижения своих политических и социальных целей”: «Их задача исторически сложилась не в том смысле, чтобы вырабатывать наибольшую развитость и умственную самостоятельность молодежи, а в том, чтобы привить молодежи свои собственные взгляды... Не выработка человека нужна для партийного деятеля, а выработка члена партии. Если этого нельзя достигнуть повышением ученика, то партийный деятель не останавливается перед понижением его. Он отстраняет ученика от целых областей человеческого мышления и ощущения. Он отстраняет ученика от представителей этих чуждых и враждебных для партии областей. Все это хотя естественно, но вместе с тем прямо губительно для развития молодежи, и в общей сложности воздействие на

³⁸ Тихомиров Л.А. Молодежь и ее учителя. С. 561–562.

нее таких ее “учителей” было и остается в культурном смысле истинным несчастьем. Дело тем печальнее, что, понижая молодежь, наше западничество с каждым поколением тем самым все более понижалось и само... В конце концов этот слой, крепко окружающий молодежь кольцом своего традиционного влияния, выродился до чрезвычайной степени, становясь вреднейшим тормозом развития ее. В таком положении было бы особенно важной заслугой указать молодежи возможность самостоятельной работой сколько-нибудь восполнить прорехи, производимые влиянием среды»³⁹.

При такой системе образования и умонастроениях российской интеллигенции, которая «так “иностранна”, так чужда своему, национальному, что и не понимает его»⁴⁰, самостоятельная работа молодых людей была крайне затруднена. Вся российская система среднего и высшего образования не выполняла возложенные на нее функции по воспитанию и развитию патриотизма и гражданственности среди молодежи. Учащаяся молодежь превращалась в слой, который являлся “главным орудием денационализации России”: «С первоначальной школы до университета наше образование ведет к тому, чтобы оторвать русского от России. Из выработанных так людей потом выходят все наши деятели, учителя, законодатели. Из них же вышла и наша революция и вполне достойная ее “конституция”»⁴¹.

Исправить эту негативную ситуацию должна была молодежь патриотическая, хотя она и представляла собой “ничтожное меньшинство”⁴² в процентном соотношении к учащейся молодежи. Именно благодаря деятельности патриотической молодежи, учащаяся молодежь, из “главного орудия денационализации России”, ставшая таковой во многом благодаря либералам-западникам “от образования” и деятельности различных деструктивных сил, должна была стать тем “чем Россия до сих пор обладает так мало: русского образованного класса, действующего сознательно в направлении русских идеалов”⁴³.

При этом следует отметить, что Л.А. Тихомиров в целом, как и многие другие авторы, негативно относился к участию молодежи в политической деятельности, поскольку это плохо сказывается на процессе ее становления и последующего развития.

³⁹ Тихомиров Л.А. Молодежь и ее учителя. С. 562–563.

⁴⁰ Тихомиров Л.А. Что делать молодежи? // Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 579.

⁴¹ Тихомиров Л.А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. С. 232.

⁴² Там же. С. 229.

⁴³ Тихомиров Л.А. Что делать молодежи? С. 580.

Л.А. Тихомиров не признавал за молодежью статуса субъекта в различных политических и социальных процессах. Он рассматривал молодежь как определенный объект воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности. С безусловно патерналистских позиций Л.А. Тихомиров констатировал, что: “молодежь не может вынести на своих плечах судьбы страны. Как бы ни была она высоко настроена, у нее все-таки нет ни достаточной подготовки, ни средств действия. Она не может не впадать в огромные ошибки в определении самого положения вещей и в нахождении средств выхода из него. Поэтому действительно инициативной роли учащаяся молодежь никогда и не имеет. Даже и ее роль в нашей революции, на вид такая громкая и решающая, в действительности была прежде всего лишь ролью орудия, подстрекаемого старшими поколениями”⁴⁴.

Размышляя об участии молодежи в революционном движении, задачах и миссии учителей молодежи, Л.А. Тихомиров давал совет молодежи, как не стать объектом манипулятивного воздействия: «думайте, наблюдайте, учитесь, не верьте на слово, не поддавайтесь громким фразам, не позволяйте себя страшить ни “великими могилами”, ни “переметными сумами”. Примерьте двадцать раз, прежде чем отрежете»⁴⁵.

Для того чтобы не стать объектом манипулятивного воздействия, молодые люди должны “наряду с усвоением мудрости старшего поколения, самостоятельно работать над развитием своей личности, сознательно готовиться к будущей роли граждан”⁴⁶.

Только так можно стать «действительно самостоятельным человеком, а не мальчиком, доверчиво слушающим всякие глупости, печатаемые лондонскими эмигрантами, или своих домашних попугаев “прогресса”. Не составляет самостоятельности и простая дерзость неведения. Самостоятельность — в том, чтобы действительно знать дело, уметь рассудить, уметь выбрать и быть способным к творчеству. К выработке такой самостоятельности и должна стремиться молодежь, чтобы быть не “холопами” чуждого просвещения, быть не слепым орудием агитаторов, а действительно самостоятельными русскими людьми, знающими себя, свою страну, ее нравственные силы, ее идеалы... И тогда — очень буду рад, если они, став зрелыми, начнут самостоятельно действовать»⁴⁷.

⁴⁴ Тихомиров Л.А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи. С. 225.

⁴⁵ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 40.

⁴⁶ Тихомиров Л.А. Что делать молодежи? С. 572.

⁴⁷ Там же. С. 580.

Участие молодежи в революционном движении и организациях закономерно вызывало крайнюю обеспокоенность со стороны здоровых сил общества, понимавших к чему это может привести. Это требовало выработки со стороны государства и этих сил, полномасштабной стратегии противодействия этой разрушительной практике. И в том числе речь шла о контрпропаганде.

В той ситуации, когда официальные должностные лица, имея на руках оперативную информацию спецслужб, могли тем не менее только намекать на подрывные действия иностранных государств, направленные на поддержку сепаратистских, экстремистского и террористического движений в России, с целью дестабилизации обстановки в стране, некоторые публицисты имели возможность делать это открыто. Они делали эту информацию, получаемую скорее всего ими от спецслужб, достоянием общественности.

К подобного рода произведениям относится в настоящее время практически забытая книга Ф.П. Еленева “Студенческие беспорядки” 1888 года издания. В данной работе Ф.П. Еленев дает блестящий анализ причин студенческих беспорядков в России, отмечая особую роль внешнего фактора в развитии данных событий.

В самом начале данной работы Ф.П. Еленев размышляет о процессе образования студенческих толп и организационных элементах студенческих выступлений. В частности, он пишет: “В студенческих беспорядках более всего поражают два обстоятельства: стадное свойство нашей молодежи устремляться бессознательно и всей массой в ту сторону, куда ей свистнут какие-то невидимые коноводы, и во-вторых эта таинственная неизвестность главных коноводов, которые, при всех студенческих беспорядках, как бы проваливались сквозь землю и оставались неразысканными. Стадность есть общее свойство всякой толпы, составленной из людей темных или, по своей молодости, лишенных всякой житейской опытности... Учащаяся молодежь, как бы много она о себе ни мечтала, представляет для всякого рода совращений и поджигательства такую же податливую массу, как и крестьянская толпа. Одна темна по своему невежеству, другая по своей молодости, неопытности и неумеренно высокому о себе мнению (гордость ослепляет человека — старинная истина)”⁴⁸.

На взгляд Ф.П. Еленева, организаторы массовых беспорядков оказывают различное воздействие на толпу простонародья и толпу учащейся молодежи. Толпу простонародья они возбуждают “преимущественно какую-нибудь чисто материальной приманкой (земля-де будет ваша и не будете вы платить никакого оброка помещику),

⁴⁸ Еленев Ф.П. Студенческие беспорядки. СПб., 1888. С. 5–6.

и чувственная впечатлительность черни разыграется в сцене кровавого насилия”⁴⁹. Применительно к молодежи используется иная стратегия: “...поджигатели же молодежи всегда играют в самых благородных и великодушных чувствах человеческой природы, только направляя их в сторону беспорядка; но им никогда не удавалось довести нашу молодежь в целой массе до насильственных действий”⁵⁰.

Ф.П. Еленев акцентирует внимание на том, кто в реальности является организатором различных студенческих выступлений, используя студенческую молодежь как средство-ресурс по дестабилизации обстановки в стране и достижения своекорыстных целей:

“Из этого вовсе однако не следует, что в студенческих беспорядках не было поджигателей и руководителей: мы желали сказать, что их надобно искать не между теми горячими головами или несмышленными юнцами, которые выскакивают вперед и громче других ораторствуют. Наичаще эти последние суть только личности, сильнее других воспламеняющиеся, иногда даже более других великодушные и напрашивающиеся на подвиги самопожертвования. Главные подстрекатели скрываются в самых задних рядах студенческой толпы, молчаливые и наблюдающие, или даже вовсе не являются в минуту вспышки, в уверенности, что обработанное и нахлестанное ими Панургово стадо само выполнит свою роль в наилучшем виде. Почти во всех прежде бывших беспорядках несомненно было доказано участие посторонних подстрекателей”⁵¹.

Это утверждение Ф.П. Еленев иллюстрирует красочным примером уличной акции, осуществленной в столице зимой 1878 г., когда участвующие в ней молодые люди несли на руках «“сына народа” в образе какого-то оборванного мальчугана, с целью поджечь народ к бунту», в то время как подробное описание данной акции появилось по ошибке за два дня до ее проведения “в одной мадьярской газете”⁵².

Ф.П. Еленев обращает внимание на масштаб и системный характер организации студенческих бунтов и выступлений: “Студенческие беспорядки почти всегда вспыхивали одновременно в разных университетах, несомненно указывая на то, что они были задуманы по одному общему плану и подожжены нарочно для того разосланными эмиссарами. Эти, так сказать, эпидемические студенческие беспорядки всегда совпадают с такими политическими

⁴⁹ Еленев Ф.П. Указ. соч. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 7–8.

⁵¹ Там же. С. 8–9.

⁵² Там же. С. 9.

обстоятельствами, когда нашим иностранным друзьям надобно было запугать русское правительство призраком государственного переворота и через это сделать его стоворчивей, либо отвлечь его внимание от тех вопросов, где его участие было им нежелательно”⁵³.

Примерами, подтверждающими данное утверждение, на взгляд Ф.П. Еленева, являются студенческие беспорядки с участием польских студентов 1861 г., а также студенческие волнения 1869 г., “большая часть которых одновременно вспыхивала в разных университетах и совпадала с усилиями наших врагов застрашать русское правительство призраком народного бунта и сбить его с занимаемых позиций”⁵⁴.

По мнению Ф.П. Еленева, значимую роль в организации этих событий играют наши геополитические недруги, стремящиеся дестабилизировать обстановку в стране-конкуренте, дабы отвлечь русское правительство от международных дел, ослабить ее позиции на международной арене и получить от этого иные преференции.

“Средства, которыми располагали члены этих кружков для поездок за границу, для печатания там возмутительных брошюр и литографий, в сотнях тысяч экземпляров разбрасываемых среди нашего народа, для заведения внутри России тайных типографий и динамитных лабораторий, для содержания конспиративных квартир и пр., ясно указывают на доставляемые им откуда-то значительные денежные суммы, которых никак не могли иметь у себя русские анархисты, состоящие преимущественно из подонков разных сословий. Последние студенческие беспорядки в декабре 1887 года, вспыхнувшие одновременно, как бы от действия общего электрического тока, почти во всех русских университетах и в некоторых других учебных заведениях, совпали с усилиями западных держав запугать Россию четвертою коалицией и навсегда оттереть ее от Балканского полуострова”⁵⁵.

С подобного рода подходом солидаризируется и известный российский издатель, мыслитель, влиятельный общественно-политический деятель М.Н. Катков. Анализируя состояние системы высшего образования в России, М.Н. Катков констатирует, что “Наши университеты ныне что угодно, только не рассадники высших знаний. Назовите их опытом (увы! не блистательным) конституционного режима в самодержавном государстве, экспедициями заготовления дипломов, обществами взаимного страхования от

⁵³ Еленев Ф.П. Указ. соч.

⁵⁴ Там же. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 11.

научного труда, клубами любителей чего-то, но университетами они станут, лишь когда исключительной целью их будет наука”⁵⁶.

При этом учащаяся молодежь становится объектом масштабного пропагандистского и манипулятивного воздействия со стороны не только внешних, но и внутренних антисистемных и разрушительных сил, стремящихся дестабилизировать обстановку в стране и разрушить российскую государственность. М.Н. Катков, анализируя содержание прокламации М. Бакунина “Несколько слов к молодым братьям в России”, отмечал:

«Никогда революционный жаргон не доходил до такого безобразия, никогда поругание здравого смысла не простиралось до такого цинизма, никогда бесчестный расчет не выказывал себя с такой наглостью, как в этом гнусном издании. Оно рассчитано на две стороны. Прямое действие его направлено на самую испорченную и на самую незрелую часть нашей нигилистствующей молодежи. С другой стороны, оно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление в высших слоях нашего общества и администрации и поддержать там наветы тех партий, которые действительно составляют заговор под прикрытием якобы консервативных начал. Нельзя и на минуту допустить, чтобы человек, писавший это воззвание был искренен и сам верил дикому сумбуру своих слов... Бакунин поздравляет наше бедное молодое поколение с духом “противугосударственным” и “всеразрушительным”. Какой лестный и возбуждающий комплимент для мальчишек! “Всеразрушительный дух” это священный недуг, и если бы “молодые братья” выздоровели от этого недуга, то они “стали бы скотами”. Этого мало: есть название хуже, чем “скоты”. “Вы, — говорит он, — заслужили бы право называться всероссийскими патриотами”. Бакунин, как видите, не жалуется *всероссийских патриотов*»⁵⁷.

Рассматривая цели, которые ставили перед собой эти манипуляторы-антисистемщики, М.Н. Катков справедливо и нещадно клеймит их, как фактических врагов России.

“Кому нужно вносить эти квазидоктрины в беззащитные головы ребятишек обоего пола, связывать их призраком какого-то таинственного общего дела и поджигать их на преступные покушения, которые навлекают на них всеобщие проклятия их народа? Друзья народа не могут этого делать; это могут делать только его враги, кто бы они ни были... Но если у России есть враги, то им ничего не может быть приятнее, как порча русской молодежи и

⁵⁶ Катков М.Н. Ключ предстоящей реформы университетов // Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009. С. 468.

⁵⁷ Катков М.Н. Кто наши революционеры // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 368–369.

порушение русского патриотизма. Врагам России естественно позаботиться, чтобы дать этому позору вид революционной организации. Всякая мерзость для врага есть дело пригодное, и если бы не было Бакунина, Нечаева и *tutti quanti*, то враги России должны были бы создать их. Враги России и создали их. Наши так называемые революционеры — это орудие в руках наших врагов”⁵⁸.

Подводя итог анализу и обзору исследований манипулятивного воздействия различных субъектов общественной жизнедеятельности на российскую молодежь в имперский период отечественной истории, можно уверенно констатировать, что данная проблематика являлась крайне актуальной, популярной и востребованной в рамках официального, социально-политического и научного дискурса того времени. При этом данную проблематику в основном поднимали в рамках различных исследуемых тем, как официальные правительственные лица, так и ученые, эксперты и публицисты консервативно-охранительного направления русской социально-политической мысли.

Среди лиц, внесших значимый вклад в изучение данной проблематики, следует отметить министра юстиции И.К. Палена, К.П. Победоносцева, А.И. Георгиевского, А.С. Изгоева, М.Н. Каткова, Ф.П. Еленева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.А. Тихомирова, Б.Н. Чичерина и др. Исследуя кризис базовых институтов социализации российской молодежи, проблемы реформирования системы образования, участие молодежи в политической деятельности, рост молодежного экстремизма и преступлений террористической революционной направленности, антисистемные проявления и духовный недуг российской интеллигенции, а соответственно и духовную слабость российского общества, каждый из них в той или иной степени затрагивал в своих работах вопросы, связанные с манипулятивным воздействием на российскую молодежь различных субъектов общественной жизнедеятельности. Констатируя факты, значимость или незначительность (в зависимости от персональных позиций авторов) силы внешнего воздействия геополитических недругов России на социально-политические процессы жизнедеятельности российского общества, они фактически единодушно признавали учащуюся российскую молодежь объектом манипулятивного воздействия со стороны внутренних антисистемных, радикально-либеральных и революционных сил.

Влияние западничества, нигилистских и максималистских установок, господствующих и преобладающих в интеллигентской и молодежной среде, воспринимались ими как непосредственная угроза

⁵⁸ Катков М.Н. Кто наши революционеры. С. 369–371.

национальной безопасности, государственному строю, традиционным российским ценностям и общественному здоровью страны. И как показали революционные события 1917 г. в России, они были правы в своих опасениях.

К сожалению, изучаемая ими проблематика не утратила своей актуальности и для современного российского общества и государства. Особенно это злободневно в контексте постоянно предпринимаемых в Российской Федерации попыток осуществления очередной “цветной” революции. Не допустить повторения событий столетней давности – первостепенная задача, стоящая перед каждым российским патриотом и гражданином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Бороздин А.К. Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1900.

Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Воспоминания Льва Тихомирова / Предисл. В.И. Невского, вступ. ст. В.Н. Фигнер. М.; Л., 1927.

Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер против студенческих беспорядков. СПб., 1890.

Еленев Ф.П. Студенческие беспорядки. СПб., 1888.

Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // Былое. 1907. № 9.

Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Катков М.Н. Ключ предстоящей реформы университетов // Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.

Катков М.Н. Кто наши революционеры // Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.

Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 9. М., 1967.

Победоносцев К.П. Об университетском преподавании // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.

Победоносцев К.П. Учение и учитель // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.

Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 3.

Тихомиров Л.А. Молодежь и ее учителя // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997.

Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997.

Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997.

Тихомиров Л.А. Что делать молодежи? // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997.

Тихомиров Л.А. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000.

Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html (дата обращения 05.09.2017).

Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. 22 февр. № 39.

Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

REFERENCES

Berdjaev N.A. Filozofskaja istina i intelligentskaja Pravda [Philosophical truth and intellectual truth] // Vehi. Sbornik statej o ruskoj intelligencii. M., 1909 (in Russian).

Borozdin A.K. Studencheskoe nauchno-literaturnoe obshhestvo pri Sankt-Peterburgskom universitete [Student's scientific and literary society at the St. Petersburg university]. SPb., 1900 (in Russian).

Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and self-sacrifice] // Vehi. Sbornik statej o ruskoj intelligencii. M., 1909 (in Russian).

Chicherin B.N. Mysli o sovremennom polozhenii Rossii [Thoughts of modern position of Russia]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html (data obrashhenija 05.09.2017) (in Russian).

Chicherin B.N. Chto takoe ohranitel'nye nachala? [What is the guarding beginnings?] // Nashe vremja. 1862. 22 Fevr. N 39 (in Russian).

Elenev F.P. Studencheskie besporjadki [Student's disorders]. SPb., 1888 (in Russian).

Elishev S.O. Molodjozh' kak ob#ekt socializacii i manipuljacij [Youth as an object of socialization and manipulation]. M., 2015 (in Russian).

Georgievskij A.I. Kratkij istoricheskij ocherk pravitel'stvennyh mer protiv studencheskih besporjadkov [A short historical sketch of government measures against student's disorders]. SPb, 1890 (in Russian).

Izgoev A.S. Ob intelligentnoj molodjozhi [About intelligent youth] // Vehi. Sbornik statej o ruskoj intelligencii. M., 1909 (in Russian).

Katkov M.N. Kljuch predstojashhej reformy universitetov [Key of the forthcoming reform of universities] // Katkov M.N. Ideologija ohranitel'stva. M., 2009 (in Russian).

Katkov M.N. Kto nashi revoljucionery [Who our revolutionaries] // Katkov M.N. Ideologija ohranitel'stva. M., 2009 (in Russian).

Lenin V.I. Pis'mo A.A. Bogdanovu i S.I. Gusevu [Letter to A.A. Bogdanov and S.I. Gusev] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v pjatidesjati pjati tomah. T. 9. M., 1967 (in Russian).

Pobedonoscev K.P. Ob universitetskom prepodavanii [About university teaching] // Pobedonoscev K.P. Sochinenija. SPb., 1996 (in Russian).

Pobedonoscev K.P. Uchenie i uchitel' [Doctrine and Teacher] // Pobedonoscev K.P. Sochinenija. SPb., 1996 (in Russian).

Shvarc A.N. Moja perepiska so Stolypinym. Moi vospominanija o Gosudare [My correspondence with Stolypin. My memories of the Sovereign]. M., 1994 (in Russian).

Sorokin P.A. Krizis sovremennoj sem'i [Crisis of modern family] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 1997. N 3 (in Russian).

Tihomirov L.A. Molodjozh' i ejo uchiteli [Youth and its teacher] // Tihomirov L.A. Kritika demokratii. M., 1997 (in Russian).

Tihomirov L.A. Nachala i koncy. Liberaly i terroristy [Beginnings and ends. Liberals and terrorists] // Tihomirov L.A. Kritika demokratii. M., 1997 (in Russian).

Tihomirov L.A. Pochemu ja perestal byt' revoljucionerom [Why I have stopped being the revolutionary] // Tihomirov L.A. Kritika demokratii. M., 1997 (in Russian).

Tihomirov L.A. Chto delat' molodjozhi? [What to do to youth?] // Tihomirov L.A. Kritika demokratii. M., 1997 (in Russian).

Tihomirov L.A. K voprosu ob obshhestvennoj dejatel'nosti uchashhejsja molodjozhi [To a question of the public work studying Youth] // Tihomirov L.A. Apologija very i monarhii. M., 1999 (in Russian).

Tihomirov L.A. Teni proshlogo. Vospominanija [Shades of the past. Memoirs]. M., 2000 (in Russian).

Vospominanija L'va Tihomirova [Lev Tikhomirov's memoirs] / Predisl. V.I. Nevskogo, vstup. St. V.N. Figner. M.; L., 1927 (in Russian).

Zapiska ministra justicii grafa Palena. Uspehi revoljucionnoj propagandy v Rossii (1875 g.) [Note of the Minister of Justice count Palen. Progress of revolutionary promotion in Russia (1875)] // Byloe. 1907. N 9 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174

МОЛОДЕЖЬ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Г.В. Леонидова, канд. эконом. наук, зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, ул. Гоголя, д. 53а, г. Вологда, Россия, 160014*

М.А. Головчин, канд. эконом. наук, старший научный сотрудник лаборатории исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, ул. Гоголя, д. 53а, г. Вологда, Россия, 160014**

Происходящие в последние десятилетия в стране перемены коренным образом изменили условия жизни всех слоев и групп российского общества. В этих условиях устойчивое развитие общества и экономики во многом зависит от того, каким образом протекает смена человеческих поколений, т.е. от процесса, вследствие которого в социокультурном пространстве появляются новые акторы, оптимально воспринимающие ценности нового порядка, безболезненно становящиеся их носителями, преобразующие окружающий мир в соответствии с ними и играющие роль посредников в формировании нового ряда ценностных детерминант.

В статье авторы обращаются к опыту исследования молодого населения. Обобщена информация о школах, сложившихся в этом направлении научной мысли на Западе, а также результаты советских и российских исследовательских проектов.

Отдельно представлен исследовательский опыт Вологодского научного центра РАН. На основании этого опыта определен круг проблем развития молодежной когорты в сфере здоровья, трудоустройства после обучения в колледжах/вузах, социальной и политической активности.

В статье авторы исходят из того, что молодежь является той социальной группой, чьи характеристики непосредственно определяют будущее развитие страны, и что в силу неустоявшихся социальных стереотипов, она является той группой населения, качественные черты которой можно корректировать и задавать желаемый тип общественного поведения.

В работе предложена гипотеза, в соответствии с которой рост инвестиций в молодежную политику, а также системная работа по формированию необходимых качеств молодежи, воспитанию ее гражданской и политической активности, вовлечению в продуктивную деятельность позволят существенно повысить качество ее человеческого потенциала и увеличить экономическую и социальную отдачу для общества.

* Леонидова Галина Валентиновна, e-mail: galinaleonidova@mail.ru

** Головчин Максим Александрович, e-mail: mag82@mail.ru

Гипотеза подтверждалась на данных цикла эмпирических исследований, проводимых с 1997 г. на территории Вологодской области, которые затрагивают вопросы здоровья молодежи, ее творческой и трудовой активности, самореализации на рынке труда, социального самочувствия и личностных ценностей молодого населения.

В статье сделан акцент на проявлении в молодежной среде следующих черт: 1) наследственность традиционных форм идентичности, которые нередко завязаны на реализации меркантильных (потребительских) интересов и игнорировании гражданской активности; 2) несоответствие жизненных и образовательных траекторий профессиональному выбору; 3) позитивная динамика качества трудового потенциала молодежи при стабильном снижении качества их интеллектуального потенциала; 3) инструментализация отношения к ряду важных жизненных сфер (здоровья, образования, труда).

Авторы также указывают на ряд потенциальных возможностей по расширению методологического аппарата региональных исследований молодежи (в частности, формированию единого инструментария для составления социального портрета молодежи, определению комплексных затрат, нагрузки общества на развитие и воспитание подрастающего поколения на уровне отдельного региона).

Ключевые слова: *молодежь, возраст, социология, здоровье, профессиональные траектории, сверхквалификация, ценности.*

YOUTH IN THE DISCOURSE OF CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL STUDIES: REGIONAL ASPECT

Leonidova Galina V., Candidate of Economic Sciences, Head of Laboratory of research of problems of development of labor potential, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Gogol' Street, 53A, Vologda, Russia, 160014, e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Golovchin Maxim A., Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: mag82@mail.ru

Developments of the recent decades have radically changed the conditions of life of all social strata and groups of the Russian society. Under these conditions, the sustainable development of the society and the economy is largely dependent on the course of alternation of human generations — the process leading to the emergence of new actors in the socio-cultural environment, those who optimally perceive the modern values and painlessly become their bearers, transforming the world in accordance with them and playing the role of mediators in the formation of a new series of value determinants.

The authors refer to the experience of a youth cohort study. They summarize the information on the scientific schools existing in this area of scientific thought in the Western countries as well as the findings of Soviet and Russian research projects.

The study focuses on the research experience of the Vologda Research Center of RAS. Based on this experience, the article defines the circle of problems of the youth cohort in the field of health, employment after graduating from colleges / universities, social and political activity.

The research findings are based on the data of a cycle of empirical studies carried out since 1997.

The authors assume that young people are the social group whose characteristics directly determine the future development of the country, and that due to the unsettled social stereotypes, it is the group of people, whose quality features can adjusted according to the desired type of social behavior.

The study puts forth the hypothesis, according to which the growth of investment in youth policy, systematic work on the formation of the necessary qualities of youth, bringing up its civil and political participation, involvement in productive activities would significantly improve the quality of its human potential and enhance the economic and social returns to the society.

The article focuses on the following features in the youth environment: 1) heredity of techniques that are often tied to the realization of mercantile (consumer) interests and ignoring civic activity; 2) discrepancy of life and educational trajectories with professional choice; 3) positive dynamics of the quality of labor potential of young people with a stable decrease in the quality of their intellectual potential; 3) the instrumentalization of relations to a number of important spheres of life (health, education, labor).

The authors also discuss some of the potential opportunities to expand the methodological apparatus of the regional studies of youth.

Key words: *youth, age, sociology, health, professional trajectory, overqualification, values.*

Научное исследование молодого населения в мире и России. Молодежь является той частью российского общества, с которой в наибольшей степени связываются перспективы дальнейшего развития страны на ближайшие десятилетия. Как отдельную социально-демографическую группу молодежь отличают: а) возрастные характеристики; б) связанные с этими характеристиками психологические свойства и в) особый правовой и социальный статус, который определяется принадлежностью к молодому возрасту¹.

Говоря о возрастном критерии, заложенном в определение молодежи, необходимо отметить, что за его нижнюю границу обычно принимается момент завершения физиологических и психических процессов, связанных с половым созреванием; за верхнюю — момент окончательного вхождения человека в социум, освоения социальных норм и ролей.

¹ См.: *Белый О.И.* Определение понятия “молодежь” // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 156–158.

Поскольку в современном обществе процессы социализации проходят по-разному в зависимости от сложившихся на разных территориях традиций, социально-экономических и культурных условий, жестких и универсальных границ для возраста молодежи не существует. В разных документах он чаще всего определяется в пределах от 14 до 30 лет, но для молодых специалистов “продлевается” вплоть до 40 лет².

Проблема “размытости” возрастных границ дополняется территориальной неоднородностью молодежи как социально-демографической группы. Принимая за базу расчетов условную границу молодежного возраста 15–29 лет, мы видим, что в высокоразвитых государствах доля молодых групп в населении страны достигает в среднем 20%, в развивающихся и наименее развитых переходит за отметку 25% (табл. 1).

В сложные послевоенные годы в России доля молодежи достигала трети населения страны. Сейчас же этот показатель уменьшился до 19%, достигнув своего исторического минимума.

Таблица 1

Удельный вес молодого населения (15–29 лет) по странам мира, в % от всего населения

Географический регион	Год									2015 к 1950, +/-
	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015	
Россия	29,5	24,2	22,4	26,4	21,2	22,8	24,6	23,3	19,4	-10,1
Весь мир	25,9	24,3	24,8	27,0	27,2	25,9	26,0	25,7	24,5	-1,4
Высокоразвитые страны	25,0	22,4	23,2	24,6	22,6	20,9	20,5	19,7	18,4	-6,6
Развивающиеся страны	26,4	25,1	25,3	27,8	28,5	27,1	27,2	27,0	25,8	-0,6
Наименее развитые страны	26,7	26,0	25,5	25,8	26,8	27,5	27,8	27,8	27,9	+1,2

Источник: World Population Prospects [Electronic resource]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/>

Наряду с демографическими характеристиками молодежь обладает определенной статусной ролью. Одни исследователи видят в ней демографический потенциал, необходимый для обновления

² См.: Стратегия развития молодежи в Российской Федерации на период до 2025 года (проект). URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

поколений, другие – базу для эволюции (“оздоровления”) экономических и социальных отношений в обществе, третьи – креативный потенциал, без которого освоение и внедрение инноваций будут невозможными.

Другими словами, при всей неопределенности (дискуссионности) положения молодежи ее роль в социуме исключительно значима (эта значимость особенно актуализируется на фоне демографических процессов). Этот факт побуждает более детально рассмотреть опыт научного исследования молодого поколения как социально-демографической группы, обладающей уникальным потенциалом для преобразования общества.

Началом научного исследования миссии молодежи в обществе послужил выход в свет труда Генри Стэнли Холла “Юность” в начале XX в.³ С тех пор в науке сложился ряд школ, представители которых изучают молодежь как носителя психофизиологических, культурных и социальных свойств (табл. 2). Представители психофизиологической школы (Г. Гросс, Г. Спенсер, Г.С. Холл и др.) изучают молодежь как носителя психофизиологических свойств юного возраста (физическое и психосоциальное взросление, социализация, профессиональное самоопределение и др.). Школа “молодежной феноменологии” (Ф. Бенедикт, А.Р. Браун, Б.К. Малиновский, Э. Шпрангер и др.) определяет молодое поколение как особый культурный феномен. Представители социальной школы (К. Мангейм, М. Мид, В. Фридрих и др.) видят в молодежи прежде всего проявление социальных качеств, своеобразный “скрытый ресурс” общества.

Таблица 2

Зарубежные научные школы в области исследования молодого поколения

Научная школа	Основные представители	Главная идея
Психофизиологическая школа	Г.С. Холл, Г. Спенсер, Г. Гросс	Молодежь является носителем особых психофизиологических свойств
“Молодежная феноменология”	Ф. Бенедикт, А.Р. Браун, Б.К. Малиновский, Э. Шпрангер	Молодежь – культурный феномен
Социальная школа	В. Фридрих, К. Мангейм, М. Мид	Молодежь – это и объект, и субъект процесса преемственности поколений

Источник: Составлено авторами

³ См.: *Hall G.S. Youth: its education, regiment, and hygiene. N.Y.; Appleton, 1906.*

С нашей точки зрения, учитывая отмеченную ранее “размытость” границ молодости, современной ситуации более соответствует концепция изучения юного поколения как носителя не столько свойств возраста, сколько особого типа общественного сознания и образа жизни. Эта идея ярко представлена в научном направлении “социологии молодежи”.

В России исследования в рамках направления социологии молодежи проводятся с 1960-х гг. (одним из его “пионеров” был известный социолог Владимир Николаевич Шубкин)⁴.

Сейчас активность в данной области проявляет ряд научных структур, которые в своих исследованиях затрагивают разные аспекты социального развития молодежи – положение на рынках образования и труда, профессиональные стратегии, политическая и социальная активность и т.д. (табл. 3).

Интерес к результатам исследований в данной области растет: так, если в 2010 г. было опубликовано более 3 тыс. работ по молодежной тематике, то в 2016 г. эта цифра увеличилась в 4 раза.

В том числе растет и исследовательская активность на этом научном поле и в Вологодском научном центре РАН (ВолНЦ РАН).

За годы исследований (1997–2016 гг.) в ВолНЦ РАН была накоплена значительная эмпирическая база, которая дает представление о разных сторонах жизни молодежи: состояние здоровья, образовательные и профессиональные траектории развития, социокультурные ценности и т.д. (рис. 1).

Проводимые в Центре исследования позволили выявить ряд важных проблем в положении молодежи. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Потенциал здоровья молодого поколения. Потенциал здоровья закладывается с ранних лет, он определяет не только личностный рост и счастье, но и возможности социальной и трудовой активности населения. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, этот потенциал к моменту перехода от юности к молодости сокращается более чем на половину за счет роста выявленной заболеваемости и отсутствия навыков здорового образа жизни⁵. Наиболее выраженное ухудшение здоровья происходит в период получения образования. К выпускному классу

⁴ См.: Штайнер Г. Социология профессии как призвание: Владимир Николаевич Шубкин // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 175–183.

⁵ См.: Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы // Здоровье молодежи. Сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша. М., 2016. С. 11–18.

Научная география российских исследований молодежи

Наименование	Год	Предмет исследования	Исполнитель
Выбор профессии молодежью и межпоколенческая мобильность	1962 – настоящее время	Профессиональные и образовательные траектории молодежи	Институт социологии РАН ИСЭПН РАН
Всероссийский мониторинг “Социальное развитие молодежи”	1990 – настоящее время	Вопросы социального развития молодых	ИСПИ РАН
Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты	2007 – настоящее время	Межпоколенческий анализ социально-профессиональных стратегий населения	Институт социологии РАН; Фонд им. Ф. Эберта в Российской Федерации
Социологическое исследование “Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц”	2008	Образ жизни благополучной молодежи (школьники в гимназических и лицейских классах) и “детей улиц” (бездомные, беспризорники, дети, лишенные родителей и кровя, дети из неблагополучных семей)	Высшая школа экономики
Всероссийское исследование “Политическая активность молодежи”	2010–2012	Политическая активность молодежи	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Наименование	Год	Предмет исследования	Исполнитель
Всероссийское исследование «Социальный потенциал молодежи»	2010–2012	Использование потенциала молодых в общественной жизни	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Молодежь России	2011	Ценностные ориентации молодых людей, установки на образование и успех, отношения к современным политическим процессам в России	Левада-Центр
Комплексное исследование потенциала молодежи	2012	Положение в обществе, общественная и политическая активность, здоровье, образование, труд и занятость, репродуктивное поведение, инновационная активность, компетенции и востребованность на рынке труда, ценности	ВолНЦ РАН

Источник: Составлено авторами.

Рис. 1. Эмпирическая база исследования молодежи в ВолНЦ РАН

Источник: Составлено авторами.

школы частота функциональных нарушений возрастает на 86%, хронических болезней – на 100%⁶.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития ожидаемая продолжительность здоровой жизни⁷ у российской молодежи (в возрасте 20 лет) не превышает 40 лет, тогда как у их ровесников из Западной Европы – достигает 55⁸. Факторами, ослабляющими здоровье молодого поколения, являются некачественное питание, недостаток физической нагрузки, распространенность курения и неконтролируемого потребления алкоголя⁹.

Профессиональный выбор молодежи. Обращает на себя внимание несоответствие жизненных и образовательных траекторий профессиональному выбору. Этому способствует массовизация высшего образования и резкий рост популярности обучения по профессиям,

⁶ Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы.

⁷ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни – комплексный показатель здоровья, определяющий средний промежуток времени, в течение которого ожидается, что человек проживет в определенном состоянии здоровья, при неизменном уровне смертности и заболеваемости.

⁸ См.: *Tompson W.* Healthcare reform in Russia: problems and prospects // Working Paper. Organisation for Economic Cooperation and Development. Economics department. 2007. N 538. P. 6.

⁹ См.: Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы. С. 11–18.

которые обладают признаками “социального престижа” (юриста, экономиста, финансиста), но массово не востребованы в экономике. Выбор подобной стратегии подогревается соответствующей политикой вузов.

Это приводит к тому, что по окончании обучения, молодые специалисты не могут найти работу по специальности. По России в среднем уровень трудоустройства по специальности в последние годы стабильно находится на отметке 66%.

По данным опросов, в Вологодской области в соответствии со специальностью трудоустроены 44% молодых вологжан и еще 14% работают в близкой сфере. При этом уровень реализации трудового потенциала и его интеллектуальной компоненты у первых намного выше.

Трудоустройство не по специальности приводит к расширению масштабов явления “сверхквалификации”: за период 1997–2016 гг. доля людей, занимающих рабочие места с более низкими требованиями, чем их квалификация, среди молодых увеличилась с 11 до 28% (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов молодых вологжан на вопрос:
“В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?” (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Год		2016 к 1997 г., +/-
	1997	2016	
Моя квалификация выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	10,7	27,5	+16,8
Моя квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой (чтобы выполнять более квалифицированную работу, мне нужно подучиться)	51,2	48,5	-2,7
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	13,5	6,8	-6,7
Не знаю, трудно сказать	24,6	17,3	-7,3

Источник: Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области (1997–2016 г.), N=1500 человек.

Подобным явлениям также способствует фактическое разрушение системы профессиональной ориентации на уровне образования и семьи. Молодые реже трудоустраиваются в соответствии со своей внутренней предрасположенностью. Это отличает “поколе-

ние детей” от “поколения отцов”: если в первой группе по призванию работает 50%, то во второй – 61% (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: “Чему из нижеперечисленного соответствует Ваша профессия?” (в % от числа опрошенных)

Соответствует ли Ваша профессия..?	“Поколение детей” (младше 30 лет)		“Поколение отцов” (старше 30 лет)	
	Да	Нет	Да	Нет
Способностям	83,6	16,4	85,3	14,7
Склонностям	72,9	27,1	80,5	19,5
Призванию	49,5	50,5	60,6	39,4

Источник: Социологический опрос (ВолНЦ РАН, 2016 год) населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет). Общая выборка опроса – 1500 человек (генеральная совокупность – 679 419 человек).

Подобная дифференциация говорит о том, что чем моложе человек, тем сложнее ему глубже осознать свои профессиональные планы. Нельзя отрицать и тот факт, что люди старшего поколения сделали свой профессиональный выбор в советское время, когда была сильна система профориентации¹⁰.

Социальная активность молодежи. В ценностном плане молодежь во многом является “слепок общества”. Проведенные сравнения показали, что жизненные ценности молодого поколения зачастую перекликаются с ценностями старшей группы. Одинаково высоко и “дети” и “отцы” оценивают ценности здоровья, семьи, денег (табл. 6). Это говорит о наследственности традиционных форм идентичности, которые нередко завязаны на реализации меркантильных (потребительских) интересов – в заботе, отдыхе, уюте. Условия для подобной “наследственности” в немалой степени создает тип “ускоренной” (форсированной) модернизации, характерный для российского общества.

Необходимо отметить, что подобная “наследственность” не всегда принимает конструктивные формы. Так, по данным опросов населения Вологодской области, снижается активность в плане участия в общественно-политических акциях (особенно это видно на примере выборных кампаний). Обращает на себя внимание, что подобные тренды характерны и для молодежи (табл. 7).

¹⁰ См.: Шабунова А.А. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования. Вологда, 2013. С. 138–148.

Таблица 6

**Оценка наиболее значимых сторон жизни поколениями “детей” и “отцов”
(баллы по пятибалльной шкале / ранг)**

Ценности	“Поколение детей” (младше 30 лет)	“Поколение отцов” (старше 30 лет)
Здоровье	4,5 (1)	4,5 (1)
Счастливая семейная жизнь	4,5 (1)	4,4 (2)
Материальная обеспеченность	4,5 (1)	4,4 (2)
Любовь	4,4 (2)	4,2 (3)
Наличие хороших и верных друзей	4,4 (2)	4,1 (4)
Интересная работа	4,3 (3)	4,2 (3)
Свобода, независимость	4,3 (3)	4,2 (3)
...		
Общественное признание, авторитет	3,8 (7)	3,6 (5)
Одобрение окружающих	3,7 (8)	3,6 (5)
Творчество, искусство	3,5 (9)	3,4 (7)

Источник: социологический опрос (ВолНЦ РАН, 2016 год) населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет). Общая выборка опроса – 1500 человек (генеральная совокупность – 679 419 человек).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос “Как бы Вы оценили степень Вашего участия
в общественной и политической жизни?” (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Моло- дежь	Об- ласть	Моло- дежь	Об- ласть	Моло- дежь	Об- ласть
Активное и скорее активное	20,5	21,9	17,2	17,7	16,5	15,2
Пассивное и скорее пассивное	56,7	54,1	55,9	51,4	67,0	61,6
Затрудняюсь ответить	22,8	23,9	26,9	30,9	16,5	23,2

Источник: Данные мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ВолНЦ РАН.

Апатичность молодого поколения в сфере политической активности подтверждается не только данными региональных, но и всероссийских исследований. Так, по информации Института социологии РАН в политической жизни страны не участвуют 45% молодых россиян¹¹.

Несмотря на это в молодежной среде отмечается заметная готовность к реализации своего потенциала в других социальных мероприятиях: прохождение курсов повышения квалификации, изучение иностранных языков, организация бизнеса, туризм и т.д. (табл. 8). Уровень готовности к подобной активности у представителей старшего поколения, наоборот, находится в “отрицательной зоне” (меньше 100 п.).

Таблица 8

Индексы* готовности населения к социальной активности

Варианты ответов	“Поколение детей” (младше 30 лет)	“Поколение отцов” (старше 30 лет)
Приносить своим трудом пользу людям	169,0	164,5
Развивать свой личностный потенциал	165,5	151,6
Осваивать новые знания и навыки на протяжении всей своей жизни	159,9	131,9
Духовно расти и самосовершенствоваться	156,0	139,4
Выстраивать партнерские отношения в сфере труда	154,9	148,2
Трудиться на благо нашей страны	151,4	147,6
Изучить при необходимости новый иностранный язык	119,1	90,7
Переехать в другой населенный пункт с более привлекательными условиями труда	118,9	73,1
Организовать собственное дело, семейный бизнес	116,7	91,3
Повышать свою профессиональную квалификацию за счет собственных средств	114,1	81,6

* Здесь и далее: индексы рассчитаны как разница положительных и отрицательных ответов респондентов, к которым прибавлялось 100, чтобы не иметь отрицательных значений.

Источник: социологический опрос (ВолНЦ РАН, 2016 г.) населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет). Общая выборка опроса – 1500 человек (генеральная совокупность – 679 419 человек).

¹¹ См.: *Шереги Ф.Э.* Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013. С. 24.

Причина разницы между проявлениями социальной и общественно-политической активности кроется в том, что на настоящий момент сформированы институты, активно способствующие самореализации в социальной среде (центры предпринимательства и туризма, повышения квалификации, территориального общественного самоуправления, социальные предприятия и т.д.). В условиях кризиса семьи и образования они постепенно становятся новыми “агентами” социализации.

В то же время современная деятельность политических партий, профсоюзов способствует не активности в социально-политической среде, а усугублению “структурированной безответственности”¹² (по терминологии Т. Парсонса) за судьбы региона и страны (о чем наглядно говорит явка молодежи на выборы в органы власти).

Инвестиции в развитие молодежи. Молодежь является той социальной группой, чьи характеристики непосредственно определяют будущее развитие страны. Рост инвестиций в молодежную политику, а также системная работа по формированию необходимых качеств молодежи, воспитанию ее гражданской и политической активности, вовлечению в продуктивную деятельность позволят существенно повысить качество ее человеческого потенциала и увеличить экономическую и социальную отдачу для общества.

Эту гипотезу подтверждают результаты исследования ВолНЦ РАН. Они показывают, что при наличии позитивной динамики качества трудового потенциала молодежи стабильно снижается качество их интеллектуального потенциала (рис. 2–3). При этом ценность образования приобретает инструментальный характер: так, 32% молодых вологжан целью получения образования видят возможность устроиться на престижную работу. Еще четверть (25%) считает обучение в учебных заведениях ключом к достижению своих жизненных целей.

В то же время уровень реализации трудового потенциала возрастает при увеличении инвестиций в молодое поколение. Например, рост отдачи от интеллектуальных характеристик начинается с уровня дохода в 5 прожиточных минимумов.

Какая же ситуация складывается с инвестированием в молодое поколение на сегодняшний день? Согласно расчетам ЮНЕСКО, индекс развития российской молодежи (0,597 ед.) уступает среднеевропейскому индексу и США (0,7–0,8 ед.)¹³. Расходы на молодежную политику также существенно ниже: 1,6 млрд руб. в России

¹² См.: Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52–63.

¹³ См.: Global Youth Development Index and Report—2016. L., 2016.

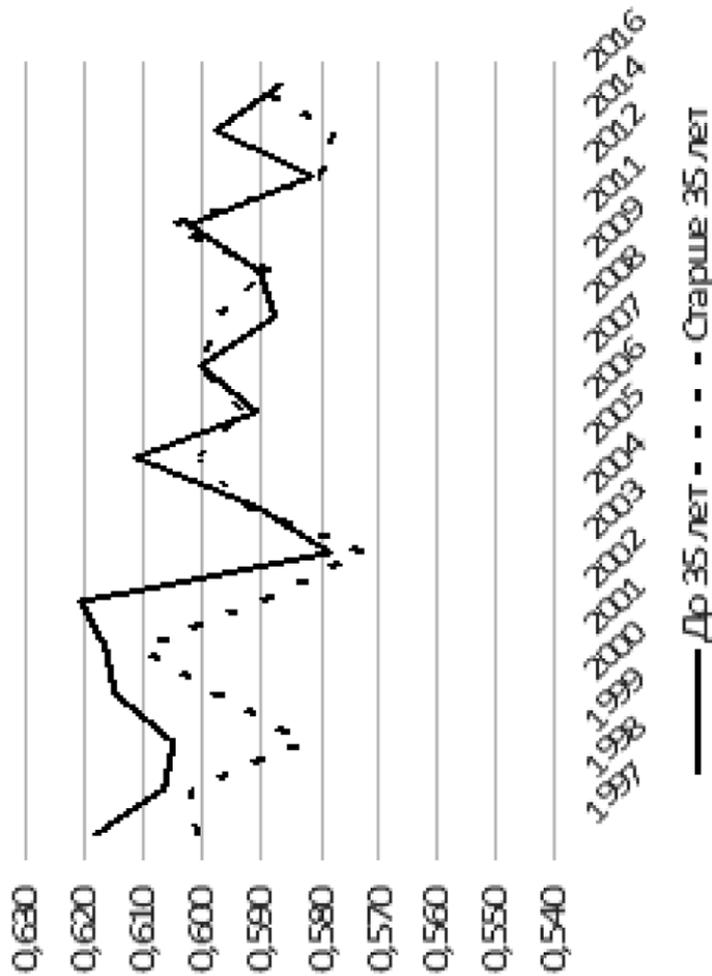

Рис. 2. Динамика индексов интеллектуального потенциала населения Вологодской области в возрастном разрезе

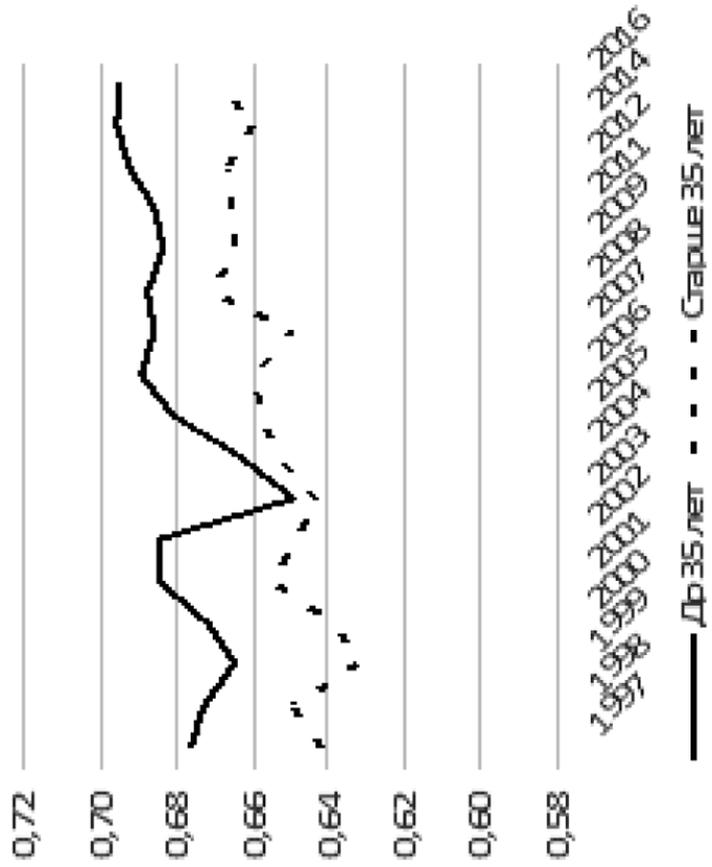

Рис. 3. Динамика качества трудового потенциала населения Вологодской области в возрастном разрезе

Источник: Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области (1997–2016 год), N=1500 человек.

против 2,4 млрд евро (163,9 млрд руб. по текущему курсу валют) в странах ЕС в среднем¹⁴. На основании этого можно сказать, что недостаточное внимание к молодежи в настоящее время ставит под вопрос осуществление плана преобразований страны и достижение стратегических целей в среднесрочной перспективе (повышение производительности труда, рост доли инновационного сектора и т.д.).

Дальнейшие перспективы исследования. Молодежь, безусловно являясь одной из социальных групп, чьи характеристики непосредственно определяют будущее развитие страны, далеко не всегда успешно адаптируется к быстро изменяющейся социальной реальности. На практике молодые люди зачастую сталкиваются с рядом трудностей, препятствующих реализации собственного потенциала, вплоть до социальной эксклюзии.

Поскольку качественные черты молодежи в силу неустоявшихся социальных стереотипов можно корректировать и задавать желаемый тип общественного поведения, эта социальная группа часто становится объектом внимания групп асоциальной направленности: религиозные и псевдорелигиозные секты, экстремисты, террористы, деструктивные субкультуры (в том числе, пропагандирующие уход от реальности и модель суицидального поведения). Эти группы предлагают молодому населению не столько выход из ситуации риска, сколько погружение в нее, усиливают социальную уязвимость, что заметно подрывает демографический, трудовой, инновационный, креативный потенциал молодежи, который может быть успешно реализован в целях модернизации российского общества.

Преодоление угроз социальной безопасности молодого поколения как стратегического ресурса общественного развития должно стать предметом внимания государства. Шаги властных структур в этом направлении, а также рост инвестиций в молодежную политику позволят обеспечить оптимальное удовлетворение потребностей молодежи, снизить уровень социальной напряженности, ускорить модернизационные процессы, будут способствовать повышению уровня национальной безопасности.

Мы считаем важным определение эффективности государственного управления не только в молодежной политике как таковой, но и в смежных областях образования, здравоохранения, культуры (которые тем или иным образом затрагивают жизнь молодежи).

Некоторые возможности для роста человеческого капитала за счет повышения образовательного, профессионального уровня молодого поколения уже обозначены в проекте Стратегии развития

¹⁴ См.: EU Youth Report—2015. Luxembourg, 2016.

Целевые индикаторы проекта Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г.

Направления молодежной политики	Рост человеческого капитала молодежи, %	За счет чего происходит рост
Повышение качества профессионального образования путем развития информального (самостоятельного) образования, программ социального образования	10–12	Компенсация профессиональных и социальных компетенций, недополученных в процессе формального образования, повышение ответственности, дисциплины и культуры труда
Поддержка талантливой молодежи, молодежных стартапов и инициатив	5–5,5	Развитие качественных, интеллектуальных характеристик молодежи за счет прихода талантливой молодежи в науку, бизнес, способствует самореализации
Организация профессиональной ориентации молодежи, помощь в построении образовательной траектории	2–2,5	Обеспечение более эффективного выбора специальности (например, согласно исследованиям ВолНЦ РАН, каждый, работающий по призванию и по специальности, приносит в региональный бюджет 700 руб. ежемесячно)
Эффективное трудоустройство молодежи	10–15	Сокращение молодежной безработицы
Пропаганда здорового образа жизни, жизни без наркотиков, алкоголя и курения	10–12	Снижение смертности в молодом возрасте, травматизма, инвалидизации, повышение производительности труда, рост мотивации к труду, дисциплины Согласно исследованиям ВолНЦ РАН, самые высокие потери ПППЖ от внешних причин смерти наблюдаются в наиболее молодых возрастных группах (в рамках трудоспособного возраста) – 15–19 и 20–24 лет. На каждую из них в России приходится более 70% общих потерь ПППЖ, в Вологодской области – 35–40% потерь
Профилактика правонарушений среди молодежи	3–4	Рост численности молодежи, вовлеченной в продуктивную деятельность

Источник: Стратегия развития молодежи в Российской Федерации на период до 2025 года (проект). URL: <https://fadm.gov.ru/media/files/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf>

молодежи РФ на период до 2025 г. (табл. 9). Важной стратегической задачей мы считаем определение комплексных затрат, нагрузки общества на развитие и воспитание подрастающего поколения на уровне отдельного региона.

Существенным барьером на пути решения этой задачи является фактическое отсутствие единой установленной методики изучения территориальных характеристик молодежи. Наличие существенных методологических проблем не позволяет сейчас в полной мере рассуждать о региональной специфике развития молодежи. Сопоставлению данных ведущихся в регионах исследований препятствует и отсутствие единого подхода в определении границ молодого возраста.

Поэтому в качестве задачи на ближайшую перспективу мы рассматриваем разработку методологических подходов к исследованию молодежи, его общих принципов и методического инструментария, которые могли бы быть распространены в исследовательской среде (как научного сообщества, так и гражданских институтов). При принятии их научным сообществом эти принципы позволили бы анализировать региональные особенности молодежи как объекта исследования, объединить разностороннюю молодежную проблематику в единый исследовательский комплекс, а также подойти к ней как к важному аспекту эффективности государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белый О.И. Определение понятия “молодежь” // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12.

Головчин М.А. Молодежь в сфере межличностных отношений: опыт регионального исследования // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2016. № 3 (20).

Головчин М.А. Образование как базовая институциональная среда для социализации молодежи // Нижегородское образование. 2016. № 4.

Головчин М.А. Трансформация жизненных ожиданий как социокультурная характеристика современной молодежи: на примере Вологодской области // Социальные явления. 2016. № 4.

Головчин М.А. Социальные “маркеры” населения, работающего по призванию // Экономика и управление: проблемы и решения. 2016. № 9.

Гулин К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22).

Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2.

Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы // Здоровье молодежи. Сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша. М., 2016.

Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3.

Леонидова Г.В. Генерация знаний талантливой молодежи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: формы и методы осуществления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13).

Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / Под ред. А.А. Шабуновой. Вологда, 2013.

Руденкин Д.В. Опыт определения возрастных границ молодежи в ходе проведения эмпирического социологического исследования // Электронный научный журнал “APRIORI. СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ”. 2015. № 6. URL: <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/937> (дата обращения: 02.12.2016).

Стратегия развития молодежи в Российской Федерации на период до 2025 года (проект). URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003.

Шабунова А.А. Проблемы эффективности государственного управления // Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования. Вологда, 2013.

Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013.

Штайнер Г. Социология профессии как призвание: Владимир Николаевич Шубкин // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4.

REFERENCES

Belyj O.I. Opredelenie ponjatija “molodezh” [The definition of “youth”] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. N 12 (in Russian).

Chuprov V.I., Zubok Ju.A., Uil’jams K. Molodezh’ v obshhestve riska [Young people in a risk society]. М., 2003 (in Russian).

EU Youth Report—2015. Luxembourg, 2016.

Global Youth Development Index and Report—2016. L., 2016.

Golovchin M.A. Molodezh’ v sfere mezhlichnostnyh otnoshenij: opyt regional’nogo issledovanija [Youth in the field of interpersonal relations: the experience of regional research] // Vestnik obrazovanija i razvitija nauki RAEN. 2016. N 3 (20) (in Russian).

Golovchin M.A. Obrazovanie kak bazovaja institucional’naja sreda dlja socializacii molodezh [Education as a basic institutional environment for the socialization of youth] // Nizhegorodskoe obrazovanie. 2016. N 4 (in Russian).

Golovchin M.A. Transformacija zhiznennyh ozhidaniy kak sociokul’turnaja harakteristika sovremennoj molodezhi: na primere Vologodskoj oblasti [Transformation of life expectations as a socio-cultural characteristic of modern youth: the example of the Vologda region] // Social’nye javlenija. 2016. N 4 (in Russian).

Golovchin M.A. Social’nye “markery” naselenija, rabotajushhego po prizvaniju [Social “markers” of the population working by vocation] // Jekonomika i upravlenie: problemy i reshenija. 2016. N 9 (in Russian).

Gulin K.A. K voprosu o social'no-jekonomicheskoj modernizacii rossijskih regionov [On the issue of socio-economic modernization of Russian regions] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2012. N 4 (22) (in Russian).

Hall G.S. Youth: its education, regiment, and hygiene. N.Y.; Appleton, 1906.

Helmut K. Anheier and *Mark Juergensmeyer* // *Global Studies Encyclopedia.* 5 Volumes. L.; Thousand Oaks, 2012.

Il'in V.A., Uskova T.V. Metody preodolenija prostranstvennoj social'no-jekonomicheskoj differenciacii [Methods for overcoming spatial socio-economic differentiation] // *Federalizm.* 2012. N 3 (in Russian).

Leonidova G.V. Generacija znanij talantlivoj molodjozhi v interesah intellektualizacii chelovecheskogo kapitala: formy i metody osushhestvlenija [Generating knowledge of talented youth in the interests of intellectualizing human capital: the forms and methods of implementation] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2011. N 1 (13) (in Russian).

Molodezh' sovremennoj Rossii – kljuchevoj resurs modernizacii [Youth of modern Russia is a key resource of modernization] / Pod red. A.A. Shabunovoj. Vologda, 2013 (in Russian).

Pepperday M.E. Way of life theory: the underlying structure of worldviews, social relations and lifestyles. URL: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/49334/.../02whole.pdf>

Richter R. Lifestyle and Social structure: processed of individualization in Eastern Europe countries // *Revija za sociologiju.* 2002. N 3–4. P. 169–180.

Rudenkin D.V. Opyt opredelenija vozrastnyh granic molodezhi v hode provedenija jempiricheskogo sociologicheskogo issledovanija [The experience of determining the age boundaries of young people during the empirical sociological research] // *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal "APRIORI. CERIJ: GUMANITAR- NYE NAUKI".* 2015. N 6. URL: <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/937> (data obrashhenija: 10.09.2014) (in Russian).

Shabunova A.A. Problemy jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija [Problems of Public Administration Effectiveness] // *Chelovecheskij kapital territorij: problemy formirovanija i ispol'zovanija.* Vologda, 2013 (in Russian).

Sheregi F.Je. Rossijskaja molodezh': nastroenie, ozhidanija, cennostnye orientacii [Russian youth: mood, expectations, value orientations]. M., 2013 (in Russian).

Shtajner G. Sociologija professii kak prizvanie: Vladimir Nikolaevich Shubkin [Sociology of the profession as a vocation: Vladimir Nikolaevich Shubkin] // *Sociologija: teorija, metody, marketing.* 2008. N 4 (in Russian).

Strategija razvitija molodezhi v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (proekt) [Strategy of youth development in the Russian Federation for the period up to 2025 (draft)]. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (data obrashhenija: 10.09.2014) (in Russian).

Sztompka P. The sociology of social change. Oxford; Cambridge, 1993.

Tompson W. Healthcare reform in Russia: problems and prospects // Working Paper. Organisation for Economic Cooperation and Development. Economics department. 2007. N 538.

Val'denfel's B. Zhalo Chuzhdogo // Al'manah "Metafizicheskie issledovanija". SPb., 1998. N 5. P. 161–184.

World Population Prospects. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/>

Zarubina N.N. Molodezh' v uslovijah anomii: kto primet otvetstvennost' za budushhee Rossii? [Youth in anomie: who will take responsibility for the future of Russia?] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2016. N 2 (in Russian).

Zdorov'e molodogo pokolenija Rossii: problemy i podhody [Health of the younger generation of Russia: problems and approaches] // *Zdorov'e molodezhi. Sravnitel'noe issledovanie. Rossija, Belarus', Pol'sha. M.*, 2016 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-175-192

КОНФЛИКТ СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕЛИГИИ: ОТ ОДИННАДЦАТОГО СЕНТЯБРЯ НЬЮ-ЙОРКА К ЧЕРНОЙ ПЯТНИЦЕ ПАРИЖА

С.В. Трофимов, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

Предложенная статья освещает конфликт светского и религиозного в условиях современного западного общества в концепции Юргена Хабермаса и Даниэль Эрвьё-Леже. Дается оценка проблеме интеграции мусульманских общин во французском обществе конца XX в., приводятся примеры. Особое внимание уделено кризису светского регулирования религиозного в современном обществе.

Немецкий социолог и философ отмечает сложное переплетение светского и религиозного в событиях и реакциях 11 сентября 2001 г. Религиозная мотивация действий и убеждений террористов, сделавших смертельным орудием гражданские авиалайнеры с пассажирами и направивших их на символ международной глобальной бизнес-системы — башни-близнецы Мирового торгового центра, не оставляет сомнений. Тем более удивительной стала реакция на это из ряда вон выходящее событие, которая содержала в себе значительную религиозную составляющую в официальных мероприятиях и реакциях гражданской общественности.

Данной трактовке близко мнение французского социолога Даниэль Эрвьё-Леже, которая анализирует проблему регуляции религиозных организаций светским французским обществом и видит причину ее дисфункционирования в несоответствии модели “религиозной организации”, принимаемой светским государством. Ислам оказывается первой религией во Франции 1990–2000-х гг., которая не вписывается в традиционную для французской внутренней политики, и проблемы взаимодействия верующих в светском обществе (администрация, школа и т.д.) только нарастают.

За пятнадцать лет, прошедших с момента, когда Ю. Хабермас произнес свою речь, ситуация, с одной стороны, изменилась и усугубилась, с другой — полностью подтверждает выводы, сделанные философом. В свете проблемы “нашествия” беженцев предсказанный, но произошедший при полной неготовности французских властей и силовиков на него оперативно отреагировать, террористический акт “черной пятницы 13 ноября 2015 года” очередной раз продемонстрировал столкновение религиозного и светского дискурсов. Совершенно европейская символика “дурной приме-

* Трофимов Сергей Викторович, e-mail: trophimov@socio.msu.ru

ты” пятницы тринадцатого, не имеющая прямых аналогий в мусульманском и еврейском мире, но использованная разработчиками теракта, была рассчитана на нагнетание паники у европейски мыслящего обывателя — потенциальной жертвы теракта.

Материал представляется полезным для сравнительных исследований религиозной ситуации в России и Западной Европе.

Ключевые слова: социология религии, конфликт светского и религиозного, современная религиозная ситуация, Ю. Хабермас, Д. Эрвьё-Леже.

CONFLICT OF LIGHT SOCIETY AND RELIGION: FROM 11 SEPTEMBER OF NEW YORK TO THE BLACK FRIDAY OF PARIS

Trophimov Sergei V., Associate Professor, Chair of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: trophimov@socio.msu.ru

The proposed article highlights the secular and religious conflict in the context of modern Western society in the concept of Jürgen Habermas and Danièle Hervieu-Léger. An assessment is given of the problem of the integration of Muslim communities in the French society of the late 20th century, and examples are given. Particular attention is paid to the crisis of secular regulation of religion in modern society.

The German sociologist and philosopher Jürgen Habermas notes the complex intertwining of the secular and religious in the events and reactions of September 11, 2001. If the religious motivations of the actions and beliefs of terrorists that have made a lethal weapon civilian airliners with passengers, sending them to the symbol of the international global business system — the twin towers of the World Trade Center, leaves no doubt. All the more surprising was the reaction to this extraordinary event, which contained a significant religious component in the official events and reactions of the civil society.

In this context, the opinion of the French sociologist Danièle Hervieu-Léger is close, which analyzes the problem of the regulation of religious organizations by secular French society and sees the reason for its dysfunction in the disparity between the model of “religious organization” adopted by the secular state. Islam is the first religion in France 1990–2000, which does not fit in with the traditional for French domestic politics, and the problems of interaction of believers in a secular society (administration, school, etc.) are only growing.

In the fifteen years that have elapsed since the time when Jürgen Habermas delivered his speech, the situation, on the one hand, has changed and worsened, on the other, fully confirms the conclusions made by the philosopher. In light of the problem of “invasion” of refugees, the predicted, but occurred with the complete unpreparedness of the French authorities and law enforcement agencies to react to it promptly, the terrorist act of “Black Friday November 13, 2015” — once again demonstrated the clash of religious and secular discourses. The European symbolism of the “bad name” of Friday the thirteenth, which does not have direct symbolism in the Muslim and Jewish world, used by the developers of the terrorist act, was designed to fuel panic in the European thinking ordinary citizen — a potential victim of the terrorist attack.

The material is provided useful for comparative studies of the religious situation in Russia and Western Europe.

Key words: *sociology of religion, the conflict of secular and religious, modern religious situation, J. Habermas, D. Hervieu-Léger.*

События 11 сентября 2001 г. серьезным образом потрясли западноевропейский мир. Однако “черная пятница” 13 ноября 2015 г. показала, что проблема безопасного существования привычного западного мира не только остается актуальной, но и становится все более насущной. Продолжающиеся до настоящего времени систематические террористические акты в европейских городах это подтверждают.

Через месяц после катастрофы в Нью-Йорке Юрген Хабермас произносит речь в церкви Святого Павла во Франкфурте-на-Майне по случаю вручения ему Премии мира Биржевого союза немецкой книготорговли¹. В этой емкой статье он называет социальные причины, обусловившие, с одной стороны, сам террористический акт, подчеркнувший противоречия западного мира и мира мусульманского, с другой — окрасившие светскую реакцию в рамках западного общества в глубоко религиозные тона.

По мнению Ю. Хабермаса, события 11 сентября 2001 г. должны были перевести конфликт между “поборниками академической науки и представителями церквей”, т.е. верующими и сторонниками секулярности, на совершенно новый уровень понимания проблемы:

“Одну сторону пугал обскурантизм и преисполненный скептическим отношением к науке культ остатков архаических чувств; другая выступала против сциентистской веры в прогресс голого натурализма, разрушающего мораль. Но 11 сентября напряженные отношения между секулярным обществом и религией были взорваны совершенно иным образом”².

Террористы, сделавшие смертельным орудием гражданские авиалайнеры с пассажирами и направившие их на символ международной глобальной бизнес-системы — башни-близнецы Мирового торгового центра, мотивировали свои действия религиозными убеждениями. Тем более удивительной стала реакция на это из ряда вон выходящее событие. У прикованных к экранам телевизоров европейцев и американцев эта сцена вызывала практически ветхозаветные ассоциации (разрушение Вавилонской башни). Ветхозаветные образы звучали в дискурсе возмездия американского президента. Также показательным было то, что охваченные скорбью или чувством солидарности люди пришли в религиозные центры —

¹ Хабермас Ю. Вера и знание // Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 117–131.

² Там же. С. 117.

синагоги, церкви, мечети, — чтобы выразить свои чувства на траурных церемониях.

“Повсюду люди пришли в синагоги, церкви и мечети, и казалось, что покушение фанатиков вызвало в сокровенных глубинах секулярного общества вибрацию религиозной струны”³.

Вместе с тем, Ю. Хабермас утверждает, что проявившийся религиозный фундаментализм оказался исключительно современным и связан непосредственно с процессом глобализации.

Если секулярные процессы в Западной Европе проходили в течение нескольких веков, затронув как христианскую, так и еврейскую общины, то мусульманский мир оказался решительным образом не готов к мгновенному восприятию новой парадигмы в контексте глобализации.

«Будущее улучшение материальных условий жизни оказывается всего лишь одним из факторов. Решающую же роль играет блокированное чувством унижения ощущение необходимой перемены в умонастроении; политически это выражается в отделении религии от государства. Даже в Европе, где историей были отпущены века на то, чтобы выработать гибкую позицию по отношению к характеризующей модерн двуликой голове Януса, “секуляризация”, как показывают споры о генных технологиях, всегда связана с противоречивыми чувствами»⁴.

Секулярное общество предъявило своим гражданам требование не религиозного решения вопросов публичной сферы, что по сути дела являлось несимметричным. Верующие оказались вынуждены “раскалывать свою идентичность на публичную и частную составляющие”, с тем, чтобы “переводить на светский язык свои религиозные убеждения”. Вместе с тем, в силу длительного процесса в западноевропейском обществе верующие и неверующие достаточно хорошо приспособились к такой ситуации.

Оборотной стороной религиозной свободы является пацифизирование мировоззренческого плюрализма, ложившегося раньше на граждан неравным бременем. Прежде либеральное государство требовало лишь от верующих граждан раскалывать свою идентичность на публичную и частные составные части... Прежде чем их аргументы принимались во внимание для того, чтобы получить одобрение у большинства, верующие должны были переводить свои религиозные убеждения на секулярный язык.

Граница между секулярными и религиозными основаниями и без того подвижна. Поэтому утверждение спорной границы должно

³ Хабермас Ю. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 120.

пониматься как кооперативная задача, требующая от обеих сторон признать также и перспективы каждой из них⁵.

Что касается выходцев из мусульманского мира, то в этих обществах граница между светским и религиозным не просто не проведена или каким-то образом не демаркирована, а, напротив, даже не подразумевается.

Соответственно, оказываясь перед вызовами глобализации, выходцы из мусульманского мира отказываются производить операцию разделения мирского и религиозного.

“В поступке самих мусульманских исполнителей террористических актов чувствуется несовпадение во времени мотивов и средств. Это отражение факта несовпадения во времени состояний культуры и общества на родине террористов, развившееся в результате быстрой и радикальной модернизации, лишило этих людей своих корней”⁶.

Еще один вывод Ю. Хабермаса касается возврата постгуманизма к религиозным началам.

“И если постгуманизм должен получить свое завершение в обращении к архаическим началам до Христа и до Сократа, то тогда пробьет час религиозного китча. Торгующие искусством супермаркеты распахнут свои двери для алтарей со всего мира, для жрецов и шаманов, слетевшихся со всех концов света, словно на некий вернисаж. В противоположность этому профанный, но не дефактиский разум испытывает большое уважение к тому угольку, который воспламеняется всякий раз, как поднимают вопрос о теодицее, как бы приближая нас к религии. Он знает, что профанирование сакрального начинается с мировых религий, лишивших магию ее колдовской силы, преодолевших миф, сублимировавших жертву и раскрывших таинство. И поэтому он может соблюдать по отношению к этим религиям дистанцию, не замыкаясь рамками их перспектив”⁷.

За пятнадцать лет, прошедших с момента, когда Ю. Хабермас произнес свою речь, ситуация, с одной стороны, изменилась и усугубилась, с другой — полностью подтверждает выводы, сделанные философом.

В ночь пятницы 13 ноября 2015 г. Париж подвергся массовой атаке: сразу в нескольких районах были стрельба и взрывы. Неизвестные в масках открыли стрельбу в одном из ресторанов, в это же время прогремели взрывы на стадионе “Стад де Франс”, где проходил матч между сборными Франции и Германии. Позже стало известно о десятках людей, захваченных в заложники в кон-

⁵ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 121.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 129.

цертном зале “Батаклан”. В этой атаке более 130 человек погибли, не менее 350 пострадало. Во Франции было объявлено чрезвычайное положение, границы страны были закрыты, объявлен высочайший уровень угрозы. Президент страны Франсуа Олланд назвал эту атаку беспрецедентной.

В свете проблемы “нашествия” беженцев предсказанный, но произошедший при полной неготовности французских властей и силовиков оперативно отреагировать на него, террористический акт “черной пятницы 13 ноября 2015 года” в очередной раз продемонстрировал столкновение религиозного и светского дискурсов. Кстати, совершенно европейская символика “дурной приметы” пятницы тринадцатого, не имеющая аналогий в символике мусульманского и еврейского миров, использованная разработчиками теракта, была рассчитана на нагнетание паники у европейски мыслящего обывателя — потенциальной жертвы теракта. Религия становится индикатором происходящего конфликта, хотя не объясняет в полной мере и не ограничивает его развитие. Происходящий процесс не только и не столько религиозный, сколько политический, территориальный, экономический.

Последствия нефункционирования системы регулирования светской государственной администрацией религиозных вопросов представляются во всей силе в свете проблем, связанных с положением ислама, давно ставшего второй по численности религией во Франции, описаны Д. Эрвьё-Леже⁸ в книге “Паломник и обращенный. Религия в движении”, в которой проанализирована история присутствия мусульман во Франции начиная с 1920-х гг. и уделено особое внимание социальным условиям связанных с исламским контекстом политических, административных и юридических проблем.

До 1981 г.⁹ Парижская соборная мечеть (la Grande Mosquée de Paris), торжественно открытая в 1926 г. в ознаменование признания Родиной заслуг многочисленных воинов-мусульман, погибших на фронтах Первой мировой войны в 1914–1918 гг., служила “официальной витриной” ислама во Франции. Вместе с тем, по

⁸ Hervieu-Léger D. Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. P., 1999. P. 290.

⁹ 9 октября 1981 г. был принят декрет, отменяющий предыдущий декрет от 12 апреля 1939 г., ограничивающий права иностранцев объединяться в ассоциации в рамках закона 1901 г. об ассоциациях и религиозных конгрегациях. С этого момента мусульманские ассоциации становятся многочисленными, причем из примерно 2000 зарегистрированных к 1999 г., около 1500 связаны с местами религиозного культа (мечети, молельные комнаты и др.). Кроме того, большое число ассоциаций, объединяющей исламскую молодежь во Франции, зарегистрированы не как религиозные, но как социальные организации, заявляя основной целью развитие спорта, музыкальные и культурные учреждения и центры и т.д.

словам Д. Эрвьё-Леже, лишь в последние десятилетия XX в. французы с беспокойством начали “открывать среди себя” присутствие ислама, в первую очередь как следствие психологического шока от неуклонного роста исламистских движений во всех мусульманских странах, прежде всего в Алжире, стране особенно значимой для французов, а последнее время значимой и собственно на французской территории.

К 1999 г. происходит очевидная трансформация положения иммигрантов, прибывших на работу во Францию из Магриба: становится фактом оседлость их семей в принимающей стране, приближается к совершеннолетию поколение мусульман, родившихся во Франции в семьях иммигрантов, имеющих французское гражданство (по праву рождения на французской территории) и идентифицирующих себя уже с Францией, а не со странами происхождения родителей. Именно эта молодежь в настоящее время оказывается наиболее затронутой сложностями социальной и профессиональной интеграции. Она наиболее уязвима и постоянно ощущает на себе последствия маргинализации. Опыт отрицания социальной идентичности, с которым она ежедневно сталкивается, приводит к тому, что религия становится для нее социальным и психологическим пространством, на котором становятся возможными подтверждение своего достоинства и построение собственной идентичности. Молодые люди ищут возможность коллективно и публично исповедовать ислам, который они воспринимают как основное и фундаментальное измерение их социальной и культурной идентичности. Для них ислам стал единственным культурным и символическим благом, которым они особым образом обладают перед лицом “чистокровных французов” (*français de souche*), и который позволяет им эффективно преобразовать насильно навязанную маргинализацию в добровольно принимаемое отличие.

Поскольку ислам не располагает, по крайней мере во Франции, ни единым институтом, ни духовенством, которые бы могли взять на себя институциональное регулирование идеологии общин, формирование идентичности выражается в значительном разнообразии вариантов, которые открываются перед индивидом. Французский ислам оказывается в высшей степени полицентричным. Это вызывает интенсивную конкуренцию между различными группами, каждая из которых считает себя проводником подлинного ислама и старается контролировать конкретные учреждения: мечети, школы, радиостанции, телевизионное пространство, отведенное исламу в воскресных утренних передачах, журналы, ассоциации и местные общины. Социолог Брюно Этьен выделяет

в современном французском исламе три уровня конкурирующих структур:

– во-первых, “маленькие общины, организующиеся локально, практически без какой-либо связи друг с другом, каждая из которых стремится лишь организовать жизнь мусульман в религиозном и культовом плане”;

– во-вторых, “ассоциации, созданные с участием зарубежных государств, призванные помочь выходцам из этих стран”;

– в-третьих, “исламские лиги, поддерживающие проблематику мусульманских меньшинств, так как их определяет исламская ортодоксия”¹⁰.

“Каждая из этих структур более или менее независимо формирует своих клерков, проповедников, имамов. Ислам распадается на мозаику различных в идеологическом, этническом и национальном плане групп, частью находящихся под контролем конкурирующих организаций, таких как Парижская соборная мечеть (*la Grande Mosquée de Paris*), Национальная федерация мусульман Франции (*la Fédération nationale des Musulmans de France*), Союз исламских организаций Франции (*l’Union des organisations islamiques de France*), Ассоциация Вера и Практика (*l’association Foi et Pratique *Jamah-al-Tabligh**)”¹¹. Французское государство оказалось бессильно разработать регулирующие механизмы и выявить единого и заметного контрагента, способного выступить от имени всей (единой) “мусульманской конфессии”. Инициативы были предприняты как правыми, так и левыми правительствами, однако призывы к “консисторизации” французского ислама да настоящего времени остались безуспешными. Ислам сопротивляется институциональной конфессионализации и показывает пределы светского управления отношениями между религиями и государством.

Решение основать в рамках французского университета Центр изучения ислама на стыке образования и научного исследования, способного формировать религиозную образованную элиту (а не имамов), по мнению правительства должно было явиться первым этапом решения проблемы ислама. “Не отказываясь от поиска контрагента, государство основывает институт, который сможет быть признан большинством мусульман, – было подчеркнуто в коммюнике Министра внутренних дел от 19 мая 1998 г., – хотя на решение проблемы и необходимо время, но государство не отказывается от решительных действий, чтобы в рамках республиканской светскости помочь нашим мусульманским соотечественникам признать

¹⁰ *Etienne B. L’islamisme radical. P., 1987. P. 308–309.*

¹¹ *Ibid.*

свою культуру и положить конец дискриминации”¹². До настоящего времени решению проблемы взаимодействия государства и ислама препятствует внутренний раскол мусульманского населения Франции по религиозному, этническому, расовому и культурному признаку.

Ситуация создает благоприятную почву для различного рода всплеск противоречий и скандалов. Очень показательным для социологического анализа попыток интеграции и (само-)маргинализации мусульманского населения представляется Д. Эрвьё-Леже, например, “Дело мусульманского платка” (*Affaire du voile islamique*), которое некоторые обозреватели назвали “новым делом Дрейфуса”. Событие, которое может показаться мелочью, вызванной упрямством подростков, спровоцировало судебные, политические и общественные разбирательства, которые длились во Франции долгие годы¹³.

В июне 1989 г. административный совет колледжа в городе Крей в 50 км к северу от Парижа, в котором обучалось около 900 учеников 25 разных национальностей, из которых около 2/3 мусульмане, принимает решение, касающееся большой группы учеников иудейского вероисповедания, которые стали систематически пропускать школьные занятия по субботам и в еврейские праздники. Во имя светскости преподаватели решили внести в школьные правила уточнение, признающее отсутствие на занятиях по религиозным причинам неуважительным, а также ввели требование сдержанности в вопросе ношения заметных религиозных символов.

Преподаватели упоминали в этой связи учениц, носящих мусульманские платки — хиджабы (*hijabs*). Однако в начале нового учебного года три девушки отказались снять платок и оказались недопущенными на занятия. Далее следует временное отстранение от занятий этих трех учениц, отказавшихся подчиниться школьным правилам. Соборный совет администрации колледжа с участием родителей трех учениц и президентов тунисского, марокканского и алжирского светских землячеств и представителей ассоциации родителей школьников, казалось бы, находит компромисс: девушки могут носить платок на голове в здании школы, но должны носить его, сбросив на плечи во время занятий в классах. Кроме того, они обязуются посещать все занятия без исключений, в том числе естественные науки и физкультуру.

¹² Le Monde. 1998. 21 Mai.

¹³ В действительности “Дело мусульманского платка” было закрыто только в марте 2004 г. принятием закона “О ношении заметных религиозных символов”, подтвердившим запрет на ношение религиозных символов в государственных школах.

Но уже в скором времени конфликт становится достоянием прессы: вначале локальные, а затем и национальные СМИ широко освещают проблему, красочно драматизируя события. Параллельно идеологические противоречия вызывают обсуждение на национальном уровне. Министр национального образования, молодежи и спорта, социалист — и протестант — Лионель Жоспен занимает взвешенную позицию, которую он сохранит в продолжение всех дебатов, считая, что “необходимо сохранить принцип светскости в школе, не акцентируя религиозную принадлежность в видимых знаках”. Вместе с тем, он напоминает, что “школа создана, чтобы принимать детей, а не исключать их”. Эти положения он подтвердил во время выступления в Национальном собрании 25 октября 1989 г.: “...светскость не должна быть воинствующей. Напротив, она должна быть благожелательной и гостеприимной, ее главное назначение — избежать религиозных войн”. “Было бы большой ошибкой, — добавляет он, — приняв жесткое решение, вызвать в ответ движение солидарности целой общины вокруг нескольких изолированных элементов. Нельзя, отвергая, практикуя изоляцию, благоприятствовать эволюции ислама в рамках западного общества. Кто вам сказал, что через десять лет эти молодые мусульманские девушки, которых сегодня обсуждает пресса, не эмансипируются, а все еще будут носить платок?”¹⁴ Эта умеренная позиция, явным образом была поддержана президентом Ф. Миттераном (F. Mitterrand) и премьер-министром М. Рокаром (M. Rocard).

Однако она столкнулась с радикализацией других позиций на политической сцене. В Крей, символическом месте конфликта, три ученицы в скором времени нарушили соглашение, попытавшись носить платок во время занятий. Этот поворот вызвал встречу отцов учениц с соруководителем Национальной федерации мусульман Франции Даниэлем Юссефом Леклерком (Daniel Youssef Leclerc), защищавшим идею о том, что ношение платка девушкой является “делом целомудрия” и провозглашавшим, что “в вопросах веры не может быть никакого компромисса”. Девушки были немедленно удалены с занятий в классах, но размещены в школьной библиотеке. Созданный Комитет поддержки учениц из Крей подал жалобу на “расовую дискриминацию”. Вместе с тем, легальные уличные демонстрации в Париже, организованные 22 октября двумя интегралистскими мусульманскими организациями, собрали не больше шестисот человек и не были признаны ни Соборной парижской мечетью, ни Советом Национальной федерации мусульман Франции.

¹⁴ Le Monde. 1989. 25 Oct.

Это разделение мусульманских ассоциаций в стратегии по отношению к административным мерам, которые одни расценивали как “дискриминационные” и “нетерпимые”, а другие признавали законными, проливает свет на более общую проблему, а именно на проблему разделения, которое произвело “дело платка” во всех политических, религиозных и идеологических общностях, так же как и среди интеллектуалов, приложивших свое перо к драматизации конфликта.

Со стороны светских организаций позиция также была далеко не единой. Наиболее радикальные требовали общего запрета на ношение исламского платка, другие призывали, напротив, к “открытой светскости”. М. Морино (M. Morineau), секретарь Национальной лиги преподавателей, организации-маяка светских течений, вопрошал: “Действительно ли девушки проявили желание оказать какое-либо влияние на своих одноклассников? Молились ли они явным образом в классе? Выражали ли неприязнь к католикам, протестантам, иудеям или неверующим? Отказались ли они заниматься какими-либо предметами? Нет, они всего лишь носили платок! Школьные правила не священны, не вечны, и светскость не состоит в поддержании установленного однажды порядка любой ценой”¹⁵. Ассоциация родителей школьников (FCPE), открыто левая по политическим ориентациям и твердо приверженная принципам светскости в публичной школе, также выразила сомнения: “Чем хвалиться? Явно не исключением, отбрасывающим стороны спора к наиболее категоричным позициям, явно не строгими национальными правилами поведения. Нужно найти правильный путь между насильным отвержением, решением упрощенным, и капитуляцией, вредоносным решением”¹⁶.

Профсоюзы преподавателей высказали, напротив, позицию, решительно отвергающую любое соглашение с ношением платка, во имя “заслона подъему любого рода религиозного интегризма и во имя гендерного равенства”, поруганного обязательным ношением платка. Также во имя прав женщин феминистские ассоциации сплотились против позиции министра образования, по их мнению, слишком примирительной. Ассоциация “Великий Восток Франции” (*Grand Orient de France*) также высказала близкую позицию. Что касается антирасистских ассоциаций и ассоциаций защиты прав иммигрантов, то их мнения разделились. “SOS-расизм”, скорее левый политически, считал термины дискуссии ошибочными: “В действительности вопрос состоит не в том, носить или нет платок, — подчеркивает президент “SOS-расизм” Гарлем Дезир

¹⁵ Le Monde. 1989. 26 Oct.

¹⁶ Déclaration du 24 Octobre 1989.

(Harlem Désir) — но в какую школу пойдут ученики и как им удастся интегрироваться в общество”¹⁷. Тогда как президент Ассоциации “Франция-плюс” Арезки Дахмани (Arezki Dahmani), скорее либеральной, требует у министра образования “срочно обеспечить соблюдение светскости в противовес платкам, кипам и другим религиозным знакам, которые угрожают миру в школе”¹⁸.

Со стороны религиозных немусульманских организаций позиции оказались также неоднозначными. Иудейские организации поддержали требования свободного выражения религиозной веры в школе, поскольку это не приводит к “опасности дестабилизации общества”. Протестантские организации считали, что “нет никаких оснований запрещать ношение платка в школе, поскольку это не служит какому-либо прозелитизму. Однако обязательным должно быть сохранение светскости школы”¹⁹. Католическая церковь разделила подобное мнение и старалась, прежде всего, по словам кардинала Люстиже, архиепископа Парижа, дедрамотизировать ситуацию и снять напряжение: “Ношение платка может иметь для молодежи лишь оппозиционное значение, подобно как прическа раста, желание противопоставить себя и заявить о себе. Не будем же объявлять войну мусульманским подросткам (*beurs*). Прекратите огонь! Не будем путать проблемы ислама и проблемы подросткового возраста. Прекратим спор до тех пор, пока мусульманские духовные лидеры не объяснят нам точное значение платка, чтобы можно было понять, насколько это противоречит или нет французскому пониманию светскости”²⁰. Именно католические частные школы стали принимать исключенных из светских школ мусульманок, разрешая им ношение хиджаба.

В процессе политико-идеологической радикализации дебатов были высказаны как непримиримые взгляды некоторых светских антирелигиозных течений, так и неприятие ислама иммигрантов и ксенофобия со стороны правых консервативных и националистических движений, а также интеллектуалов, носителей антагонистических взглядов “миссии левых”. Некоторые задавались даже вопросом, “увидит ли год Двухсотлетия (Французской республики. — Прим. С.Т.) Мюнхен республиканской школы”²¹. Другие опасались, что исключение исламских подростков создаст благоприятные условия для распространения интегризма и взглядов

¹⁷ Déclaration du 15 octobre 1989.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Déclaration de la Fédération protestante de France du 24 octobre 1989.

²⁰ Entretien à l'Agence France-Presse du 19 octobre 1989.

²¹ “Profes, ne capitulons pas!”, lettre signée par E. Badinter, R. Debray, A. Finkielkraut, E. De Fontenay, C. Kinlzler // Nouvel Observateur. 1989. 2 Nov.

Национального фронта, и утверждали, что те, “кто сегодня упоминает Мюнхен республиканской школы, не прекращают Виши интеграции иммигрантов”²².

Вместе с тем, Д. Эрвьё-Леже подчеркивает, что также были высказаны и примиряющие позиции, призывающие снять напряжение, оценить регулирующую роль ислама во Франции²³, и противопоставить конфликту педагогическую и воспитательную проблему, например, как помочь молодым мусульманкам достичь в рамках школы настоящей личной независимости, несмотря на давление со стороны отцов, а чаще старших братьев. Следует отметить, что эти усилия рационализации имели слишком малый вес по сравнению с разгулом анафем.

В этом контексте идеологической войны министр национального образования предпринял попытку управления конфликтом “сверху”. Уведомление Государственного совета от 27 ноября 1989 г. признало, что «ношение религиозных знаков школьниками не является несовместимым со светскостью школы, при условии, что эти знаки не носят “показной и претенциозный характер”». Этот документ оставляет за руководством учреждений “заботу под юридическим контролем оценивать в каждом случае пределы возможной толерантности”. Министр опубликовал также циркуляр, в котором применил принципы, обнародованные Государственным советом. В случае ношения школьниками религиозных знаков, приоритет был предоставлен диалогу при условии, что эти детали одежды не будут способствовать пропаганде религиозного верования, однако важным признана твердость в случае, если принципы нейтралитета и успеваемость учеников будут поставлены под угрозу.

Этой попытке содействовать в каждом конкретном случае решению вопроса “дела платка” не удалось изменить динамику дискуссии, как этого желал министр. Именно “двусмысленность”, а не гибкость позиции властей вызывала критику со стороны профсоюзов преподавателей, которые не желали переложения ответственности за решение этих проблем на учителей. Также бурные протесты наблюдались со стороны движения феминисток. Политически правые силы, стремясь противостоять растущей притягательности взглядов ультраправого Национального фронта, постоянно упоминающего “исламское нашествие”, ухватились за “дело платка”, чтобы глобально разоблачить “лаксизм” правительства и поставить

²² Lettre signée par J. Kaufmann, H. Désir, R. Durnont, G. Perrault, et A. Touraine // Politis. 1989. 9–15 Nov. N 79.

²³ Roux M. Vers un islam français // Hommes et Migrations. 1990. Février-Mars. N 1129–1130.

под сомнение эффективность политики интеграции, проводимой в отношении иммигрантов.

В отсутствие адекватной практики переговоров в 1991–1992 гг. случаи новых “дел платков” становятся многочисленными и банализируются административно. Несколько десятков случаев исключения школьников в разных частях Франции каждый год выносились их семьями на административные суды, как правило подтверждавшие правильность решения об исключении. Это решение затем оспаривалось на апелляции в Государственном совете, который отменял внутренний распорядок заведений, приводивший к ситуации исключения. Анализ решений этих судов позволяет от случая к случаю выделить ситуации, в которых оказывались девушки: одни соглашались в конечном итоге снять платок, другие выбирали заочное образование. Третьим, неожиданным вариантом оказались регулярные факты, когда исключенные девушки принимались... в католические частные школы с разрешением носить платок, но обязались не заниматься прозелитизмом. В некоторых случаях отмечается участие мусульманских лидеров. Так ситуация в Крей потребовала прямого личного вмешательства короля Марокко, предводителя Верных, который эксплицитно попросил всех молодых девушек марокканского происхождения снять платок на занятиях и принять все правила французской светской школы, что позволило восстановить их в колледже.

Драматизация “дела о платке” и крах попыток урегулирования, предполагавших переговорное решение конфликта, развивались на фоне еще более глубокого и фундаментального социального и культурного конфликта. Его основой стал вопрос о месте в демократическом обществе, дестабилизированном безработицей, общин иммигрантов, а значит, и ислама в целом²⁴. Наложение двух проблем еще более явно проявилось во второй горячей фазе “дела о платке”, которая началась с началом учебного 1993-го г. в колледже Ксавье-Биша в коммуне Нантюа в департаменте Эн (Юра), где четыре молодые турчанки отказались снимать платок во время занятий физкультурой и были исключены. Кроме собственно школьной проблемы кризис вскрыл отторжение, с которым сталкивалась многочисленная турецкая община большей частью легальных мигрантов в этом регионе востока Франции. Языковой барьер (в отличие от магрибских общин, практически свободно говорящих по-французски, выходцы из Турции, особенно женщины, владели французским языком крайне слабо) и религиозный фактор стали ключами замкнутости и маргинализации общины, и, как следствие,

²⁴ *Willaime J.P.* La laïcité française au miroir du foulard // *Le Supplément*. 1992. Juill. N 181.

вынудили иммигрантов искать реализацию собственного достоинства и идентификации в более строгом соблюдении этнических и религиозных традиций. “Дело Нантюа” выявило политическое и социальное измерение конфликта, выражавшегося в агрессивной ксенофобии, требованиях ограничения иммиграции и эффективного обнаружения и высылки незаконных мигрантов. Конфликт высветил гораздо более важные социальные противоречия, чем желание полного запрещения ношения платков в школе.

Через некоторое время в Национальной Ассамблее члены наиболее консервативного крыла большинства потребовали от центристского министра Национального образования правого правительства, пришедшего к власти, Франсуа Байру (François Bayrou) положить конец “институциональному вандализму”, разрешенному циркуляром Л. Жоспена 1989 г., который якобы “одобрял продолжение коварного джихада со стороны мусульман в лоне публичной школы”. Чтобы ослабить это давление и успокоить руководителей школ, опасавшихся юридического отзыва своих решений, Ф. Байру опубликовал 27 октября 1993 г. новый циркуляр, в котором в целом были повторены положения циркуляра Жоспена 1989 г. и Уведомления Государственного совета от ноября 1989 г. Основные принципы были сохранены, и текст настаивает на ответственности руководителей учреждений в принятии решения, приглашает их реагировать своевременно и стойко перед лицом давления и провокаций с любой стороны и прозелитизма, способных поколебать общественный порядок.

После ожесточения нескольких местных конфликтов возникает необходимость во втором циркуляре от 20 сентября 1994 г., который идет дальше, определяя ношение религиозных символов как “знаки, которые сами по себе являются элементами прозелитизма” и обращаясь к руководителям учреждений с просьбой “предложить административным советам внести в редакцию внутреннего распорядка учебных заведений явный запрет на ношение заметных знаков, понимая при том, что ношение более скромных символов является частью личных убеждений и не может стать объектом подобных запретов”. Ясно становится, что понятие “заметные знаки” относится здесь к мусульманскому платку, тогда как нательные крестики и даже кипы рассматриваются как “скромные знаки”. Принятый под давлением политического большинства второй циркуляр Ф. Байру принял в конечном итоге “концепцию французской идентичности, которой угрожает иммиграция” и способствовал процедурам исключения. Хотя министр желал, как и его предшественник, “убедить, а не принудить”, но итог его деятельности представляется критикам довольно неубедительным.

С 1989 по 1996 г. по результатам разбирательств разных уровней тысяча пятьсот девушек предпочли снять платок, тогда как сто пятьдесят других были исключены из учреждений. Это значительное число исключений не означает только лишь “крах школы”. Невозможность наладить механизм, позволяющий находить оптимальные решения, исходя из личного отношения молодых мусульманок по отношению к ношению платка²⁵ показывает также крах попыток светского управлять религиозным²⁶.

Оказывается ли ислам “неассимилируемым” Республикой? Часто задаваемый, этот вопрос столь же касается ислама, сколько тех “правил ассимиляции”, которые Республика предъявляет религиям на национальной почве и территории. Так как эти правила определяют в действительности многочисленные случаи “неявного режима культов”, признанных по умолчанию, в результате неуправляемости религиозной ситуации. Особым случаем в этом становится отношение государства к новым религиозным организациям и сектам.

Намеченные Д. Эрвьё-Леже проблемы мусульманского сообщества, прежде всего, “опыт отрицания социальной идентичности, с которым они (мусульманская молодежь. — Прим. С.Т.) ежедневно сталкиваются, приводит к тому, что религия становится для них пространством, на котором возможно достижение достоинства и построение собственной идентичности. В 1999 г. еще казалось, что необходимо предоставить соответствующие условия для интеграции, ситуацию удастся, по меньшей мере, контролировать... Если необходимо время, государство не отказывается от вмешательства, чтобы в рамках республиканской светскости помочь нашим мусульманским соотечественникам признать свою культуру и положить конец дискриминации”²⁷.

Сегодня значительная часть мусульманского сообщества больше не собирается интегрироваться в западноевропейское общество. Подобно карикатурному городку *Брадфорду*, переименованному в *Брадистан*, из британского фильма “Восток есть восток” (*East Is*

²⁵ Исследователями выявлен целый спектр отношений к платку самих девушек: от отвержения жертвы, принуждаемой к ношению, безразличия, личного выбора как знака собственной идентичности и, наконец, до воинствующих позиций по отношению к ношению платка (см.: *Gaspard F., Khosrowkhavar F. Le Voile et la République. P., 1995*).

²⁶ Для разрешения сложившейся ситуации г-жа Харрифа Шерифи (Mme Harrifa Cherifi), член Высшего совета по интеграции (le Haut Conseil à l'intégration (HCI)) была назначена национальным медиатором в ноябре 1994 г. Она старалась от случая к случаю преодолеть дисциплинарность подхода к ношению платка и настроить противоборствующие стороны на терпимое и понимающее отношение к требованиям каждого из акторов: девушек, их родителей, преподавателей (интервью в *Monde*, 10–11 Janvier 1999).

²⁷ *Le Monde*. 1998. 21 Mai.

East, 1999), в Европе наблюдаются целые анклавы (в Париже и пригородах, в Брюсселе, в Великобритании), где люди остаются на европейской территории, но полностью в привычной им культуре. Европейская полиция не решается заходить на эти территории, так что они оказываются практически стихийно самоуправляемыми.

Религиозные аспекты в какой-то мере становятся видимыми индикаторами более сложных социальных процессов. Они оказываются “на виду”, благодаря тому, как это показал Ю. Хабермас, что в условиях социальных изменений, утраты привычных статусов и условий, люди оформляют свой протест в виде усиления религиозной мотивации своих действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колкунова К.А. Религии Нового века как религиоведческая проблема // Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. М., 2013. С. 103–112.

Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире // Эксперт. 2013. № 1: Специальный номер. С. 14–18.

Степанова Е.А. Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 110–122.

Трофимов С.В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвье-Леже // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218.

Трофимов С.В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвье-Леже // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 130–138.

Трофимов С.В. Особенности регуляции религиозного вопроса светским обществом во Франции по Д. Эрвье-Леже // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 7 (85). С. 176–183.

Хабермас Ю. Вера и знание // Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 117–131.

REFERENCES

Ammerman N. Observing modern religious lives // *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives* / Ed. by N. Ammerman. Oxford, 2007.

Baubérot J. La Laïcité, quel héritage? De 1789 à nos jours. Genève, 1990.

Bauman Z. Postmodern Religion? // *Religion, Modernity and Postmodernity* / Ed. by P. Heelas et al. Oxford, 1998.

Champion F. Religieux flottant, éclectisme et syncrétisme // Delumeau J. *Le Fait religieux*. P., 1993. P. 741–772.

Communiqué du ministre des Affaires intérieures du 19 mai 1998 // *Le Monde*. 1998. 21 Mai.

- Déclaration de la Fédération protestante de France du 24 octobre 1989.
Déclaration des Syndicats des enseignants du 24 octobre 1989.
Etienne B. L'islamisme radical. P., 1987.
Gaspard F., Khosrowkhavar F. Le voile et la République. P., 1995.
Hervieu-Léger D. La religion comme mémoire. P., 1993.
Hervieu-Léger D. Religion as a chain of memory. Cambridge, 2000.
Hervieu-Léger D. De la mission à la protestation. P., 1973.
Hervieu-Léger D. Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. P., 1999.
Khabermas Yu. Vera i znanie [Faith and knowledge] // *Budushchee chelovecheskoi prirody*. M., 2002. S. 117–131 (in Russian).
Kolkunova K.A. Religii Novogo veka kak religiovedcheskaya problema [Religions of the New Age as a Religious Problem] // *Novye religii v Rossii: dvadtsat' let spustya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moskva, Tsentral'nyi dom zhurnalista, 14 dekabrya 2012 g. M., 2013. S. 103–112 (in Russian).
Lettre signée par J. Kaufmann, H. Désir, R. Durnont, G. Perrault, et A. Touraine // *Politis*. 1989. 9–15 Nov. N 79.
Possamai A. Religion and popular culture: a hyper-real testament. Brussel, 2005.
“Profs, ne capitulons pas!”, lettre signée par E. Badinter, R. Debray, A. Finckelkraut, E. De Fontenay, C. Kinzler // *Nouvel Observateur*. 1989. 2 Nov.
Roux M. Vers un islam français // *Hommes et Migrations*. 1990. Févr.–Mars. N 1129–1130.
Sinelina Yu.Yu. Religiya v sovremennom mire [Religion in the Modern World] // *Ekspert*. 2013. N 1: Spetsial'nyi nomer. S. 14–18 (in Russian).
Stepanova E.A. Religiya v SShA i Zapadnoi Evrope: isklyuchenie ili pravilo? [Religion in the US and Western Europe: an exception or rule?] // *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2012. Vyp. 12. S. 110–122 (in Russian).
Trofimov S.V. Individualizm i tipy religioznykh veruyushchikh v rannei teorii D. Erv'e-Lezhe [Individualism and types of religious believers in the early theory of the village of Hervieu-Léger] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2014. N 4. S. 204–218 (in Russian).
Trofimov S.V. Osobennosti formirovaniya sovremennogo religioznogo individualizma po D. Erv'e-Lezhe [Features of the formation of modern religious individualism by D. Hervieu-Léger] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2015. N 3. S. 130–138 (in Russian).
Trofimov S.V. Osobennosti regulyatsii religioznogo voprosa svetskim obshchestvom vo Frantsii po D. Erv'e-Lezhe [Features of the regulation of the religious question by secular society in France by D. Ervö-Leger] // *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2015. N 7 (85). S. 176–183 (in Russian).
Willaime J.P. La laïcité française au miroir du foulard // *Le Supplément*. 1992. Juill. N 181.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-193-209

ВЕРУЮЩИЙ В ИНТЕРАКТИВНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ И ДИАЛОГ С АТЕИСТАМИ

Р.Е. Фазилов, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

В статье ставится проблема потребления информации верующими в интернете. Глобальная мировая сеть, являясь огромным кладом информации, содержит большой объем контента, оскорбительного и неприемлемого для религиозного человека. При этом нельзя сказать, что он собран в одном или нескольких местах, напротив, данная информация хаотично рассеяна в самых разнообразных частях мировой паутины. В результате этого перед верующим встает важный вопрос: как избежать негативного контента, который, помимо прочего, может содержать в себе угрозу религиозной идентичности? Или, быть может, подобного контента не стоит избегать, а с производителями и носителями негативной информации следует вступить в диалог? Ясно проступает и другая проблема, тесно связанная с первой: как построить конструктивный диалог между верующими и представителями других мировоззренческих систем, обеспечив полемику, а не перепалку? В статье анализируются причины укорененности и широкого распространения агрессивного антирелигиозного дискурса в интернете. Рассмотрена иерархическая структура антирелигиозного дискурса. Приведены основные стратегии информационного поведения верующих в киберпространстве, связанные с возможностью столкновения с негативным и оскорбительным контентом. Исследованы особенности диалога между верующими и атеистами, связанные с устройством современного светского общества. Приведено соотношение понятий “верующие-атеисты” и “религиозное-светское”. Обозначена проблема поиска “общего языка” для обеспечения эффективности диалога между верующими и представителями других мировоззренческих систем, в частности, рассматривается вопрос перевода религиозных категорий в светский дискурс. Кроме того, отмечается проблематика соотношения религии и различных идеологических проектов. Обозначается роль радикально настроенных представителей религиозного и антирелигиозного лагерей в осуществлении диалога между верующими и неверующими.

Ключевые слова: религия, атеизм, верующие, атеисты, интернет, секуляризация.

* Фазилов Руслан Евгеньевич, e-mail: fazilov1988@bk.ru

BELIEVER IN THE INTERACTIVE INFORMATION SPACE: PRACTICES OF INFORMATION CONSUMPTION AND DIALOGUE WITH ATHEISTS

Fasilov Ruslan E., Graduate student, Department of modern sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: fazilov1988@bk.ru

The article poses the problem of information consumption of believers in the Internet. The global world network, being a huge storehouse of information, contains a large amount of content that is offensive and unacceptable for a religious person. It cannot be said that it is collected in one or several places, on the contrary, this information is scattered chaotically in the most diverse parts of the Internet. Important question is raised before the believer: how to avoid negative content, which, in addition, may contain a threat of religious identity? Or, perhaps, it should not be avoided, but with producers and carriers of negative information, one should enter into a dialogue? Following problem clearly emerges, closely related to the first: how to construct a constructive dialogue between believers and representatives of other worldview systems, providing polemics, not squabbling? The article analyzes the reasons for the rootedness and wide spread of aggressive anti-religious discourse on the Internet. The hierarchical structure of anti-religious discourse is considered. The main strategies of informational behavior of believers in cyberspace, related to the possibility of collision with negative and offensive content are given. The peculiarities of the dialogue between believers and atheists connected with the organization of modern secular society are explored. The correlation of the concepts "believers-atheists" and "religious-secular" is given.

Key words: religion, atheism, believers, atheists, the Internet, secularization.

Религия всегда была тесно связана с механизмами распространения информации. Священные тексты, записанные на свитках и в рукописных книгах, бережно передавались из поколения в поколение. Требовалось транслировать сакральные знания в ценности и сохранности, без малейших искажений, которые могли бы спровоцировать появление ереси или раскола. Изобретение печатной книги открыло новые возможности для распространения информации, причем новая технология в первую очередь активно использовалась Церковью. Со временем множество верующих обрели возможность ознакомиться со священными текстами в первоисточнике. Однако новые технологии приносят не только преимущества, но и новые проблемы. Благодаря масштабу распространения печатной книги в ходе процессов секуляризации религиозные институты теряют монополию над средствами производства информации, в результате чего получают широкое распространение со-

чинения не только отклонившихся религиозных движений, но и откровенно антирелигиозных сил.

Это справедливо для каждой новой информационной технологии, будь то радио, телевидение, средства звукозаписи и интернет. Впрочем, последняя технология обладает яркой спецификой, радикально выделяясь своей структурой и уникальными особенностями. В чем это заключается?

Во-первых, “интернет... завершает стадию освоения опыта своих предшественников: он включает в себя документооборот, библиотеки, радио, кино, телевидение, музыку, выстроил на своих просторах систему СМИ по образу и подобию печатной (собственные газеты и журналы)”¹, другими словами, сеть как бы интегрирует внутри себя все существующие до сего дня механизмы и технологии распространения информации, создавая вокруг них новые практики и возможности.

Во-вторых, традиционные СМИ, к которым мы относим телевидение, радио и печатную прессу, предоставляют потребителям информацию в отредактированном в соответствии с особой политикой издания формате. Исходя из этого, традиционные СМИ следует охарактеризовать как закрытые. Кроме того, они исключают или сводят к минимуму (например, звонок на телепередачу) интеракцию со стороны потребителей информации, поэтому их также можно обозначить как замкнутые.

Новейшие СМИ (интернет), напротив, обладают высокой степенью интеракции и открытости. Чтобы опубликовать статью в газете, нужно являться сотрудником издания и пройти редактуру. Чтобы сделать пост или написать комментарий на развлекательном ресурсе, этого не требуется: по сути, перед нами “чистые” голоса (с сохранением стилистики изложения, орфографии, пунктуации, интонационных и речевых особенностей) потребителей и создателей информации, ограничить свободу которых могут разве что особые правила модерации на сайтах, которая, впрочем, может практически полностью отсутствовать. Таким образом, если информация, преподнесенная в традиционных СМИ, вызывает резонанс за ее пределами, то информация в новейших СМИ сразу вовлекается в процесс обсуждения. Теперь “пользователь может непосредственно вмешиваться и изменять образы и тексты, ценности и нормы, идеи и знания, которые ему доступны”², отныне он не пассивный потребитель информации, но и ее корректор и производитель.

¹ Подставка Е.Н. Офлайн и онлайн: единство и борьба противоположностей // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). С. 221–225.

² Медведева Е.Н. Проблема формирования религиозной идентичности в киберпространстве // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63). С. 72–78.

Создание интернета оказалось настолько революционным для системы распространения и обмена информацией, что порой приравнивается по значимости к изобретению печатной машины И. Гутенберга³. Мировая глобальная сеть была создана достаточно недавно, поэтому исследования взаимодействия нового информационного пространства и религии в основном сосредоточены вокруг спектра предельно обобщенных тем, в результате чего в научной рефлексии до сих пор остается множество лакун. Наиболее распространены исследования новых религиозных практик, а также способов и механизмов приспособления религии к сетевому информационному пространству. В качестве примера можно привести концепцию разделения “религии-онлайн” (взаимодействие ради осуществления оффлайн-религиозных действий) и “онлайн-религии” (осуществление религиозных практик непосредственно в киберпространстве) К. Хэлланда⁴. Испанский социолог М. Кастельс исследовал⁵ влияние интернета на традиционные иерархические структуры религиозных организаций, которое, согласно его мнению, носит негативный характер. В исследованиях Е.В. Гаврилова⁶, О.П. Чернега⁷, Л.В. Сагитовой⁸ прорабатываются темы размывания религиозной идентичности в сети, формирования сакрального в киберпространстве, механизмов создания и поддержания межрелигиозных конфликтов в цифровом пространстве, существования отдельных религиозных практик (“свидетельств”) в интернете. Особняком стоит тема исследования виртуальных буддистских сообществ⁹.

³ *O’Leary S.* Cyberspace as sacred space: communicating religion on computer networks // *Journal of the American Academy of Religion.* 1996. Winter. N 64. P. 781.

⁴ *Helland C.* Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet // *Online Heidelberg Journal of Religions on the Internet.* 2005. Vol. 01.1. Special issue on theory and methodology. P. 1–16.

⁵ *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

⁶ *Гаврилов Е.О.* Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // *Мир науки, культуры, образования.* 2014. № 3 (46). С. 344–346.

⁷ *Чернега О.П.* Религиозный интернет: институциональные и творческие аспекты // *Мир науки, культуры и образования.* 2010. № 1. С. 30–31.

⁸ *Сагитова Л.В.* Политизация религии и этничности в Интернете: технология конструирования конфликта // *Вестник экономики, права и социологии.* 2015. № 3. С. 256–261.

⁹ *Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпилов Н.В.* Российский буддизм в интернет-измерении // *Власть.* 2015. № 7. С. 125–130; *Доржигушаева О.В., Дондуков Б.* Влияние информационных технологий на развитие буддийских сообществ России // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право.* 2016. № 3 (224). С. 110–114; *Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Доржиева И.Ц.* Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // *Вестник БГУ.* 2015. № 6. С. 86–91.

Одной из тем, заслуживающих углубленной проработки в научной литературе, являются даже не взаимоотношения между представителями разных конфессий в цифровом пространстве, но диалог между верующими в целом и атеистами. Вопрос является по-настоящему острым в виду того, что в сетевом пространстве ведет активную деятельность достаточно мощное антирелигиозное движение, обладающее внушительным конфликтогенным потенциалом.

Это во многом объясняется тем, что интернет представляет собой наиболее удобную информационную площадку для распространения и продвижения подобных взглядов. Причина тому – возможность мгновенного создания и распространения информации в социальных сетях и развлекательных сайтах без премодерации и редакторского контроля (что особенно актуально в связи с тем, что традиционные СМИ, как правило, избегают открытой критики религии). И все это с учетом воздействия на огромную аудиторию и наличие обратной связи. Кроме того, сама специфика коммуникаций в интернете подогревает воинствующие настроения: «Анонимность порождает ощущение вседозволенности и безнаказанности, что приводит к безответственности, активизируя в человеке некоторые психологические “атавизмы”, провоцирует людей на грубость, хамство, агрессию»¹⁰.

Итак, главная неприятность для верующего заключается в том, что он в любой момент может столкнуться с оскорбительным контентом, который во многом обусловлен особым антирелигиозным дискурсом, многослойным и иерархичным по своей сути. Опишем его основные характерные черты:

– представление о религии как о чем-то целостном и едином, отсутствие различий конкретных религий, что парадоксально сочетается с педалированием историко-культурных феноменов, создающих негативный имидж для конкретной религии (инквизиция, терроризм);

– негативные интерпретации, оскорбительные переосмысления догматов и священных символов;

– высмеивание обрядов, ритуалов, богослужения, и других элементов религиозной жизни;

– создание образа религии как чего-то архаичного, отживающего, и непримиримо противоречащего научному знанию, “здоровому” смыслу;

¹⁰ Овчинникова Е.А., Сергеев А.С. Этические проблемы информационного пространства // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2011. № 2. С. 38–43.

– формирование негативного образа верующего, как человека агрессивного, фанатичного и невежественного; так, в исследовании А.А. Оселкова “в ходе контент-анализа сочинений было выявлено наличие негативных установок у верующих по отношению к атеистам (у 59%) и у атеистов по отношению к верующим (у 71%)”¹¹;

– провозглашение принципа культурной изоляции верующих: “Секуляристы отказывают религии не только в праве командовать в обществе, но и в праве принимать участие в формировании культурной матрицы”¹².

Стоит отметить, что помимо явных антирелигиозных выпадов проблему для верующего могут составлять произведения искусства, не созданные в оскорбительных целях (авторы используют символические религиозные элементы, по замечанию В.С. Глаголева, исключительно в целях самовыражения¹³), а также материалы рекламного характера, и многие другие виды информации, которые могут восприниматься как оскорбительные. Например, “часть зрителей видит... пример языковой игры (возвращение компонентам оборота буквального значения), емкую и образную формулировку основной идеи... Однако верующие люди воспринимают подобный текст как оскорбление религиозной святыни, насмешку”¹⁴.

В сложившейся ситуации верующие сталкиваются с необходимостью адаптироваться к проявлениям недружелюбной информационной среды. Можно выделить несколько стратегий поведения, связанных с проблематикой потребления информации верующими.

Первая – информационная самоизоляция. Верующий проводит время исключительно в религиозном пространстве, читая соответствующие сайты, книги и паблики. Конфессиональное сообщество, впрочем, может вырабатывать формы адаптации актуальной информации к религиозному дискурсу, благодаря чему дискомфорт изолированности нивелируется. В качестве примера можно привести портал “Православие и мир”¹⁵, который включает в себя систему

¹¹ Оселков А.А. Социальная напряженность по религиозному признаку: психологические особенности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 70. С. 263–267.

¹² Фахразеева С.Р. Русская православная церковь в современной России: поиски места в обществе // Власть. 2014. № 8. С. 70–75.

¹³ Глаголев В.С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. III: Культурная динамика / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008. С. 11–13.

¹⁴ Малыгина Л.Е. Проблема десакрализации современного языкового сознания (на примере телевизионного промодискурса) // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 68–71.

¹⁵ Православие и мир. URL: www.pravmir.ru (дата обращения: 06.05.2017).

новостей, подсайт для женщин и матерей, людей с ограниченными возможностями, а также благотворительный фонд. Кроме того, на сайте развернута дискуссионная площадка, на которой православные обмениваются своими мнениями по наиболее значимым вопросам. Это, конечно, не означает, что цель данного портала состоит в создании самоизоляции как таковой, его цель, скорее, интеграция православных в единое сообщество. Тем не менее, в перспективе подобная форма может обеспечивать удобство навигации в лояльной информационной среде. Стоит отметить, что разные ресурсы придерживаются различной политики свободы выражения мнений, от вышеуказанного портала с обменом мнений, до электронных ресурсов, “заточенных” под конкретный религиозный проект, на которых редакция не пропускает “крамольные” публикации. В силу этого ресурсы с достаточно свободной модерацией также гарантировано не защищены от провокационного контента.

Следующая, вторая, стратегия – частичная самоизоляция. Она характеризуется спорадическими выходами за пределы “зоны комфорта” пространства религиозно-ориентированной информации. Таких верующих не устраивает самоизоляция в любой ее форме, они стремятся охватить все стороны информационного потребления. Известные фильмы, книги и компьютерные игры, актуальные общественные деятели – у верующих нет желания оставаться в стороне от этой манящей и обсуждаемой информации. Проблема в том, что религиозный человек постоянно рискует столкнуться с кощунственными и богохульными коннотациями, которые распространены как в массовой, так и в элитарной культуре. В таком случае сущность стратегии заключается в своеобразной презумпции информации – если в ней отсутствует антирелигиозная риторика, ее потребление дозволительно, если она есть – необходимо прекратить ознакомление.

Третья стратегия состоит в неограниченном информационном потреблении. В таком случае перед верующим встает вопрос о выработке “иммунитета” к проявлениям негативного отношения к его религии. Это проявляется в аффективных и интерпретативных практиках. В первом случае речь идет о формировании индифферентного или снисходительного отношении к выпадам против религии, пресечения чувств гнева и негодования. Во втором формируется тактика избирательного отношения к определенному рода шуткам и оскорблениям с целью разобраться, действительно ли они направлены против религии в целом, а не отдельных негативных проявлений в поведении верующих. Например, высмеивание священников, злоупотребляющих роскошью, может быть

направленно не против Церкви в целом, но адресоваться исключительно отдельным ее представителям. Здесь происходит разведение понятий. Интерпретироваться может и поведение отдельных публичных деятелей. Например, верующий может быть убежден, что несмотря на отдельные его выпады против религии публичный человек пропагандирует околорелигиозные ценности и занимается полезными делами. Благодаря подобным интерпретативным практикам религиозный человек легитимирует свое желание неограниченного информационного потребления. В условиях данной стратегии возникает угроза для религиозной идентичности: ознакомившись с определенной критической информацией, верующий может пересмотреть ряд религиозных убеждений, или вовсе перейти в другую веру, или стать атеистом. Впрочем, “интернет-пользователи, имеющие устойчивое религиозное мировоззрение, найдут в Сети скорее подтверждение своим воззрениям и систематизируют их, а не изменят своим религиозным принципам”¹⁶. Характер и сила воздействия информационного напора на религиозную идентичность зависят, в первую очередь, от устойчивости религиозных убеждений, референтной группы и особенностей картины мира верующего.

Четвертая стратегия принципиально отличается от предыдущих тем, что старается дистанцироваться от определенных сторон и качеств религии в пользу светской картины мира, с вкраплением религиозных идей. Впрочем, данную мировоззренческую стратегию можно объяснить не только желанием вытеснить религиозное из своего жизненного мира, но, напротив, придать ему религиозное содержание, которое, с одной стороны, укрепляло бы и придавало силы, и, с другой стороны, не налагало определенных ограничений. Как правило, концептуально священное в таких религиозных системах обозначается в качестве обобщенных абстракций: “верю в Высший разум”, “верю в порядок Вселенной”. В данном случае человек не испытывает потребности в принадлежности к группе единомышленников. Таким образом, из двух граней религиозной идентичности, личностной и социальной, вторая практически полностью утрачивает свое содержание.

Другим характерным примером своеобразной “внутренней секуляризации” выступает особая трактовка буддизма, получившая достаточно широкое распространение в современной массовой

¹⁶ Емельяненко В.Д., Александрова Н.В. Интернет и мировоззренческие основания религиозного сознания // Альманах современной науки и образования. 2015. № 2. С. 28–33.

культуре, но замеченная еще в советские времена¹⁷. Согласно данным интерпретативным практикам, буддизм не является религией, но представляет собой форму мировоззрения. Оставив за скобками дискуссию о том, насколько правомерен подобный подход, отметим, что буддизм, имея в своей основе представления о сверхъестественном устройстве мире (понятия сансары и нирваны), обладает родовыми признаками религии (впрочем, вполне возможно, что существуют определенные интерпретации буддизма, в которых максимально вытеснено религиозное начало). Здесь мы видим наглядный пример описанной выше ситуации — стремления вписать религиозную картину мира в секуляризированный дискурс, поскольку “религиозность” как абстрактный концепт вызывает отталкивающее отношение среди достаточно значимой части общества.

Данная стратегия может также проявляться в отказе от последовательной, структурной идентичности. Верующий не желает объявлять себя сторонником определенной ветви религии, демонстрируя свою принадлежность к предельно обобщенной религиозной концепции. «Вера без принадлежности имеет место, если человек, не принадлежащий к религиозной организации, относит себя к определенной религии. Языковые формулы такой религиозной самоидентификации — “духовно я себя чувствую христианином, но не принадлежу никакой конфессии”, “я чувствую близость буддизму”... Участники одного движения “опознают” друг друга, хотя не связаны друг с другом институционально»¹⁸. Примечательно, что речь идет не о церкви или умме, как о согласованной институционально обособленной общности верующих, но о движении — под этим словом стоит понимать спорадическое, ситуативное сообщество верующих различных конфессий, в основе которого лежит сумма однозначно разделяемых взглядов, своего рода ценностного фундамента. Здесь можно проследить разрыв с исторической традицией, а также тенденцию к экуменизму (в широком смысле слова).

Пятая стратегия — атакующая. Она может выражаться в ожесточенной полемике, и даже в призыве к наказанию. Как правило, призывы к насилию (и особенно его осуществление) в той или иной форме, массовые, или сделанные от лица известного человека, становятся ярким инфоповодом, получающим широкое освеще-

¹⁷ *Скрынникова Т.Д.* Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религия и идентичность в России: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М., 2003. С. 121–153.

¹⁸ *Мащитыко О.В.* Невидимая, рассеянная, пассивная: способы функционирования постсекулярной религиозности // Вестник СПбГУ. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 2. С. 100–110.

ние в информационной среде, что в дальнейшем создает проблемы для многих представителей данной религии, как, впрочем, и для ее противников.

И вызовы, и ответы на них формируют культурные и символические системы, каждая из которых ищет укорененности в определенном историческом наследии. Верующие апеллируют к концепциям “Третьего Рима”, более чем тысячелетней христианской славяно-византийской цивилизации, многим известным людям, которые были сторонниками православия. Атеисты опираются на советскую антирелигиозную риторику, успехи и достижения СССР в различных областях, совершенные во многом благодаря усиленной секуляризации. Впрочем, никто не мешает совмещению ряда черт взаимоисключающих дискурсов, что может с определенной стороны даже укрепить позиции проекта, так как он интерпретирует историю как непрерывный процесс, а не как череду последовательных смен парадигм. В связи с этим уже не вызывает удивления, что на иконе фигура И. Сталина соседствует с блаженной Матроной Московской¹⁹.

В связи с этим встает вопрос о том, как построить конструктивный диалог противоположных сторон. На уровне дискурсов вражды, как религиозных, так и антирелигиозных, это не представляется возможным, поскольку они представляют собой замкнутые системы мировосприятия, не стремящиеся к поиску точек соприкосновения. Как минимум, здесь необходима готовность к диалогу. Но этого недостаточно. Требуется построение такого дискурса, который может обеспечить эффективную интеракцию между оппонентами на едином фундаменте. Здесь важно отметить, что противостояние следует рассматривать не только с ракурса “верующие и атеисты”, но и с ракурса “религиозное и светское”. Как отмечают Е.Г. Камышова и М.Я. Яхьяев²⁰, светское – не обязательно антирелигиозное, но внерелигиозное, арелигиозное. В рамках данного подхода “светскость... не устраняет религию, а всего лишь меняет ее место. Теперь религия не социально обязательна, ее роль второстепенна... Нормы религии нужны, но не являются высшими этическими принципами, обязательными для всех”²¹.

Исследуя возможности диалога религии и “мира”, Ю. Хабермас рассматривает их в контексте особенностей современного демокра-

¹⁹ В стрельнинском храме появилась икона с изображением Сталина. URL: <https://lenta.ru/news/2008/11/26/stalin/> (дата обращения: 06.05.2017).

²⁰ Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Светское и религиозное в современном обществе // Исламоведение. 2011. № 3. С. 39–45.

²¹ Багаева К.А. Динамика “Светского” и “Религиозного” в обществе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. № 4. С. 59–62.

тического общества. Согласно мысли немецкого ученого, религия — это всегда картина мира, которая постулирует собственную истинность. В традиционном обществе она играла главенствующую роль, всецело руководя и частной, и публичной сферой социальной жизни. В современном либерально-демократическом, или, говоря иначе, плюралистическом обществе религия вытесняется из общественной жизни. В связи с этим от верующих требуется рефлексия относительно существования в подобном мире, которая в основном сводится к трем темам: преодоления когнитивно-диссонантных отношений между конфессиями и религиями, признания авторитета науки в сфере “мирского знания”, признания авторитета профанной морали в конституционном государстве. Со стороны “секулярных граждан” в свою очередь должно быть проявлено понимание того, что “религиозные граждане” требуют создания условий, в которых они не должны раскалывать свою идентичность на частную и публичную: “религия — личное дело каждого”, но каждая сторона должна иметь право голоса в публичной сфере. Верующие не должны чувствовать себя незаслуженно ущемленными, равно как секулярные граждане, вне зависимости от того, кто составляет большинство, а кто — меньшинство.

В религиозном дискурсе уместно выделить две категории концептов: “...первичные, то есть, такие, которые первоначально принадлежали... религии, а затем перешли в нерелигиозную сферу, — Бог, ад, рай, грех, дух, душа, храм; и вторичные — такие, которые охватывают как сферу религиозную, так и светскую, мирскую, с явным превалированием функционирования в светской сфере, — страх, закон, наказание, любовь и др.”²² С данной позиции важен вопрос о том, как построить общую коммуникацию на основе концептов, которые не сходятся или противостоят друг другу по смысловому и оценочному наполнению. Например, грех — нарушение заповеди, преступление — нарушение светского закона; не всякий грех является преступлением.

В диалоге между светскими и религиозными гражданами, согласно Ю. Хабермасу, в секулярном обществе уместным для обеих сторон должен быть признан светский дискурс, предполагающий возможными и необходимыми перевод и включение культурного содержания религиозного дискурса в публичную сферу. Чтобы быть услышанными, религиозным гражданам приходится разговаривать на языке светского дискурса. В качестве примера ведения полемики в светском формате немецкий ученый приводит довод

²² *Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.

христиан против абортов, согласно которому человеческий эмбрион до рождения обладает правами человека, и по этой причине не может быть уничтожен. Здесь мы видим, что религиозные моральные нормы о недопустимости аборта конвертируются в светский конституционный гуманизм.

Подобная конвертация не только помогает верующим искать себе аргументы в полемике, но и выполняет другую функцию, не менее важную — она объединяет религиозных и нерелигиозных граждан единой системой координат. Ю. Хабермас отмечает необходимость перевода полезных религиозных понятий в общедоступный дискурс, чтобы религиозное наследие стало достоянием не только верующих, но и неверующих. В качестве примера удачного перевода ученый приводит идею богоподобия, которая стала фундаментом для идеи человеческого достоинства.

Впрочем, справедливо и обратное: светской законности следует искать точки соприкосновения с соответствующими религиозными канонами, и, что самое главное, прислушиваться к мнению верующих людей, но не пытаться запереть их в своеобразном гетто внутрирелигиозного пространства, отказывая им в возможности оказывать влияние на общественную жизнь. Подобная диалогичность является, согласно Ю. Хабермасу, важной чертой процесса современной секуляризации, которую он определяет не как всеобщее вытеснение религии из общественной жизни, приводящее в конечном итоге к ее отмиранию, но как “взаимодополняющий процесс обучения”²³, постоянный контакт верующих и неверующих, в ходе которого они приспосабливаются друг к другу.

Если приложить концепцию Ю. Хабермаса к приведенной выше классификации, мы приходим к выводу, что наибольшей возможностью вовлечения в диалог обладают верующие, стремящиеся к расширенному информационному потреблению, нейтральные атеисты, и атеисты, “защищающие имидж” своей системы убеждений, т.е. невольные союзники верующих, выступающие с осуждением воинствующего атеизма. Верующие с замкнутым типом информационного потребления склонны либо избегать полемики, либо вести ее с позиции внутрирелигиозного дискурса, что осложняет процесс. Наконец, агрессивно настроенные верующие и атеисты едва ли будут согласны на компромисс. Тем не менее, необходимо учитывать их появление на “арене” обсуждения, также как дестабилизирующий фактор, привносимый данными пользователями, в результате чего могут появляться тренды как их высмеивания и

²³ Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006. С. 70.

ограждения от спора, так и, напротив, обострения конфликта, подогреваемого радикально настроенными участниками спора. Таким образом, характер построения диалога предопределяется рядом факторов: основной аудиторией локального цифрового пространства (сайта, портала, социальной сети), местной субкультурной средой, правилами модерирования сообщений пользователя и строгостью местной “цензуры”. Не менее важен характер инфоповода. Негативные инфоповоды (разгром выставки) порождают преимущественно агрессивную реакцию, в то время как инфоповоды положительные (сбор средств верующими для тяжелобольного) располагают встать на сторону сделавшего доброе дело.

Стоит также отметить, что светский дискурс, как и религия, не представляет собой единое целое. Даже используя одни и те же понятия, идеологии вкладывают в них различные смыслы и оттенки. В свою очередь, идеологии, дробясь и смешивая элементы друг друга (чему опять же во многом способствует высокая степень коммуникативного потенциала современного информационного общества), превращаются в отдельные проекты. Из-за этого осложняется и процесс конвертации категорий религиозных в светские, поскольку то, что может почитаться в религии как грех или добродетель, в рамках иной идеологии может считаться чем-то прямо противоположным. Например, слово “гордыня” можно обозначить в светском дискурсе как “эгоизм”. Однако идеология либертарианства, например, считает эгоизм не пороком, но естественной потребностью человеческого существования. В то же время элемент христианского вероучения о достоинстве бедности и превратностях богатства коррелирует с социалистическими убеждениями. Таким образом, неявно образуется сложная сеть взаимосвязей между светскими проектами и религиями, которые либо сближают, либо отдаляют их друг от друга.

В сети возникают проекты, совершенно чуждые религии, и проекты, видящие в ней интегративный потенциал. Во многом это зависит от силы стремления создать максимально целостную и проработанную систему убеждений, а также от желания преодолеть дискретность исторических наследий, которая свойственна истории России. В результате идеологические проекты и религия могут образовывать новые символические системы, что сулит взаимные выгоды. Идеология обретает укорененность в наследии (его крайне не хватает в изменчивую эпоху постмодерна), которое необязательно трактуется в религиозном ракурсе, но может быть конвертировано в историко-культурную парадигму. Религия в свою очередь обретает дополнительный миссионерский канал.

Возвращаясь к конфликтологии враждующих лагерей, стоит отметить, что в обществе есть как минимум две силы, склонные к вражде в той или иной степени. С одной стороны, часть верующих полагает, что общество достаточно враждебно относится к ним, в результате чего перед ними встает выбор – избрать стратегию “миротворца” (смиренно перенося подобное отношение) или “крестоносца” (ответить агрессивно). С другой стороны, часть атеистов полагает, что религия слишком активно участвует в общественной жизни, нарушая их права, в результате чего также условно делится на “терпящих” и “воинствующих безбожников”. Таким образом, “воинствующие безбожники” и “крестоносцы” становятся основными силами, стоящими по разную сторону баррикад. Здесь две основные проблемы. Во-первых, идентичность тех и других требует выражения агрессии (в той или иной форме) по отношению к “чужим”. Во-вторых, в качестве “чужих” зачастую воспринимаются не только противостоящая агрессивно настроенная сторона, но вся общность верующих/неверующих в целом.

В сложившейся ситуации осуществление диалога будет более плодотворным в том случае, если он будет основан на едином ценностном фундаменте. Другими словами, нужна общая идея, которая найдет отклик как среди верующих, так и среди атеистов. Это станет хорошей мотивацией стремления к единению и снятию напряжения. Однако найти ее не так просто, учитывая, что общество разделено не только на лагеря верующих и атеистов, но и разграничено принадлежностью к различным идеологиям и культурно-цивилизационным проектам. Причем если общая идея будет слишком абстрактной и аморфной, она не будет обладать достаточным интегративным потенциалом – слишком общие предписания воспринимаются как своего рода “прописные истины”, не вызывающие особого отклика. Так или иначе, данная проблематика заслуживает дальнейшего изучения и углубления, для того, чтобы найти возможные источники компромиссов и механизмов сглаживания нетерпимости между верующими и атеистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Доржиева И.Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестник БГУ. 2015. № 6.

Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпилов Н.В. Российский буддизм в интернет-измерении // Власть. 2015. № 7.

Багаева К.А. Динамика “Светского” и “Религиозного” в обществе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. № 4.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.

В стрельнинском храме появилась икона с изображением Сталина. URL: <https://lenta.ru/news/2008/11/26/stalin/> (дата обращения: 06.05.2017).

Гаврилов Е.О. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3.

Глаголев В.С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. III: Культурная динамика / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008.

Доржигушаева О.В., Дондуков Б. Влияние информационных технологий на развитие буддийских сообществ России // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3.

Емельяненко В.Д., Александрова Н.В. Интернет и мировоззренческие основания религиозного сознания // Альманах современной науки и образования. 2015. № 2.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

Малыгина Л.Е. Проблема десакрализации современного языкового сознания (на примере телевизионного промодискурса) // Мир русского слова. 2017. № 1.

Мащитко О.В. Невидимая, рассеянная, пассивная: способы функционирования постсекулярной религиозности // Вестник СПбГУ. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 2.

Медведева Е.Н. Проблема формирования религиозной идентичности в киберпространстве // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 8.

Овчинникова Е.А., Сергеев А.С. Этические проблемы информационного пространства // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2011. № 2.

Оселков А.А. Социальная напряженность по религиозному признаку: психологические особенности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 70.

Подставко Е.Н. Офлайн и онлайн: единство и борьба противоположностей // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12.

Православие и мир. URL: www.pravmir.ru (дата обращения: 06.05.2017).

Сагитова Л.В. Политизация религии и этничности в Интернете: технология конструирования конфликта // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3.

Скрынникова Т.Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религия и идентичность в России: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М., 2003.

Фахразеева С.Р. Русская православная церковь в современной России: поиски места в обществе // Власть. 2014. № 8.

Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Дialeктика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

Чернега О.П. Религиозный интернет: институциональные и творческие аспекты // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 1.

Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Светское и религиозное в современном обществе // Исламоведение. 2011. № 3.

REFERENCES

Aktamov I.G., Badmacyrenov T.B., Cyrempilov N.V. Rossijskij buddizm v internet-izmerenii [Buddhism in Russia in the internet dimension] // Vlast'. 2015. N 7 (in Russian).

Aktamov I.G., Badmacyrenov T.B., Dorzhieva I.C. Buddizm v Internete: metodologija izuchenija virtual'nyh religioznyh soobshhestv [Buddhism on the internet: the methodology of virtual religious communities study] // Vestnik BGU. 2015. N 6 (in Russian).

Bagaeva K.A. Dinamika "Svetskogo" i "Religioznogo" v obshhestve [Dynamics of the concepts "secular" and "religious" in society] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2013. N 4 (in Russian).

Bobyreva E.V. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry [Religious Discourse: Values and Genres] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. N 1 (in Russian).

Чернега О.П. Религиозный интернет: институциональные и творческие аспекты [Religious Internet: institutional and creative aspects] // Мир науки, культуры и образования. 2010. N 1 (in Russian).

Dorzhigushaeva O.V., Dondukov B. Vlijanie informacionnyh tehnologij na razvitie buddijskikh soobshhestv Rossii [The impact of information technologies on the development of buddhist communities in Russia] // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2016. N 3 (in Russian).

Emel'janenko V.D., Aleksandrova N.V. Internet i mirovozzrencheskie osnovanija religioznogo soznanija [Internet and ideological foundations of religious consciousness] // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2015. N 2 (in Russian).

Fahrazeeva S.R. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v sovremennoj Rossii: poiski mesta v obshhestve [the Russian Orthodox Church in contemporary Russia: in search for a place in society] // Vlast'. 2014. N 8 (in Russian).

Gavrilov E.O. Internet kak faktor razvitija sfery religioznyh otnoshenij [Internet as a factor in the development of the sphere of religious relations] // Мир науки, культуры, образования. 2014. N 3 (in Russian).

Glagolev V.S. Kul'turologicheskie aspekty hudozhestvenno-jesteticheskoj problematiki v sovremennom religiovedenii [Culturological Aspects of the Artistic and Aesthetic Problems in Modern Religious Studies] // Fundamental'nye problemy kul'turologii: v 4 t. T. III: Kul'turnaja dinamika / Otv. red. D.L. Spivak. SPb., 2008 (in Russian).

Habermas Ju., Ratzinger J. (Benedikt XVI). Dialektika sekularizacii. O razume i religii [Dialectics of Secularization. On Mind and Religion]. М., 2006 (in Russian).

Helland C. Online Religion as Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet // Online Heidelberg Journal of

Religions on the Internet. Vol. 01.1. Special issue on theory and methodology, 2005.

Jah'jaev M.Ja., Kamyshova E.G. Svetskoe i religioznoe v sovremennom obshchestve [Secular and religious in modern society] // Islamovedenie. 2011. N 3.

Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshlenija ob Internete, biznese i obshchestve [Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Malygina L.E. Problema desakralizacii sovremennogo jazykovogo soznaniija [The problem of desacralization of contemporary linguistic consciousness (as exemplified in promotional discourse in tv programs) (na primere televizionnogo promodiskursa) // Mir russkogo slova. 2017. N 1 (in Russian).

Mashhit'ko O.V. Nevidimaja, rassejannaja, passivnaja: sposoby funkcionirovanija postsekuljarnoj religioznosti [Invisible, diffuse, passive: the methods of functioning of post-secular religiosity] // Vestnik SPbGU. Serija 17: Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. 2016. N 2 (in Russian).

Medvedeva E.N. Problema formirovanija religioznoj identichnosti v kiberprostranstve [The problem of the formation of religious identity in cyberspace] // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2009. N 8 (in Russian).

Oselkov A.A. Social'naja naprjazhennost' po religioznomu priznaku: psihologicheskie osobennosti [Social tension on religious grounds: psychological features] // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2008. N 70 (in Russian).

O'Leary S. Cyberspace as sacred space: communicating religion on computer networks // Journal of the American Academy of Religion. 1996. Winter. N 64.

Ovchinnikova E.A., Sergeev A.S. Jeticheskie problemy informacionnogo prostranstva [Ethical problems of the information space] // Vestnik SPbGU. Serija 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2011. N 2 (in Russian).

Podstavko E.N. Oflajn i onlajn: edinstvo i bor'ba protivopolozhnostej [Offline and online: the unity and struggle of opposites] // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. N 12 (in Russian).

Pravoslavie i mir [Orthodoxy and world]. URL: www.pravmir.ru (access: 06.05.2017) (in Russian).

Sagitova L.V. Politizacija religii i jetnichnosti v Internete: tehnologija konstruirovanija konflikta [Politicization of Religion and Ethnicity in the Internet: Technology of Conflict Construction] // Vestnik ekonomiki, prava, sotsiologii. 2015. N 3 (in Russian).

Skrynnikova T.D. Tradicionnaja kul'tura i buddizm v samoidentifikacii burjat [Traditional culture and Buddhism in the self-identification of the Buryats] // Religija i identichnost' v Rossii: Sb. st. / Sost. i otv. red. M.T. Stepanjanc. M., 2003 (in Russian).

V strel'ninskom hrame pojavilas' ikona s izobrazheniem Stalina [In Strelna's temple there was an icon with the image of Stalin] [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/11/26/stalin/> (access: 06.05.2017) (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-210-232

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Г.А. Борщевский, канд. ист. наук, доц. Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, проспект Вернадского, 82, г. Москва, Россия, 119571*

Целью статьи является выявление политических факторов институционализации государственной службы в России на современном этапе, связанных с ними проблем и перспектив их преодоления. В рамках исследования выявлена применимость институциональных теорий к государственной службе, предложена модель институционализации государственной службы и рассмотрен в приложении к ней опыт реформ последнего времени; также предпринята попытка выявить корни существующих проблем и предложить варианты их преодоления.

Используемая методология основана на принципах неoinституционализма, являющегося одним из приоритетных направлений современных исследований общественно-политических процессов.

В результате проведенного исследования обосновано утверждение, что современные дисфункции государственной службы во многом определяются неоптимальным институциональным выбором, сделанным в начале 1990-х гг. Проектирование реформ государственной службы осуществляется узким кругом политико-бюрократической элиты, что способствует длительному консервированию институционализации госслужбы в незавершенной стадии. Чем больше времени проходит с начала политического транзита в России, тем больше возрастает зависимость от предыдущего этапа развития и к тем большим политическим и социально-экономическим издержкам приводит незавершенная реформа бюрократии. Политическими факторами успешного продолжения институционализации государственной службы являются встраивание ее в стратегический курс президента страны, обеспечение поддержки реформы в среде самих государственных служащих и одноступенчатый характер реформы, позволяющий достичь цели в пределах одного президентского цикла.

На научную новизну претендуют такие элементы исследования, как концептуализация этапов институционализации в виде целостной модели, предложения по трансформации норм законодательства о государственной службе в соответствии с научными требованиями к общественным институтам, а также по формированию института публичной службы, призванного снизить влияние неэффективной неопатримониальной бюро-

* Борщевский Георгий Александрович, e-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

кратии и создать условия для перехода к инклюзивным политическим институтам.

Ключевые слова: институт, государственная служба, институционализация, реформирование, эффективность.

POLITICAL FACTORS OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN PUBLIC SERVICE

Borshevskiy George A., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Civil Service and Personnel Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Vernadskogo Av., 82, Moscow, Russia, 119571, e-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

We define the civil service as a political and administrative institution established to meet the needs in the professional performance of political decisions and providing the daily contact between the society and the political power. The definition of civil service in the Russian legislation is not fit the features of public institution, that is why the institutionalization of the civil service in post-Soviet Russia face difficulties.

We see ways to overcome this contradiction, which include the improvement of legislation and implementation to the strategic documents the goals, objectives and performance criteria of civil service institution-building. This goals and objectives should orientate the civil servants to ensure economic growth and improving the quality of citizen's life.

The architecture of the civil service institution was offered, including the legal, institutional and human components. We identified the institutional characteristics and location of this institution in the environment of society.

The algorithm of civil service institutional change was clarified, which includes elements such as institutional selection, the definition of institutional norms and institutional effects.

The requirements for the assessment of institutional effectiveness were formulated. We proved the necessity to describe the driving forces of civil service development not only by external influences, but also its internal environment.

The comparison of this set of statistics with indicators of internal development of the civil service allows concluding about the correlation between the civil service performance on different stages of its institutional transformation and attainment the priorities of the economy and society.

Key words: institute, civil service, institutionalization, institutional transformation, reforming, efficiency.

Государственная служба является инструментом реализации государственной политики и медиатором общественных взаимодействий. В этой связи важность государственной службы как общественного института трудно переоценить. В то же время, деятельность российской госслужбы пока не отвечает уровню стоящих перед ней задач. Общим местом в заявлениях политических лидеров, научных исследованиях и в общественном восприятии является

утверждение о неэффективности и коррумпированности чиновничества. Это обуславливает необходимость исследования системных проблем государственного аппарата и поиск путей выхода из кризиса.

Большинство современных исследователей не анализирует развитие государственной службы как института. Имеющиеся институциональные исследования прошлых лет нуждаются в актуализации¹. Цель настоящей работы состоит, таким образом, в выявлении политических факторов институционализации государственной службы в России на современном этапе, связанных с ними проблем и перспектив их преодоления.

Используемая методология основана на принципах неоинституционализма, являющегося одним из приоритетных направлений современных исследований общественно-политических процессов в мире.

Задачи исследования продиктованы его целями:

1) выявить применимость институциональных теорий к государственной службе;

2) предложить модель институционализации государственной службы и рассмотреть в приложении к ней опыт реформ последнего времени;

3) выявить корни существующих проблем и предложить варианты их преодоления.

Представляется, что результаты подобного исследования могут быть востребованы в ходе очередного этапа государственного строительства в рамках нового политического цикла в нашей стране, начинающегося в 2018 г.

Материалы и методология исследования

К настоящему времени в научно-политическом дискурсе присутствует несколько парадигм, описывающих векторы институционализации государственной службы.

Неовеберианская парадигма основывается на постулатах классической теории рациональной бюрократии М. Вебера и В. Вильсона². В ее основе лежит идея об относительно автономной корпорации служащих, действующих на началах профессионализма,

¹ См.: *Афанасьев М.Н.* Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 67–72; *Комаровский В.С.* Административная реформа: ожидания и требования граждан к государственной службе // Государственная служба. 2007. № 4. С. 4–8.

² См.: *Lynn L.Jr.* What is a Neo-Weberian state? Reflections on a concept and its implications // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2008. Vol. I. N 2. P. 17–37.

беспристрастности, правовой регламентации. В современной редакции данной теории госаппарат призван обеспечивать интересы всего общества, а не какой-либо его части, что стало реакцией на критику обособленности бюрократии от общества.

Полярной является парадигма государственного менеджмента (*New Public Management*), основанная на идее о том, что рыночные механизмы способны обеспечить высокое качество публичных услуг. Следствием данной установки является курс на разгосударствление в экономике, сближение государственной службы и коммерческого сектора³.

К настоящему времени становится очевидным, что преобладание узкой экономической ориентации способствует замещению идеологии служения в государственном управлении суммой технологий, что приводит к снижению профессионального уровня госслужащих, престижа их службы в обществе, росту коррупции⁴.

В новом тысячелетии определенные ожидания связываются с третьей парадигмой, известной как общественно-государственное управление (*Good Governance*). Она предполагает замену рыночно ориентированных квази-правительственных агентств сетевыми некоммерческими структурами. При такой модели профессиональные госслужащие призваны постепенно уступить место гражданским активистам, регулирующим производство и обмен публичными услугами⁵.

Названные парадигмы соотносятся с институциональной теорией, так как проблематика государственного управления вписывается в них в общий контекст общественных изменений. Вместе с тем, изучение данных парадигм через призму современного институционализма позволяет увидеть присущие им внутренние противоречия.

Если ранние институциональные исследования затрагивали лишь формально-правовые институты⁶, то возникновение теории общественного выбора привело к появлению неинституционализма, охватившего весь спектр формальных и неформальных норм, определяющих структуру и функционирование общества⁷.

³ См.: Drechsler W. The rise and demise of the new public management // *Post-autistic Economics Review*. 2005. Is. 33. P. 17–28.

⁴ См.: Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // *Вестник МГИМО*. 2013. № 4. С. 187.

⁵ См.: Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // *Вопросы государственного муниципального управления*. 2016. № 3. С. 163.

⁶ См.: Coase R. The Institutional Structure of Production // *American Economic Review*. 1992. Vol. 82. N 4. P. 713.

⁷ См.: Acemoglu D., Robinson J. The rise and decline of general laws of capitalism // *Journal of Economic Perspectives*. 2015. Vol. 29. N 4. P. 123.

С этой точки зрения теория рациональной бюрократии и государственный менеджмент в одинаковой степени отражают логику раннего институционализма, акцентируя внимание на формальных процедурах взаимодействия государственной службы и общества. В первом случае она рассматривается как инструмент для достижения целей политической элиты, а во втором – как орудие рынка публичных услуг. При этом игнорируется наличие собственных интересов института госслужбы, отличных от целей законодателя или клиента, или такие цели и интересы рассматриваются как дисфункция, снижающая эффективность института⁸.

В современных неоинституциональных исследованиях проводится мысль, что институциональное строительство призвано минимизировать как изъяны государственного регулирования, так и провалы рынка⁹.

Группы интересов, представляющие институты общества, формируют политические рынки. Любые отношения между акторами на таких рынках рассматриваются как контрактные, и величина ожидаемых выгод для любого участника должна превышать альтернативные издержки¹⁰. Изменения всегда являются, результатом переговоров, компромиссом между всеми группами влияния¹¹.

Парадигма общественно-государственного управления в большей степени отражает установки неоинституционализма, так как построена на взаимодействии, обмене информацией и согласовании позиций всех сторон, заинтересованных в принятии того или иного решения. Однако данная концепция приобретает возможности для имплементации только в случае, если она учитывает наличие у института бюрократии собственной переговорной силы и собственных интересов.

Таким образом, достижение институционализма как методологии состоит в отказе от рассмотрения государственной службы лишь как объекта воздействий и включении ее в состав ключевых акторов¹². В ходе реформ бюрократии следует учитывать интересы всех сил, создающих правила, по которым бюрократия должна действовать, включая интересы самой бюрократии¹³.

⁸ См.: *North D.S.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1996.

⁹ См.: *Шастико А.Е.* О методологии институциональных исследований // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 120.

¹⁰ См.: *Pejovich S.* The market for institutions versus the strong hand of the state. The case of Eastern Europe // *Economic institutions, markets and competition* / Ed. by B. Dallago, L. Mittone. Cheltenham, 1996. P. 126.

¹¹ См.: *Тамбовцев В.Л.* Теории институциональных изменений. М., 2010.

¹² См.: *Rethinking political institutions* // *The Art of the State* / Ed. by I. Shapiro, S. Skowronek, D. Galvin. N.Y., 2006. P. 32–46; *Oxford handbook of political institutions* / Ed. by R. Rhodes. Oxford, 2008.

¹³ См.: *Crozier M.* The Bureaucratic Phenomenon. New Brunswick; L., 2010. P. 400.

Сформулируем институциональные особенности государственной службы.

Данный институт примыкает к политическим институтам, но не тождественен им. К настоящему времени в отечественной науке выработан целый спектр политологических подходов к определению института государственной службы, рассматривающих ее в качестве:

– элемента политической системы, обеспечивающего ее функционирование и воспроизводство механизмов государственного управления¹⁴;

– набора норм, формализующих отношения внутри государственного аппарата и между аппаратом и обществом¹⁵;

– совокупности правовых норм, органов власти и модернизационных идей, обеспечивающих посредничество между обществом и политической властью¹⁶;

– властных отношений, связанных с политическим режимом, а также управленческих инструментов и результатов коммуникации, компромисса между заинтересованными группами интересов¹⁷;

– совокупности норм, которые в конкретном обществе регулируют статус служащих, их взаимодействия друг с другом, с политическим руководством и обществом¹⁸.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что *государственная служба – это политико-административный институт, созданный для удовлетворения потребностей в профессиональном исполнении политических решений и обеспечении повседневного контакта между обществом и институтами политической власти.*

Как известно, необходимыми этапами институционализации являются возникновение удовлетворяемой институтом общественной потребности, формирование общих целей института, социальных норм, соответствующих им процедур, санкций и статусно-ролевой структуры¹⁹.

С учетом сформулированного определения, можно констатировать, что удовлетворяемыми госслужбой *общественными потребно-*

¹⁴ См.: *Лескова И.В.* Становление института государственной службы в условиях политической модернизации современной России: политический анализ: Дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2004. С. 11.

¹⁵ См.: *Шабров О.Ф.* Реформа государственной службы: открытость или эффективность // Социология власти. 2005. № 6. С. 33.

¹⁶ См.: *Валеев Х.А.* Институт государственной службы Российской Федерации: политико-правовое исследование: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011. С. 54.

¹⁷ См.: *Купряшин Г.Л.* Модернизация государственного управления: институты и интересы. М., 2012. С. 111.

¹⁸ См.: *Слатинов В.Б.* Реформирование государственной службы в России: институциональные эффекты и ловушки // Россия и современный мир. 2012. № 1. С. 79.

¹⁹ См.: *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000. С. 51.

стями являются обеспечение реализации государственной политики и повседневного контакта между обществом и политической властью.

Исходным условием для возникновения потребности в государственной службе как институте, на наш взгляд, является исторический момент, когда общественные отношения усложняются настолько, что осуществлять повседневное управление ими становится невозможным непосредственно на уровне политического руководства, а развитие гражданского общества еще недостаточно для того, чтобы вовлечь всех граждан в реализацию принимаемых решений.

Институционализация представляет собой длительный процесс. В нашей стране первичная институционализация госслужбы связана с периодом становления централизованного государства. В дальнейшем аппарат государственной бюрократии существовал непрерывно, изменяя свои параметры под влиянием изменяющихся общественных реалий. Менялись границы и правовые нормы института, однако его цель и общие особенности были неизменными. Поэтому применительно к постсоветскому периоду представляется корректнее говорить не о становлении (первичной институционализации), а о развитии (вторичной институционализации, институциональной трансформации) данного института в нашей стране.

Институциональные нормы классифицируются на формальные и неформальные. Среди институциональных норм нами выделяются ценности, приоритеты и организационно-правовые рамки. Ценности государственной службы вытекают из общественных ценностей; приоритеты задаются политическим руководством и обеспечивают выполнение госслужбой политической повестки. Организационно-правовые рамки фиксируют ценности и приоритеты в виде конкретных структур управления, юридических актов и норм. Все три элемента находятся в логической взаимосвязи, возникновение противоречия между ними совпадает с началом очередного цикла институционализации.

Результаты исследования и их обсуждение

На основании изучения институциональных исследований российских²⁰ и зарубежных авторов²¹ представляется возможным предложить универсальную модель процесса институционализации

²⁰ См.: *Патрушев С.В.* Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006; *Полтерович В.М.* Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // *Montenegrin Journal of Economics*. 2012. Vol. 8. N 2. P. 25–44; *Гельман В.Я.* Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. СПб., 2015.

²¹ См.: *Williamson O.* The theory of the firm as governance structure: from choice to contract // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16. N 3. P. 171–195; *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. N.Y., 2004; *Olsen J.P.* Governing through Institu-

и применить ее для изучения институционализации российской государственной службы в современных условиях.

В общем виде модель представлена на рисунке (с. 218). Институционализация представляет собой *циклический процесс*, и на схеме представлен один из его циклов, после завершения которого процесс повторяется на новом уровне.

Рассмотрим предложенную модель более подробно.

Предпосылкой для институционализации служит *институциональная структура* общества, определяющая институциональный выбор.

Многообразие институтов общества мы условно классифицируем на:

– политические институты (государственная власть, политические партии, группы интересов, парламентаризм, суд и право);

– политико-административные институты (государственная служба, нормотворчество и функциональное представительство интересов);

– экономические институты (материальное производство, частная собственность, товарные и валютные рынки);

– социальные институты (семья и брак, здравоохранение, школа, социальное обеспечение, досуг);

– культурно-идеологические институты (наука, искусство, просвещение, религия, СМИ).

Каждый из институтов выполняет уникальный набор функций, получая входящие сигналы, преобразуя их и выдавая продукт своей деятельности во внешнюю среду. Для политико-административного института государственной службы продуктом являются производство общественных благ (услуг), обеспечение коммуникации власти и общества, участие в выработке и исполнении государственных решений, правоприменение.

Определение конкретных особенностей института на каждом этапе его развития зависит от результатов переговорного процесса, происходящего на политическом рынке. Участниками переговорного процесса являются представители всех заинтересованных институтов. Данный процесс может быть формализован или носить неформальный характер.

Уже на данном этапе проявляется противоречивый характер институционализации государственной службы. Как видно на рисунке, политики и бюрократы участвуют в политическом рынке непосредственно, в то время как прочие институты вынуждены действовать через своих представителей. Вследствие этого перего-

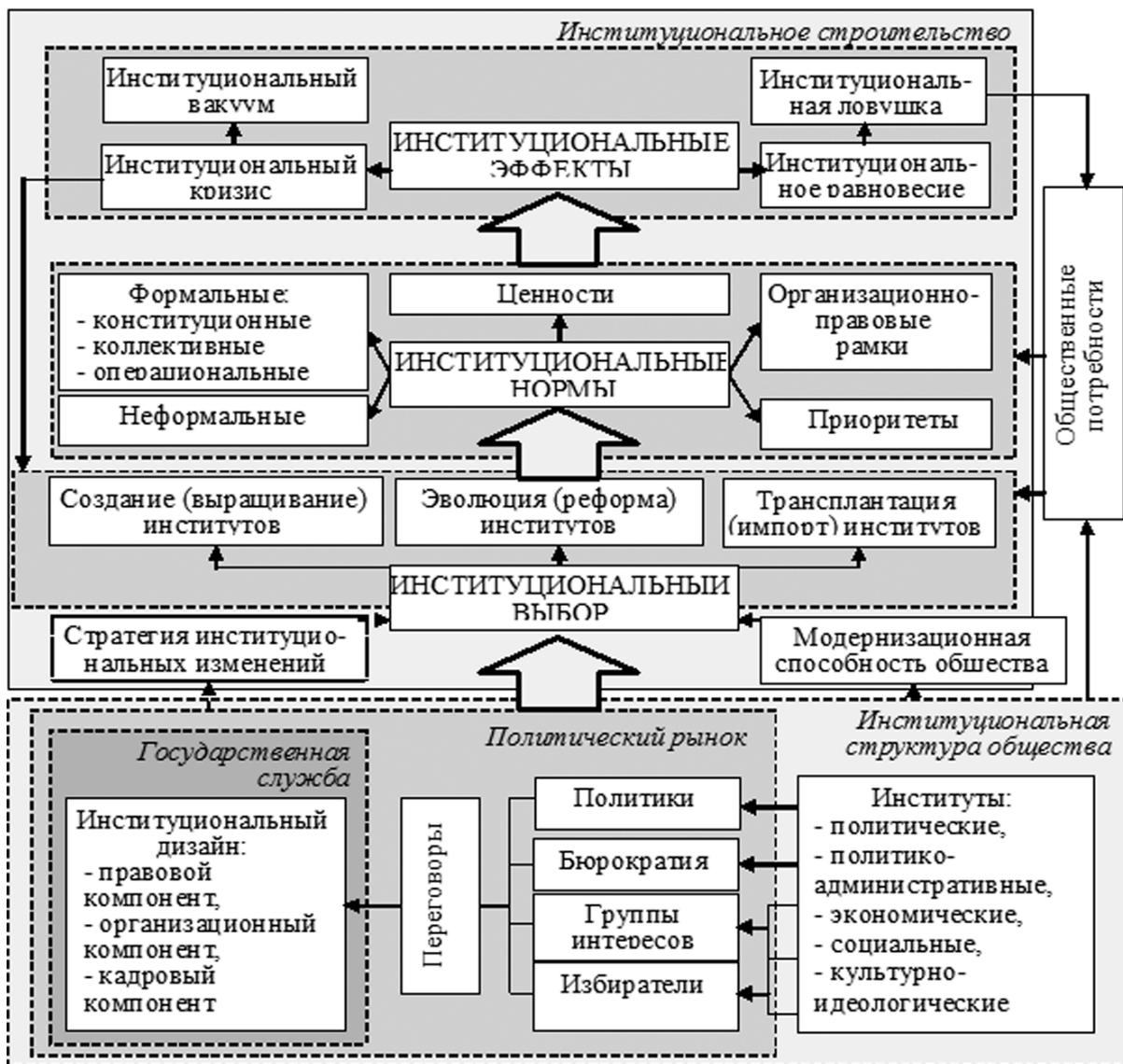

Рис. Модель процесса институционализации государственной службы

Источник: Составлено автором.

ворная сила бюрократии велика априори, и это определяет ее способность влиять на собственный институциональный дизайн в большей мере, чем другие институты. Недоучет этой особенности, как уже отмечалось, является причиной ограниченной применимости классических парадигм развития государственной службы.

Переговорный процесс завершается формированием институционального дизайна (архитектуры) государственной службы. Некоторые параметры здесь возникают сразу, другие — на следующих циклах институционализации. Например, ограничение для госслужащих заниматься иной оплачиваемой работой действует с XVIII в., тогда как декларирование расходов чиновников появилось в законодательстве РФ лишь в XXI в.

Институциональный дизайн государственной службы в рамках предлагаемой модели включает правовой, организационный и кад-

ровый компоненты. Общий статус службы определяется правовым компонентом; должностные статусы, санкции и поощрения закреплены организационным компонентом; кадровый компонент дополняет формальную организацию набором неформальных взаимодействий, норм и ценностей.

По нашему мнению, влияние кадрового компонента госслужбы недооценено в политической науке. Оно выражает индивидуальные, групповые и корпоративные интересы бюрократии, зачастую не закреплённые на уровне правового и организационного компонентов.

Государственные служащие в первую очередь руководствуются собственными интересами и интересами подразделения, государственного органа и государственной службы в целом, далее интересами политического руководства и лишь в последнюю очередь интересами общества. В рамках карьерной госслужбы, ориентированной на модель рациональной бюрократии, лояльность служащих поддерживается созданием для них преимуществ перед лицами, не включёнными в систему. Менеджеризм и общественно-государственное управление способствуют, в свою очередь, конвергенции собственных ценностей и норм государственных служащих с ценностями общества как социального целого.

Институциональный дизайн не является стабильным, вектор его изменения определяется *институциональным выбором*.

В новейшей истории России институциональный выбор параметров государственной службы был связан с политическим транзитом 1990-х гг. Ключевой целью на начальном этапе реформ была департизация аппарата и ограничение возможности влияния на него оппозиционных сил (в первую очередь, коммунистов). На ключевые должности были поставлены сторонники радикальных реформ. Эта задача была решена уже в 1991–1992 гг.

Далее было необходимо осуществить профессионализацию госслужбы, т.е. ограничить круг госслужащих работниками аппарата органов власти. В 1993–1995 гг. из числа госслужащих были исключены работники местных, общественных и социальных органов и организаций. Это позволило не распространять на них государственные гарантии и льготы, установленные для госслужащих, что было важно в условиях острого дефицита бюджета. На этом модернизация аппарата в тот период остановилась²².

В общем случае институционализация может осуществляться в форме *создания институтов, их эволюции или импорта*²³.

²² См.: Зайцева Т.В. Реформа государственной службы России. История попыток реформирования с 1992 по 2000 г. / Под ред. Т.В. Зайцевой. М., 2003. С. 39.

²³ См.: Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 27.

Говорить о создании института государственной службы в России после 1991 г. не приходится: правовые рамки выстраивались медленно и носили противоречивый характер, организационный компонент подвергался поверхностным перестройкам, но фундаментальные принципы деятельности не изменились. Таким образом, выбор постсоветской институционализации госслужбы реально был лишь между стратегиями эволюции и импорта.

Эволюция предполагает реформирование, т.е. приоритетность изменения формы института при принципиальном сохранении его содержания в неизменном виде. *Импорт* предполагает перенос институтов в иную социальную среду. Импорт как метод эффективен лишь в случаях, когда условия обществ реципиента и донора в основном совпадают.

Для реформ 1990-х гг. в России характерны попытки некритичного заимствования зарубежного опыта государственной службы. Известно, в частности, что первый закон (1995 г.) повторял параметры законодательства Франции. Однако заимствования носили формальный и поверхностный характер, а по существу аппарат продолжал действовать в советских традициях. Новые попытки трансплантации зарубежных институциональных особенностей сделаны в 2000-е гг. в ходе масштабной административной реформы. Идеи государственного менеджмента в тот период уже подвергались критике на Западе, но именно они составили ядро реформы в России, что наложило отпечаток на законодательство и институциональную среду государственной службы. Наибольших успехов реформаторы добились во внедрении концепции государственных услуг. Разработка административных регламентов, создание многофункциональных центров “Мои документы” способствовали ускорению получения услуг и некоторому снижению связанной с ними коррупции²⁴.

В основном же институционализация государственной службы в рассматриваемый период шла по пути эволюции существующих форм. До 2000-х гг. большинство госслужащих были выходцами из партийно-советского аппарата. По мнению граждан, госаппарат в ходе реформ стал безответственнее и не компетентней, чем раньше, а во всем остальном не отличался от прежнего советского аппарата²⁵.

В первые десять лет постсоветского развития сколько-нибудь внятная стратегия развития государственной службы отсутствовала.

²⁴ См.: *Плаксин С., Жулин А.* Пути модернизации государственного аппарата: административная реформа и реформа государственной гражданской службы // *Вопросы экономики.* 2008. № 2. С. 15.

²⁵ См.: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 127.

Экспертные разработки не проходили общественного обсуждения и не получали формального одобрения на политическом уровне. Со временем стратегия все же была разработана, ею стала Концепция реформирования системы государственной службы РФ (2001 г.), одобренная президентом. В ней государственная служба была определена как публичный, социальный, правовой, организационный институт, деятельность которого направлена на непосредственное выполнение функций государства и лишь в последнюю очередь на обеспечение деятельности политических руководителей. Указано, что государственная служба должна работать в интересах граждан, а реформа госслужбы осуществляться при прямом участии гражданского общества²⁶.

Однако принятие данной Концепции произошло уже после того, как институциональный выбор был сделан. Все принятые впоследствии правовые акты несли на себе отпечаток положений данной Концепции, но не отвечали ей полностью. В Федеральном законе “О системе государственной службы” (2003) многие институциональные характеристики были опущены и закреплён обслуживающий характер госслужбы при политическом руководстве, сохранены условия для её закрытости²⁷.

Наблюдается отсутствие взаимосвязи между Концепцией реформирования государственной службы, действующим законодательством, программами реформирования на 2003–2005 и 2009–2013 гг., а также инновациями на ведомственном уровне. Эти документы разрабатывались в разное время, для решения разных задач и без взаимной координации. Как и ранее, к проектированию реформ привлекается чрезвычайно узкий пул экспертов, общественная экспертиза предложений сведена к минимуму.

Институциональный выбор определяет форму институционализации, проявляющуюся в существовании *институциональных норм*. Эти нормы подвижны и определяются динамикой развития общества. В случаях, когда институциональный выбор основывается на четкой стратегии, ценности и приоритеты легче сформулировать, так как ясен вектор изменений. В условиях российской реформы государственной службы выбор осуществлялся спонтанно, и вследствие этого формирование новых институциональных норм происходило “на ощупь”.

Необходимость формализации норм служебного поведения государственных служащих в 2000-е гг. была вызвана ростом корруп-

²⁶ Концепция реформирования системы государственной службы РФ (утв. Президентом РФ от 15 августа 2001 г.)

²⁷ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы в Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 2003.02.06. № 22, ст. 2063.

ции и высокой поляризацией кадрового состава государственных служащих. Одну группу составляли относительно молодые, высокооплачиваемые руководящие работники; во вторую группу входило большинство чиновников. В ней преобладали работники старшего возраста, без перспектив карьерного роста, малооплачиваемые и тяжело переживавшие снижение социальной престижности своей службы²⁸.

Такое положение требовало срочных мер, так как грозило потерей контроля над аппаратом госслужбы, однако в силу ограниченности ресурсов власть могла проводить лишь “очаговую” стратегию реформы в виде отдельных технократических изменений. В результате эти изменения – внедрение информационных технологий, оптимизация численности кадров, эксперименты по внедрению оплаты чиновников в соответствии с результатами их труда, проектное управление – не сопровождалось изменением системы норм и ценностей госслужащих.

Этическое регулирование их деятельности преимущественно выражается во введении различных ограничений антикоррупционного характера. Нематериальные факторы мотивации по сей день занимают незначительное место в профессиональной культуре госслужащих. Таким образом, в настоящее время наблюдается противоречие между высокой формализацией процессов организации госслужбы и слабым вниманием к мировоззрению служащих. *Парадокс постсоветской институционализации заключается в том, что, с одной стороны, для государственной службы установлен особый правовой режим, а с другой – ценности, приоритеты развития и система этических регуляторов поведения в этой влиятельной корпорации внятно не определены.*

Следствием этого являются неоднозначные *институциональные эффекты* в сфере государственной службы. В предложенной модели выделены два полярных институциональных эффекта: кризис и равновесие.

Несоответствие между потребностями общества и внутренними интересами порождает кризис института. Распространенной причиной кризиса является асимметрия прав и обязанностей между институтами или между участниками общественного института. Если нормы и правила прежних институтов утратили силу, а новые нормы еще не выработаны, возникает *институциональный вакуум*, т.е. ситуация, при которой набор функций, присущий данному институту, временно не исполняется или распределяется между иными институтами.

²⁸ См.: *Якобсон Л.И.* Реформа государственной службы: интересы и приоритеты // *Общественные науки и современность.* 2002. № 3. С. 22.

Институциональный кризис в сфере государственной службы, как правило, совпадает с общими кризисами политической системы. Например, в первый период после Октябрьской революции 1917 г. старый правительственный аппарат перестал функционировать, а новые советские учреждения находились в стадии формирования. В смягченном виде подобный кризис наблюдался в августе—декабре 1991 г. в период передачи функций от союзных органов управления к российским; при этом госаппарат не прекращал своей работы, хотя она и не была тогда высокоэффективной.

Другим вариантом институционального эффекта является *институциональное равновесие*, т.е. ситуация, когда дизайн института соответствует общественным запросам. Равновесие оптимально в тех случаях, когда оно имеет динамический характер, т.е. архитектура института меняется вместе с обществом и его потребностями.

Однако зачастую институциональное равновесие приобретает “дурной” характер, превращаясь в *институциональную ловушку*²⁹. В такой ситуации институт перестает удовлетворять предъявляемым к нему требованиям, но отсутствуют возможности для его своевременного изменения или такое изменение не соответствует интересам влиятельных участников политического рынка и блокируется ими. Институциональная ловушка может сохраняться длительное время, мешая развитию самого института и других институтов, связанных с ним.

В случае государственной службы такая ловушка возникает, когда бюрократия становится автономной в выработке политических решений, сама устанавливает нормы. Негативные институциональные эффекты стали проявляться еще на начальном этапе постсоветской трансформации. Первое время это объяснялось пережитками “тоталитарного прошлого”. Однако к настоящему времени кадровый состав государственной службы полностью сменился, все структуры реформированы, обновлено законодательство, но эти меры не привели к исчезновению дисфункций института.

Объяснить этот факт с позиций институционализма можно изначально неоптимальным институциональным выбором, а также слабым вниманием к институциональным нормам. Чиновничество приобрело корпоративную организацию, но не получило ясно сформулированной цели. Формально государственные служащие должны служить закону и государству, но на деле эти категории персонифицируются в лице представителя нанимателя (непосредственного начальника). Ни общество, ни даже политическая власть не имеют реальных рычагов влияния на деятельность служащих,

²⁹ См.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 16.

пока они “обеспечивают исполнение полномочий государственных органов”.

Налицо институциональная ловушка. С одной стороны, восприятие государственной службы в российском обществе остается резко негативным, что подтверждают опросы³⁰. Регулярно звучит критика неэффективного госаппарата со стороны политических лидеров, происходят коррупционные разоблачения отдельных чиновников. Сами госслужащие также демонстрируют неудовлетворенность своим общественным статусом, невостребованностью профессиональных навыков, неопределенностью карьерных перспектив. Наконец, согласно международным рейтингам, повышения качества институтов власти в России не происходит³¹.

Казалось бы, наблюдается общественный консенсус относительно необходимости существенного изменения принципов функционирования государственной службы. Однако на деле импульсы реформирования системы государственной службы имеют, скорее, затухающий характер. Если программа реформирования госслужбы на 2003–2005 гг. была выполнена в части обновления законодательства, а вторая программа на 2009–2013 гг. остановлена в связи с недостатком финансирования, то третья программа на 2015–2018 гг. вообще не была утверждена президентом.

В настоящее время развитие государственной гражданской службы РФ происходит на основании двух базовых документов, рассчитанных на текущий политический цикл до 2018 г. Это указы Президента РФ “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления” (2012 г.)³² и “Об основных направлениях развития государственной гражданской службы” (2016 г.)³³. В них предусмотрены, в частности, мероприятия по управлению численностью служащих, внедрению информационных систем, унификации кадровых процедур и требований к должностям. Обращает внимание, что оба документа являются сугубо техническими и механизмов для изменения принципов функционирования бюрократии в них не заложено.

³⁰ См.: Магомедов К.О. Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 215.

³¹ См.: Worldwide Governance Indicators // World Bank Group. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>

³² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления” // Собрание законодательства РФ. 2012.07.05. № 19, ст. 2338.

³³ Указ Президента РФ от 11 августа 2016 г. № 403 “Об основных направлениях развития государственной гражданской службы РФ на 2016–2018 гг.” // Собрание законодательства РФ. 2016.15.08. № 33, ст. 5165.

Наиболее вероятное, на наш взгляд, объяснение столь долгого — более двух десятилетий — неэффективного равновесия в отношении госслужбы кроется в том, что такое положение соответствует реальным интересам правящих элит. При существующей системе любые возникающие проблемы легко объяснить промахами бюрократии, а не ошибками политического руководства. Принципы организации госслужбы позволяют руководить ею в “ручном” режиме, так как она ориентирована не на следование формальным процедурам (рациональная бюрократия), экономичность (менеджеризм) или удовлетворение потребностей общества (общественно-государственное управление), а на выполнение поручений конкретного начальника. Такая система удобна для любого руководства, если перед ним остро не стоит проблема политической конкуренции. В условиях слабой или отсутствующей ротации элит “дурное” институциональное равновесие в сфере государственной службы может сохраняться неограниченно долгое время.

В ситуации возникновения политической конкуренции и активизации протестных настроений в преддверии выборов 2012 г. российская власть пошла на ряд шагов, направленных на создание механизмов общественного участия в управлении. Были созданы Общероссийский народный фронт, проекты “Российская общественная инициатива”, “Ваш контроль” и подобные им, усиливающие общественную поддержку политического руководства и частично вытесняющие бюрократические структуры.

Таким образом, в той части, в которой неэффективность бюрократии противоречит интересам элит, действенное реформирование госслужбы возможно. Зависимость электоральной поддержки политического руководства от действий бюрократии создает предпосылки для изменения ее институционального дизайна³⁴.

Выводы и рекомендации

Отметим следующие политические факторы, способствовавшие неоптимальному институциональному выбору в части развития государственной службы в постсоветской России.

Во-первых, модернизационная способность общества продуцируется наличием в нем политической конкуренции, механизмов общественного контроля. Слабость гражданского общества снижает заинтересованность политической элиты в изменениях, модернизационная способность общества снижается, и институциональный выбор происходит с опозданием. Проектирование реформ

³⁴ См.: *Ledeneva A. Can Russia modernize? Sistema, power networks, and informal governance. Cambridge, 2013.*

государственной службы осуществляется узким кругом политико-бюрократической и бизнес элиты, поэтому при создании системы государственной службы сохранены элементы номенклатурной бюрократии советского периода, в первую очередь, лояльность конкретным руководителям, закрытость, непрозрачность, административный нажим.

Во-вторых, институциональный выбор является результатом переговорного процесса на политическом рынке. Избирательный характер привлечения участников к переговорам о параметрах проектируемых институтов приводит к недоучету интересов многих акторов. Вследствие этого институциональный выбор носит навязанный характер, что делает его зачастую неадекватным реальности. В результате в законодательстве о госслужбе элементы менеджизма сочетают с рядом архаичных элементов карьерной бюрократии (например, классные чины).

К настоящему времени сложился огромный комплекс правовых актов по вопросам государственной службы, что указывает на приоритетность данного института для законодателя. Однако вопросы о цели и смысле существования института, о том, какими характеристиками должен обладать современный госслужащий, не поднимаются ни в правовом, ни в общественно-политическом дискурсе. Неоптимальный институциональный выбор 1990-х гг. проявляется сегодня во фрагментации институциональных норм.

Чем больше времени проходит с начала политического транзита, тем больше возрастает зависимость от предыдущего этапа развития и к тем большим политическим и социально-экономическим издержкам приводит незавершенная реформа бюрократии.

Для постсоветской государственной службы целесообразно говорить об эволюции института, а не о его целенаправленном выращивании или импорте. В 1990-е гг. силы реформаторов были брошены на создание демократических институтов в политике и рыночных институтов в экономике, а трансформация аппарата управления находилась на периферии внимания. Институциональный выбор был сделан под влиянием, главным образом, политических и политико-административных институтов общества. Данные субъекты были заинтересованы в устранении партийного контроля над бюрократией при фактическом сохранении номенклатурных принципов кадровой политики и бюрократических принципов функционирования аппарата, обеспечивающих возможности для «ручного управления».

В отсутствие значимых альтернатив существующая неопатримониальная система может неограниченное время сохранять устойчивость. Эффектом этого является то, что деятельность института

государственной службы не отвечает потребностям общества, и реформирование находится в длительном равновесии, перешедшем в институциональную ловушку. Одним из главных рисков такого положения является недоверие общества к институтам власти. Легитимность концентрируется на уровне первого лица, а весь административный аппарат воспринимается как его антагонист.

На протяжении двух десятилетий эксперты, в том числе по заданию правительства, неоднократно готовили предложения по модернизации госслужбы, которые, однако, реализовывались избирательно, в части технических изменений, не отменяющих главных причин неэффективности. С учетом вызовов общественно-политического развития России в новом политическом цикле, начинающемся в 2018 г., актуализируется новая программа государственного строительства. В этой связи остановимся на наиболее принципиальных, на наш взгляд, мерах, вытекающих из анализа прошлого опыта институционализации государственной службы.

В качестве политических факторов успеха такой реформы в краткосрочной перспективе видятся:

Во-первых, встраивание ее в стратегический курс президента. Это обусловлено тем, что главной целью реформы бюрократии должна являться ее ориентация на решение конкретных задач социально-экономического развития страны. Взятая в отрыве от основных приоритетов политического руководства, административная реформа обречена на неудачу.

Во-вторых, распределение задач между сторонниками реформы в ведомствах. В силу специфики института государственной службы на него замыкается реализация любой реформы, в том числе и реформа самой госслужбы, поэтому реализовывать ее в условиях сопротивления бюрократии невозможно. Неудачи многих радикальных реформ прошлого объясняются игнорированием собственных интересов данного института, попытками навязать ему цели извне. В действительности следует четко ориентироваться на настроения в административно-бюрократической среде, использовать недовольство значительной части госслужащих существующими дисфункциями института и вовлекать самих госслужащих в активную реализацию мероприятий реформы.

В-третьих, одноступенчатый характер, позволяющий достичь цели в пределах одного президентского цикла. Это условие критически важно, так как длительные и многоэтапные реформы в России чаще терпят неудачу³⁵. В свою очередь, реализовать в корот-

³⁵ См.: Гельман В.Я. Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. СПб., 2015. С. 49.

кие сроки можно только ограниченный набор мероприятий и при условии, что они хорошо проработаны и пользуются поддержкой хотя бы части общества.

Перечисленные факторы важны, однако они носят в основном характер прикладных политических технологий. Не менее важно определить основной вектор реформирования госаппарата. По нашему мнению, таким вектором должно стать преодоление институциональной ловушки. Для этого законодательство о государственной службе должно закрепить за ней черты общественного института. В определении действующего закона отсутствуют два важных элемента общественного института: *социальные нормы* (в законе сделан акцент на профессиональной составляющей службы в ущерб ее нравственно-этическим аспектам) и удовлетворяемая *общественная потребность* (акцентируется обслуживающая роль госслужбы в отношении политической элиты в ущерб ее взаимодействиям с иными институтами).

Предлагается в ходе будущих мер по реформированию государственной службы пересмотреть подход к ее правовому определению и изложить его следующим образом:

Государственная служба — это профессиональная деятельность, финансируемая из средств государственного бюджета, направленная на исполнение полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации в целях обеспечения развития экономики и повышения качества жизни граждан Российской Федерации.

Следует дополнить законодательство о государственной службе *принципом*, связанным с ориентацией государственных служащих в их деятельности на обеспечение экономического роста и повышение качества жизни граждан Российской Федерации.

В более долгосрочной перспективе следует рассмотреть возможность расширения границ службы, сближение ее с трудовой деятельностью в бюджетном секторе и местным самоуправлением. Итогом этого станет формирование нового вида службы — *публичной службы*, объединяющей федеральную и региональную гражданскую службу, муниципальную службу, работу в государственных и муниципальных учреждениях и организациях, в государственных компаниях и корпорациях, а в дальнейшем — в организациях гражданского общества.

Этим будут уничтожены искусственные перегородки между различными видами деятельности по обеспечению общественного интереса, установлена связь между деятельностью органов государства и развитием общества. Важнейшим направлением проектирования структуры публичной службы является обеспечение контроля над ее функционированием.

Эти меры соответствуют курсу президента РФ на создание новых институтов, альтернативных по отношению к традиционной бюрократии. Мы исходим из того, что государственную службу в существующем виде невозможно ни упразднить, ни искусственно реформировать извне ввиду сопротивления данной системы. Поэтому представляется более целесообразным формировать параллельно с ней новые формальные институты, построенные на иных принципах, снизив тем самым влияние неэффективной неопатримониальной бюрократии и создав условия для перехода к инклюзивным политическим институтам, в деятельность которых вовлечено все общество, а не только элиты.

Предлагаемые изменения направлены на повышение открытости государственной службы, ее адаптацию к изменяющимся потребностям российского общества и политическим изменениям, завершение этапа институционализации государственной службы в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев М.Н. Государев двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 67–72.

Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.

Валеев Х.А. Институт государственной службы Российской Федерации: политико-правовое исследование: Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2011.

Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО. 2013. № 4. С. 187–194.

Гельман В.Я. Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. СПб., 2015.

Зайцева Т.В. Реформа государственной службы России. История попыток реформирования с 1992 по 2000 г. / Под ред. Т.В. Зайцевой. М., 2003.

Комаровский В.С. Административная реформа: ожидания и требования граждан к государственной службе // Государственная служба. 2007. № 4. С. 4–8.

Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М., 2012.

Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.

Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000.

Лескова И.В. Становление института государственной службы в условиях политической модернизации современной России: политический анализ. Дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2004.

Магомедов К.О. Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 213–215.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Патрушев С.В. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.

Плаксин С., Жулин А. Пути модернизации государственного аппарата: административная реформа и реформа государственной гражданской службы // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 15–25.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

Полтерович В.М. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Т. 8. N 2. P. 25–44.

Слатинов В.Б. Реформирование государственной службы в России: институциональные эффекты и ловушки // Россия и современный мир. 2012. № 1. С. 79–90.

Тамбовцев В.Л. Теории институциональных изменений. М., 2010.

Шабров О.Ф. Реформа государственной службы: открытость или эффективность // Социология власти. 2005. № 6. С. 33–37.

Шастико А.Е. О методологии институциональных исследований // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 96–120.

Якобсон Л.И. Реформа государственной службы: интересы и приоритеты // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 5–22.

REFERENCES

Acemoglu D., Robinson J. The rise and decline of general laws of capitalism // Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 29. N 4. P. 123–135.

Afanas'yev M.N. Gosudarev dvor ili grazhdanskaya sluzhba? (Rossiyskoye chinovnichestvo na rasput'ye) [Sovereign courtyard or the civil service? (Russian bureaucracy at the crossroads)] // Political studies. 1995. N 6. P. 67–72 (in Russian).

Barabashev A.G. Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigm gosudarstva i byurokratii [The crisis of governance and its impact on the basic paradigm of the public administration and bureaucracy] // Public Administration Issues. 2016. N 3. P. 163–194 (in Russian).

Coase R. The institutional structure of production // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. N 4. P. 713–719.

Crozier M. The bureaucratic phenomenon. New Brunswick; L., 2010.

Drechsler W. The rise and demise of the new public management // Post-autistic Economics Review. 2005. Is. 33. P. 17–28.

Gaman-Golutvina O.V. Mirovoj opyt reformirovaniya system gosudarstvennogo upravleniya [International experience of reforming the public administration system] // Bulletin of MGIMO. 2013. N 4. P. 187–194 (in Russian).

Gelman V.Y. Modernizaciya, institutyi “porochnyj krug” postsovetskogo neopatrimonializma [Modernization, institutions and “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism]. SPb., 2015 (in Russian).

Huntington S. Political order in changing societies. N.Y., 2004.

Komarowskiy V.S. Administrativnaya reforma: ozhidaniya I trebovaniya grazhdan k gosudarstvennoj sluzhbe [Administrative reform: the expectations and demands of citizens to public office] // Public service. 2007. N 4. P. 4–8 (in Russian).

Kupryashin G.L. Modernizaciya gosudarstvennogo upravleniya: instituty i interesy [The modernization of public administration: the institutions and interests]. M., 2012 (in Russian).

Kuz'minov Ya.I., Radaev V.V., Yakovlev A.A., Yasin E.G. Instituty: otzaimstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossijskih reform I vozmozhnost' kul'tivirovaniya institucional'nyh izmenenij) [The institutions from borrowing to grow (the experience of Russian reforms and the possibility of changes in the institutional culture)] // Economic Issues. 2005. N 5. P. 5–27 (in Russian).

Ledeneva A. Can Russia modernize? Sistema, power networks, and informal governance. Cambridge, 2013.

Leskova I.V. Stanovlenie instituta gosudarstvennoj sluzhby v usloviyah politicheskoj modernizacii sovremennoj Rossii [Formation of institute of public service in the conditions of political modernization of modern Russia]: Dis. ... Candidate of polit. sciences. Orel, 2004 (in Russian).

Levada Yu.A. Otmneniy k ponimaniyu. Sotsiologicheskiye ocherki 1993–2000 [From opinions to understanding. Sociological Essays 1993–2000]. M., 2000 (in Russian).

Lynn L.Jr. What is a neo-Weberian state? Reflections on a concept and its implications // NISPACEE Journal of Public Administration and Policy. 2008. Vol. I. N 2. P. 17–37.

Magomedov K.O. Sotsiologicheskiy monitoring kadrovoy korrupszii v sisteme gosudarstvennogo I munitsipal'nogo upravleniya [Sociological monitoring of personnel corruption in the state and municipal management system] // Monitoring of Public Opinion: Economic and social change. 2016. N 2. P. 213–215 (in Russian).

North D.S. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1996.

Olsen J.P. Governing through institution building: institutional theory and recent European experiments in democratic organization. Oxford, 2010.

Parsons T. The structure of social action. M., 2000 (in Russian).

Patrushev S.V. Institucional'naya politologiya: Sovremennyyj institucionalizm I politicheskaya transformaciya Rossii [Institutional Political Science: Modern institutionalism and political transformation of Russia]. M., 2006 (in Russian).

Pejovich S. The market for institutions vs the strong hand of the state. The case of Eastern Europe // Economic institutions, markets and competition / Ed. by B. Dallago, L. Mittone. Cheltenham, 1996.

Plaksin S., Zhulin A. Puti modernizatsii gosudarstvennogo apparata: administrativnaya reforma I reforma gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby [Ways of

modernization of the state apparatus: Administrative Reform and Civil Service Reform] // Issues of Economy. 2008. N 2. P. 15–25 (in Russian).

Polterovich V.M. Institucional'nye lovushki: est' li vyhod [Institutional traps: is there a way] // Social studies and the present. 2004. N 3. P. 5–16 (in Russian).

Polterovich V.M. Proektirovanie reform: kak iskat' promezhutochnye instituty [Planning reform: how to look for intermediate institutes] // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Vol. 8. N 2. P. 25–44 (in Russian).

Rethinking political institutions // The Art of the State / Ed. by I. Shapiro, S. Skowronek, D. Galvin. N.Y., 2006.

Shabrov O.F. Reforma gosudarstvennoj sluzhby: otkrytost' ili ehffektivnost' [Civil service reform: transparency and efficiency] // Sociology of Power. 2005. N 6. P. 33–37 (in Russian).

Shastiko A.E. O metodologii institucional'nyh issledovanij [About the methodology of Institutional Research] // Economic Issues. 2016. N 8. P. 96–120 (in Russian).

Slatinov V.B. Reformirovanie gosudarstvennoj sluzhby v Rossii: institucional'nye ehffekty i lovushki [Reform of the civil service in Russia: institutional effects and pitfalls] // Russia and the Modern World. 2012. N 1. P. 79–90 (in Russian).

Tambovtsev V.L. Teorii institucional'nyh izmenenij [Theories of institutional change]. M., 2010 (in Russian).

The Oxford handbook of political institutions / Ed. by R. Rhodes. Oxford, 2008.

Valeev H.A. Institut gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii: politico-pravovoe issledovanie [Institute of Public Service of the Russian Federation: political-legal research]: Dis. ... Dr. of Polit. Sciences. M., 2011 (in Russian).

Williamson O. The theory of the firm as governance structure: from choice to contract // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16. N 3. P. 171–195.

Yakobson L.I. Reforma gosudarstvennoj sluzhby: interesy i priority [Civil service reform: the interests and priorities] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2002. N 3. P. 5–22 (in Russian).

Zaytseva T.V. Reforma gosudarstvennoj sluzhby Rossii. Istoriya popytok reformirovaniya s 1992 po 2000 g. [The reform of Russian civil service. The history of efforts at reform from 1992 to 2000] / Ed. by T.V. Zaitseva. M., 2003 (in Russian).